

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ[®] УЧЁНЫЙ

международный научный журнал

18
2017
Часть III

16+

ISSN 2072-0297

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 18 (152) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Члены редакционной коллегии:

Ахметова Мария Николаевна, доктор педагогических наук

Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук

Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук

Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук

Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук

Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук

Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам

Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук

Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук

Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук

Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук

Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук

Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук

Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук

Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, кандидат педагогических наук

Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения

Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук

Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук

Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук

Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук

Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук

Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук

Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук

Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук

Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук

Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук

Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук

Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии

Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук

Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук

Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук

Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук

Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук

Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук

Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Журнал включен в международный каталог периодических изданий «Ulrich's Periodicals Directory».

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются. За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы. Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, *кандидат филологических наук, доцент (Армения)*

Арошидзе Паата Леонидович, *доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)*

Атаев Загир Вагитович, *кандидат географических наук, профессор (Россия)*

Ахмеденов Кажмурат Максutowич, *кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)*

Бидова Бэла Бертовна, *доктор юридических наук, доцент (Россия)*

Борисов Вячеслав Викторович, *доктор педагогических наук, профессор (Украина)*

Велковска Гена Цветкова, *доктор экономических наук, доцент (Болгария)*

Гайич Тамара, *доктор экономических наук (Сербия)*

Данатаров Агахан, *кандидат технических наук (Туркменистан)*

Данилов Александр Максимович, *доктор технических наук, профессор (Россия)*

Демидов Алексей Александрович, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Досманбетова Зейнегуль Рамазановна, *доктор философии (PhD) по филологическим наукам (Казахстан)*

Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, *доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)*

Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, *доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)*

Игисинов Нурбек Сагинбекович, *доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)*

Кадыров Кутлуг-Бек Бекмуратович, *кандидат педагогических наук, заместитель директора (Узбекистан)*

Кайгородов Иван Борисович, *кандидат физико-математических наук (Бразилия)*

Каленский Александр Васильевич, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Козырева Ольга Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Россия)*

Колпак Евгений Петрович, *доктор физико-математических наук, профессор (Россия)*

Курпаяниди Константин Иванович, *доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)*

Куташов Вячеслав Анатольевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Лю Цзюань, *доктор филологических наук, профессор (Китай)*

Малес Людмила Владимировна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Нагервадзе Марина Алиевна, *доктор биологических наук, профессор (Грузия)*

Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, *кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)*

Прокопьев Николай Яковлевич, *доктор медицинских наук, профессор (Россия)*

Прокофьева Марина Анатольевна, *кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)*

Рахматуллин Рафаэль Юсупович, *доктор философских наук, профессор (Россия)*

Ребезов Максим Борисович, *доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)*

Сорока Юлия Георгиевна, *доктор социологических наук, доцент (Украина)*

Узаков Гулом Норбоевич, *доктор технических наук, доцент (Узбекистан)*

Хоналиев Назарали Хоналиевич, *доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)*

Хоссейни Амир, *доктор филологических наук (Иран)*

Шарипов Аскар Калиевич, *доктор экономических наук, доцент (Казахстан)*

Шуклина Зинаида Николаевна, *доктор экономических наук (Россия)*

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Галина Анатольевна

Ответственные редакторы: Осянина Екатерина Игоревна, Вейса Людмила Николаевна

Художник: Шишков Евгений Анатольевич

Верстка: Бурьянов Павел Яковлевич, Голубцов Максим Владимирович, Майер Ольга Вячеславовна

Почтовый адрес редакции: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231.

Фактический адрес редакции: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

Тираж 500 экз. Дата выхода в свет: 24.05.2017. Цена свободная.

Материалы публикуются в авторской редакции. Все права защищены.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

На обложке изображен *Норман Эрнест Борлоуг* (1914–2009), всемирно известный ученый-селекционер, фитопатолог, генетик, лауреат Нобелевской премии, «человек, спасший миллиард жизней».

Норман Борлоуг родился в 1914 году в штате Айова, США, в семье фермера. В 1933 году, после окончания средней школы, Борлоуг поступил в университет Миннесоты. Одному из преподавателей университета, Элвину Чарльзу Стакману, удалось настолько заинтересовать Нормана Эрнеста проблемой патологии растений, что в 1942 году он защитил диссертацию по грибковым заболеваниям льна. С этого же времени Борлоуг начал работать микробиологом в химической компании «Дюпон», занимаясь изучением свойств и производством бактерицидов и фунгицидов для сельскохозяйственных нужд. Именно тогда эти исследования были особенно актуальны как для Америки, так и для других государств.

Многолетние неурожаи в Мексике привели к тому, что президент страны Мануэль Авила Камачо вынужден был обратиться к Фонду Рокфеллера за помощью. В 1944 году в числе группы агрономов Борлоуг отправляется в Мексику для исправления создавшейся там ситуации. В этой стране молодой ученый 12 лет трудился над созданием новых сортов пшеницы с высокой урожайностью и устойчивостью к неблагоприятным внешним факторам и болезням. Благодаря этой работе Мексика не только обеспечила себя

зерном, но и начала его экспортировать. С полученными в Мексике результатами Борлоуг побывал в Пакистане и в Индии. Везде после визита ученого-селекционера урожайность в странах возрастала в несколько раз.

Кроме этого, ученый занимался селекцией отдаленно родственных видов, например пшеницы и ржи. Этот новый вид был назван «тритикале».

Исследования Борлоуга получили всемирное признание. Его называли отцом «Зеленой революции», а в октябре 1970 года Норману Эрнесту Борлоугу была вручена Нобелевская премия «За вклад в решение продовольственной проблемы и особенно за осуществление Зеленой революции». На вручении этой премии Осе Линоес сказала: «Никто другой из его поколения не сделал столько для того, чтобы дать хлеб голодному миру».

В 2006 году Норману Борлоугу была вручена высшая награда Америки — Золотая медаль Конгресса.

Норман Эрнест Борлоуг опубликовал более 70 научных трудов и статей, являлся членом национальных академий в разных странах, в частности Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени Ленина и Национальной академии наук США.

Норман Эрнест Борлоуг умер в сентябре 2009 года в возрасте 95 лет в Далласе.

Людмила Вейса, ответственный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Акимова И. В.

Практическое значение предмета «История политических и правовых учений» для начинающего юриста 197

Алексеев А. И.

Роль прокурора в уголовном судопроизводстве по делам о взяточничестве 200

Апрелова Ю. О.

Проблемы, связанные с распределением полученной прибыли по инвестиционному договору 202

Болясникова Л. А.

Некоторые аспекты свободы договора в российском гражданском праве: непоименованные договоры 204

Валеева Ю. В.

Проблемы квалификации преступлений, совершенных с применением насилия 207

Гайсин А. А.

Механизмы и способы защиты прав предпринимателя-кредитора в обязательственных правоотношениях 209

Дупленко В. И.

Основные принципы местного самоуправления в рамках взаимодействия с государственными органами власти 212

Каримбекова А. С.

Проблема налогообложения с социально-философской точки зрения 214

Кот К. К.

Налоговые последствия слияния юридических лиц: некоторые вопросы теории и практики .. 217

Лешукова Е. А.

К вопросу об объекте и предмете преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытых другими лицами преступным путем»..... 219

Липатова В. П.

Ответственность за подстрекательство и пособничество в самоубийстве несовершеннолетних в российском и зарубежном уголовном законодательстве: сравнительно-правовые аспекты..... 222

Лисовец Д. А.

Коллизионные вопросы при реализации права на реабилитацию 224

Мамошин В. И.

Генезис прав человека: горизонты мирового развития 226

Маркова Ю. В.

Правовой режим имущества унитарного предприятия..... 230

Маркова Ю. В.

Проблемы повышения эффективности правового регулирования деятельности унитарных предприятий..... 232

Новикова Д. С.

Свойство преюдициальности судебного решения в современном гражданском и арбитражном процессе..... 234

Слабович Д. Г.

Методика проведения прокурорской проверки исполнения законодательства в области проведения археологических полевых работ 236

Тадеева М. И.

Проблемные вопросы квалификации
преступлений экстремисткой
направленности 240

Фефелова Е. И.

Деликтоспособность несовершеннолетних как
предпосылка участия несовершеннолетних
в обязательствах вследствие
причинения вреда 242

Хахаев Д. Д.

Конституционное ограничение применения
российскими судами норм зарубежного права
путем применения оговорки о публичном
порядке 246

Шаихов Т. И.

Понятие имущества по российскому
законодательству 252

Шаихов Т. И.

Имущество, используемое в
предпринимательской деятельности:
методологическая парадигма науки
предпринимательского права 255

Шелягина О. А.

Место и значение подозрения в уголовном
процессе 257

Шигапова К. Р.

Правовые основы института государственной
тайны в России: эволюция и характеристика.. 261

Шувалова Э. В.

Нематериальные блага как объект
гражданских правоотношений 263

Шульгина Р. В.

Понятие чести, достоинства и деловой репутации
в российском гражданском праве..... 266

Шульгина Р. В.

Возмещение нематериального (репутационного)
вреда юридическим лицам 269

ИСТОРИЯ

Ваакс А. Н.

Трансформация идентичности жителей Астаны
(на примере одной семьи)..... 272

Матьякубова М. М., Абдуллаева Х. Б.

Административное и военное управление
Хивинского ханства 275

Матьякубова М. М., Худжаева Г.

Каллиграфия и эпиграфические памятники.
Место каллиграфии и эпиграфики в истории
Хивинского ханства 276

Таджиева Ф. Д., Юлдошова Г.

Значение Хорезма в исторических отношениях
народов Средней Азии в эпоху бронзы..... 278

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

Практическое значение предмета «История политических и правовых учений» для начинающего юриста

Акимова Ирина Витальевна, магистрант
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Современная образовательная программа высших учебных заведений в Российской Федерации неизменно отвечает требованиям образовательных стандартов. В зависимости от специализации вуза, направления подготовки и ступени образования, имеются специфические требования. Есть предметы по специализации, а есть общего плана. Причем, важное значение имеют оба модуля.

Цель любого высшего учебного заведения — это подготовка профессиональных специалистов того или иного профиля, с глубокими и основательно закрепленными теоретическими знаниями. Такие знания не могут и не должны ограничиваться только специализирующими предметами. В практической работе постоянно возникает необходимость применять знания из околпрофильных дисциплин. Они играют смежную роль, но очень часто их место является основополагающим для направления профессии.

В порядке подтверждения и доказывания настоящего утверждения целесообразно рассмотреть место и значение предмета такой дисциплины как «История политических и правовых учений» (далее — ИППУ), изучаемой в магистерской программе юридических вузов.

Предмет ИППУ не случайно начинают изучать с начала первого курса магистратуры. Для начала, необходимо дать определение предмету. Это научная и учебная дисциплина, рассматривающая закономерности развития политико-правовой теории, концепции права и государства, существовавшие и существующие ныне в истории юриспруденции. В основе дисциплины лежат взгляды и доктрины на природу государства и права в мировой истории.

Всемирная история политических и правовых учений — это важнейшая составляющая духовной и нравственной культуры человеческой цивилизации. Для учащихся по программе магистратуры юридического вуза знание истории политических и правовых взглядов становится культурно и практически необходимо. В этой дисциплине сконцентрирован громадный политико-правовой опыт прошлых поколений, отражены основные направления, этапы и итоги предыдущих исследований проблем прав и

свобод, становление и эволюция законодательства, методы политического регулирования, политика власти.

Накопленный мировой опыт хорошо показывает начинающему исследователю качество и результаты, эффективность и приемлемость той или иной политико-правовой доктрины. Насколько она результативна или безжизненна оказалась на практике. Это тот самый случай, когда теоретические воззрения и концепции выдерживают или не выдерживают проверку на практике, проверку временем. Из анализа той или иной политико-правовой школы или отдельного взгляда автора возможно увидеть фактический результат.

Отсутствие такой дисциплины в преподавании учащимся юридических вузов не позволит им увидеть плюсы и минусы правовых позиций во всем их многообразии. Начинающему юристу необходимо обзорно изучить своих предшественников, понимать их аргументацию, знать причинно-следственные связи. Такой познавательный опыт, идеи и достижения прошлого необходимы в современном обществе. Политические и правовые воззрения и ориентиры помогут уверенно работать в наши дни.

В своих попытках осмыслить настоящее и найти пути к лучшему будущему начинающие юристы всегда будут обращаться к прошлому. Искать в нем ответы на многие актуальные болевые вопросы, к исторически апробированным положениям, принципам и ценностям. Это не дань прошлому, не традиционное преклонение перед авторитетами, а необходимый способ решения текущих проблем. Это правильный способ отделить нежизнеспособные и даже опасные правовые механизмы от полезных и действующих, безотказных.

В этом отношении становится легко ориентироваться в прогрессивных и регрессивных, конструктивных и деструктивных методах правового регулирования, в современной политике государств.

Сам предмет методологически сложным не является. Он традиционно разделен на исторические эпохи и научные школы, содержит взгляды и работы отдельных ученых. Каждое учение несет в себе комплекс взглядов и мыслей на

тот или иной предмет государства и права, на ту или иную сторону общественной жизни эпохи. В конечном итоге, мы видим весь процесс формирования и утверждения общечеловеческих политико-правовых ценностей.

Предмет дает возможность понять, как в борьбе и столкновении разных позиций шел процесс развития познания природы государства и права, углубления представлений о праве, свободе, обязанностях, справедливости, об оптимальном государственном устройстве, о человеке, о его отношениях с властью.

В этом ракурсе предмет ИППУ имеет в том числе познавательное, просветительское, ценностное, воспитательное, духовно и профессионально дисциплинирующее, общекультурное значение. Задача дисциплины состоит в освещении основных положений всемирной истории политической и правовой мысли.

В системе юридических наук и дисциплин, в современной системе юридического образования история политических и правовых учений является самостоятельной. Одновременно, она смежна с историческим и юридическим профилем. Введена в систему образования в первом и во втором случае. Эта особенность обусловлена тем, что в рамках юридической дисциплины исследуется и освещается специфический предмет — эволюция возникновения и развития теоретических знаний о государстве, праве, политике и законодательстве, история политических и правовых теорий.

В значении «учение» в данной дисциплине предполагается по существу различные формы теоретического осмысления и фиксации исторически возникших и развивавшихся знаний. Это те теоретические концепции, идеи, положения и конструкции, в которых сконцентрировано логическое и понятийное выражение исторического процесса, углубление познания политических и правовых учений мировой цивилизации.

В общей сумме политико-правовых знаний прошлого и настоящего на сегодняшний день, уже недопустимо отделить им в науке второе место по их культурному, нравственному и образовательному значению. Как теоретически оформленные комплексы знаний они по своему гносеологическому уровню и характеру отличаются от других форм выражения политической и правовой деятельности. Они имеют научную и методологическую структуру.

Соединение в рамках единой юридической дисциплины, которая преподается по программе магистратуры обусловлено связью политических и правовых явлений, соответствующих понятий и определений, подтверждает наличие тесной внутренней взаимосвязи политических и правовых явлений, особенно явно это прослеживается в специфических предметно-методологических позициях юридической науки как системной науки о праве и государстве.

Еще одна особенность предмета заключается в том, что политические учения прошлого представлены в образовательных программах не как история как таковая, не как государствоведение, а в качестве соответствующих теоретических исследований проблем государства как спец-

ифического типа политически организованного общества. Государства, как особого типа политического явления и учреждения со всеми его проявлениями, отношений и институтов. Во взаимосвязи и взаимодействии с обществом. Т. е., как проблематика теории государственности, изучаемая различными научными школами, направлениями и отдельными авторами.

Кроме того, правовая мысль прошлого освещается в данной дисциплине не в виде истории юриспруденции со всеми ее отраслями, методологическими приемами, догматическим анализом, а преимущественно в виде теоретических концепций права, этапов становления законодательства. В этом случае, освещается природа, понятия, сущность и ценности, функции и роль специфических явлений общественной жизни той или иной эпохи или государства.

Такой подход относится в основном к сфере общей теории права или философии права. Однако, подобные проблемы в истории правовой мысли часто ставились и анализировались и на исключительно правовом материале отраслевого научного характера. Теперь об этом подробнее.

Именно в своем общеправовом значении проблемы частного или отраслевого характера приобретают существенное значение для характеристики правового и политического состояния преподавание научной дисциплины. Тем самым входят в область истории политических и правовых учений. На пример, по вопросу преступления и наказания, вине и форме ответственности, субъектности права, формах общественных организаций, роли и полномочиях судебных органов, источников судебных доказательств и способах доказывания, формах и направлениях административной деятельности, и т. п.

В данном случае, мы рассматриваем историю политических и правовых учений как юридическую дисциплину, преподаваемую в юридических вузах. По крайней мере, в этой ее части. Юристы мыслители прошлого оставили свое наследие для потомков с целью принести им практическую пользу. Обобщить и передать накопленные знания и заключения.

Однако, кроме юристов-мыслителей, значительный вклад в историю и содержание дисциплины внесли и другие представители гуманитарных наук, прежде всего философы и историки. Назовем наиболее ярких из них. Это Сократ, Платон, Аристотель, Эпикур, Конфуций, Фома Аквинский, Николо Макиавелли, Томас Гобс, Иммануил Кант, Джон Лок, Гегель. Из списка интереснейших ученых отечественной истории политических и правовых учений важно отметить Николая Александровича Бердяева, Александра Ивановича Герцена, Ивана Александровича Ильина, Василия Осиповича Ключевского, Сергея Андреевича Муромцева, Павла Ивановича Новгородцева, Александра Николаевича Радищева, Владимира Сергеевича Соловьева, Бориса Николаевича Чичерина, Михаила Михайловича Щербатова и ряд других видных деятелей русской науки, которые как таковыми юристами не

являлись, но внесли неоценимый вклад в общую основу и содержание дисциплины.

История политических и правовых учений подчиняется принципу научного историзма. А именно. При изложении генезиса воззрений, при его изучении учитывается последовательность исторических эпох, раскрываются причинно-следственные связи прошлого и будущего, по научным критериям сопоставляются и сравниваются учения и взгляды. Это позволяет изучить все эпохи и цивилизации на пути их государственного, исторического и политического усложнения. Увидеть связь эпохи с ее теоретическим осмыслением и проблематикой.

Отдельно следует отметить вклад ученых марксистской школы. Ее основоположники оставили большое наследие для исследователей последующих эпох.

В должной мере учитывая роль философии в развитии политической и правовой мысли, следует, однако, иметь в виду методологическое своеобразие политической и правовой мысли, обусловленное спецификой политических и правовых явлений как особых форм реальной действительности и объектов научного исследования.

Предметное своеобразие различных смежных дисциплин — это вопрос открытый, дискуссионный. Невозможно определить четкие границы из научного содержания. Очевидно одно — это их взаимопроникновение и взаимная связь, взаимное влияние. Исходя из этого теоретического посыла, становится очевидным необходимость комплексного изучения. Включение в образовательные программы юридических вузов такого предмета как история политических и правовых учений является основообразующим компонентом национальной образовательной системы.

Несомненное практическое удобство дисциплины заключается в том, что колоссально объемный теоретический материал сжат в ней до наиболее характеризующих важных выдержек, ссылок и обзоров. Большинство книг о политических доктринах прошлого состоят из объяснений классических работ и комментариев к ним. И они предназначены для чтения вместо этих работ или выдержек из них либо в сочетании с подобными произведениями и отрывками.

Литература:

1. История политических и правовых учений / Под общ. ред. академика РАН, д. ю. н., проф. В. С. Нерсесянца. — М.: Издательство НОРМА, 2001. — 352 с.
2. С. А. Дробышевский Политическая организация общества и право, как явления социальной эволюции / С. А. Дробышевский. Красноярск, 1995. — 296 с.
3. П. И. Новгородцев Об общественном идеале. М., 1991. с. 134.
4. Антология мировой философии. Т. 1. Ч. 1. М., 1969.
5. История политических и правовых учений / Под ред. М. В. Цыбульской. — М.: 2003. — 111 с.
6. История политических и правовых учений / Под ред. И. Ф. Манича. М.: — Юрайт-Издат, 2007. — 208 с.
7. История политических и правовых учений: Учебник / Под ред. О. Э. Лейста. — М.: Юридическая литература, 1997. — 576 с.

Далее, если возникает интерес к тому или иному направлению, автору, появляется возможность расширить и углубить знания именно по этому содержанию. Приступить к изучению теории самостоятельно.

Невозможно теоретическое осмысление и освоение профилирующего предмета без базовых дисциплинарных основ. Мыслители прошлого оставили нам не просто свои труды, но и передали опыт жизнеспособности или тщетности тех или иных научно-правовых и государственных концепций. Передача знаний и опыта нашим современникам и нашим потомкам — это сохранение культурного, нравственного и исторического опыта человеческой цивилизации, от эпохи к эпохе.

Для выработки юридически правильной рациональной позиции начинающему юристу необходима теоретическая опора. Для формирования нравственно здоровой гуманной позиции важно видеть исторический и культурный срез накопленного опыта. Все это позволит избежать излишних ошибок и недоразумений в профессиональной деятельности и карьерном росте. Принимать правильные решения типичных проблем политического властвования и правового регулирования, которые встречаются в современной государственной жизни в России и за рубежом.

Именно студентам предстоит строить и интегрировать новые явления в политической, правовой и общественной жизни общества. Уметь соответствовать возрастающим требованиям, оперативно реагировать на новые явления в современном обществе. С опорой на знания о политических и правовых учениях прошлого, делать это станет интереснее и менее болезненно. Знания по этой научной дисциплине позволяют быть полноценно грамотным и просвещенным специалистом высшей степени образования.

Такой познавательный труд полезен. Качественная организация государства может быть создана только тогда, когда знают, как ее добиться люди, оказывающие значительное влияние на общественные настроения. Усвоение политических и правовых идей прошлого приносит несомненную пользу студентам вузов, постигающим юриспруденцию.

Роль прокурора в уголовном судопроизводстве по делам о взяточничестве

Алексеев Алексей Игоревич, курсант
Военный университет Министерства обороны РФ

Данная статья посвящена исследованию вопросов, связанных с особенностями участия прокурора в делах о взяточничестве. В работе исследованы, систематизированы и проанализированы опыт труды ученых-процессуалистов, практический опыт прокурорских работников. Научная новизна, теоретическая и практическая значимость данной статьи заключается в попытке исследовать роль прокурора в уголовном производстве по делам о взяточничестве. Выработанные автором рекомендации могут быть внедрены в практическую деятельность правоохранительных органов.

Ключевые слова: прокурор, обвинение, взятка, уголовное судопроизводство, проверка сообщений о взяточничестве

Прокурор, согласно ст. 37 Уголовно-процессуального кодекса РФ, это должностное лицо, уполномоченное в пределах своей компетенции осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия [11].

Дача и получение взятки являются одними из наиболее сложных с точки зрения расследования и поддержания государственного обвинения составов преступлений. Несмотря на распространенность и повышенную общественную опасность коррупционных деяний, и, прежде всего, получения и дачи взяток, меры борьбы с ними остаются явно недостаточными. По данным исследования в 2016 году органами прокуратуры Российской Федерации выявлено свыше 381 тыс. нарушений закона в сфере противодействия коррупции, в том числе 54,3 тыс. незаконных правовых актов. Всего в ходе проведения антикоррупционной экспертизы прокурорами изучено 848,6 тыс. нормативных правовых актов.

В настоящее время прокурор не наделен полномочиями по руководству расследования уголовного дела на стадии предварительного следствия, а именно он не вправе давать указания следователям о проведении каких-либо следственных действий.

В сложившихся условиях важнейшей задачей прокурора является умелое и качественное поддержание государственного обвинения в суде. Он является одним из тех участников уголовного процесса, который призван обеспечить баланс справедливости в обществе. Это выражается в применении к виновному заслуженного наказания за совершенное преступление, либо наоборот, в изобличении псевдопотерпевшего во лжи и тем самым не допустив привлечения ошибочно обвиняемого к уголовной ответственности [9]. Между тем, нельзя не отметить, что качество поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве в силу комплекса объективных и субъективных причин далеко не всегда отвечает предъявляемым требованиям. В известной степени это связано с изменением процессуального положения государственного обвинителя в судебном разбирательстве, на которого

возлагается обязанность доказывания вины подсудимого. Именно поэтому деятельность прокурора при осуществлении функции обвинения предполагает высокую активность и особую степень ответственности.

Таким образом, следует признать, что проблемы поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве, являются, бесспорно, актуальными.

Согласно подпункта «а» пункта 1 части 2 статьи 151 УПК РФ, предварительное следствие по уголовным делам, ответственность за совершение которых предусмотрена статьями 290–291¹ УК РФ, производится следователями Следственного комитета Российской Федерации [11].

Руководящими документами прокурора при осуществлении прокурорского надзора на досудебных стадиях являются УПК РФ, Приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 05.09.2011 года № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия», Приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 02.06.2011 года № 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия», Указание Генеральной Прокуратуры РФ от 19.12.2011 года № 433 «Об усилении прокурорского надзора за исполнением требований закона о соблюдении подследственности уголовных дел».

Прокурор на досудебных стадиях уголовного судопроизводства осуществляет надзор за предварительным следствием посредством реализации следующих полномочий:

Его надзорная деятельность по делам о взяточничестве начинается с проверки исполнения законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах предварительного следствия. Согласно приказа Генеральной Прокуратуры РФ от 05.09.2011 года № 277 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия» прокурору следует обращать особое внимание на соблюдение компетенции уполномоченных должностных лиц, обязательную проверку сообщений средств массовой информации о преступлениях,

связанных с взяточничеством, так как в настоящее время люди стали чаще заявлять в СМИ о таких деяниях с различными целями [3]. Зачастую органы предварительного следствия игнорируют этот источник сообщения о взяточничестве, тем самым давая виновным избежать ответственности. Роль прокурора при выявлении такого нарушения заключается в том, чтобы направить работу следователя на проверку сообщения о совершении данного преступления.

В ходе проверки сообщений о взяточничестве имеет место быть такому явлению как фальсификация документов и результатов, а также они могут быть недостоверными. В первом случае это является следствием личной заинтересованности лица, которое осуществляет данное мероприятие. Во втором личная некомпетентность проверяющего. В обоих случаях прокурор обязан выявить эти нарушения и предпринять меры, предусмотренные законодательством, на устранение этих нарушений.

Зачастую заявитель по делам о взяточничестве изменяет свое первичное обращение или заявление. В таком случае прокурор должен проверить не применялись ли к последнему незаконные методы воздействия.

Прокурору следует также при проверке приема, регистрации и разрешении сообщений о совершении взяточничества проверять уведомлен ли заявитель о результатах рассмотрения его сообщения и разъяснено ли ему право обжаловать принятое решение и порядок обжалования [3]. С целью уменьшить рабочую нагрузку следователи и руководители следственных отделов целенаправленно в уведомлении заявителю не доводят последнему возможность обжаловать их решение. Данный факт нарушает права лица, заявившего о совершении преступления.

Руководящими документами прокурора при осуществлении своих полномочий в судебных стадиях являются УПК РФ, Приказ Генеральной Прокуратуры РФ от 25 декабря 2012 г. № 465 «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства», Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами норм уголовно-процессуального законодательства, регулирующих подготовку уголовного дела к судебному разбирательству» от 22 декабря 2009 г. № 28.

При рассмотрении уголовных дел в судебных заседаниях прокурор выступает в качестве государственного обвинителя. В этот момент его роль заключается в поддержании государственного обвинения. Успех судебного заседания на прямую зависит от качественной подготовки прокурора, которая заключается в анализе и оценке материалов уголовных дел.

Целью поддержания государственного обвинения прокурором в ходе судебного производства является установление виновности взяточполучателя. Чтобы решить эту задачу необходимо обеспечить качество доказательственной базы [6]. Достичь этого прокурору можно путем установления следующих групп обстоятельств следователями:

1) Субъекты взяточничества, факты, подтверждающие виновность субъектов преступления, форма их вины

и мотивы противоправного деяния, обстоятельства, влияющие на характер и степень виновности указанных лиц;

2) Способы взяточничества, предмет взяточничества, место и время совершения преступления;

3) Обстоятельства, способствовавшие совершению взяточничества, исключающие преступность и наказуемость деяния, смягчающие и отягчающие наказание, влекущие освобождение от уголовной ответственности и наказания, подтверждающие, что имущество, подлежащее конфискации в соответствии со статьей 104.1 УК РФ, получено в результате совершения преступления, является доходами от этого имущества либо использовалось или предназначалось для финансирования организованной группы [12].

При изучении материалов уголовного дела, находящегося в производстве следователя, прокурор должен проверять каждое из доказательств на предмет относимости, допустимости, а всей совокупности доказательств — на предмет достаточности для достижения целей обвинения.

Большое значение имеет участие прокурора в предварительном слушании, которое Генеральный прокурор Российской Федерации признал обязательным [13]. В ходе этого этапа государственный обвинитель может, как укрепить позицию обвинения, так и способствовать уклонению виновного от наказания. Результат предварительного слушания непременно зависит от качества работы прокурора в досудебном разбирательстве, в котором он проверяет законность и допустимость доказательственной базы, может оказывать влияние на ее формирование. Исходя из изученных материалов уголовного дела, находящегося в производстве, он может предположить какие ходатайства будет заявлять сторона защиты и выстроить аргументированную позицию их опровержения.

При рассмотрении в суде уголовного дела о взяточничестве прокурор должен эффективно поддерживать обвинение, чтобы добиться желанного результата. В этом ему может помешать изменение в суде показаний подсудимых, свидетелей. Вероятность изменения их показаний в суде по делам о взяточничестве остается всегда велика, так как к ним применяются различные средства воздействия со стороны защиты. В рассматриваемой категории дел это характерно для взяточдателя, который является основным свидетелем по факту совершения преступления и его показания не подкреплены какими-либо другими объективными доказательствами.

Судебное разбирательство связывает все стадии уголовного судопроизводства в единое целое. В ходе него подробно рассматриваются все обстоятельства, подлежащие установлению по уголовному делу, исследуются и проверяются доказательства, полученные в ходе предварительного расследования и представленных сторонами в суде или истребованных по инициативе самого суда.

В последнее время сложилась практика отказа прокурора от доказывания тех обстоятельств дела, которые требуют устранения выявленных противоречий, заявления ходатайств о проведении различных экспертиз и поиску дополнительных свидетелей. Поддержание обвинения го-

сударственным обвинителем проходит по тем обстоятельствам, которые не вызывают сомнения. Данное поведение прокурора значительно сказывается на формировании доказательственной базы, которая играет решающую роль в доказывании виновности лица в совершенном им преступлении. Также в делах о взяточничестве это может повлечь изменения объема обвинения путем исключения отдельных обстоятельств.

Прокурор является тем участником уголовного судопроизводства, который участвует в логическом процессе

завершения уголовного дела. Но зачастую допущенные ошибки на стадии рассмотрения уголовного дела в суде являются результатом недоработки следователей, своевременно не выявленных во время следствия.

Участие прокурора в уголовном судопроизводстве по делам о взяточничестве обуславливается быстротой и решительностью к сложившейся судебной ситуации, тщательным изучением уголовного дела, всесторонним и полным анализом его обстоятельств, правильной оценкой доказательств.

Литература:

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
2. Приказ Генпрокуратуры России от 02.06.2011 N 162 «Об организации прокурорского надзора за процессуальной деятельностью органов предварительного следствия»//КонсультантПлюс;
3. Приказ Генпрокуратуры России от 05.09.2011 N 277 (ред. от 08.06.2015) «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов при приеме, регистрации и разрешении сообщений о преступлениях в органах дознания и предварительного следствия»//КонсультантПлюс;
4. Грашичева, О.Н. Проблемы правового регулирования полномочий прокурора на этапе окончания предварительного расследования / Грашичева О.Н.// Российский следователь. 2015. № 6;
5. Ережипалиев, Д. Полномочия прокурора в стадии предварительного расследования / Ережипалиев Д. // Уголовное право. 2015. № 1;
6. Исаенко, В.Н. Оценка прокурором доказательств в досудебном производстве / Исаенко В.Н. // Законность. 2014. № 11;
7. Исаенко, В.Н. Действия прокурора по уголовному делу о получении взятки, поступившему с обвинительным заключением / Исаенко В.Н. // Законность. 2013. № 3;
8. Кругликов, А. Роль прокурора в уголовном судопроизводстве / Кругликов А. // Законность. 2008. № 8;
9. Гибадуллин, А., Гатауллин З. Отказ прокурора от государственного обвинения / Гибадуллин А., Гатауллин З. // Законность. 2007. № 8;
10. Багров, С. Отказ прокурора от обвинения / Багров С. // Уголовное право. 2005. № 4;
11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 30.12.2015). Ст. 151.
12. Посохина, И.В. Криминалистические аспекты поддержания государственного обвинения по делам о взяточничестве: Автореф. Дисс. канд. юрид. наук. М., 2006. с. 4.
13. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации «Об участии прокуроров в судебных стадиях уголовного судопроизводства» от 20 ноября 2007 г. № 185.

Проблемы, связанные с распределением полученной прибыли по инвестиционному договору

Апрелова Юлия Олеговна, магистрант;

Научный руководитель: Пермяков Антон Викторович, старший преподаватель

Тюменский государственный университет

Косновым формам инвестиционной деятельности в Российской Федерации относятся: концессионные соглашения, соглашения о разделе продукции, лизинговая деятельность, коллективное инвестирование в форме акционерных и паевых инвестиционных фондов, инвестиционные товарищества, инвестиции в ценные бумаги, покупка «бизнеса» и др. — в настоящее время процесс инвестирования сталкивается с множеством проблем, на-

чиная от правильного выбора сферы инвестиций и правового закрепления складывающихся инвестиционных отношений и, заканчивая распределением конечных результатов инвестиций, определении и распределении инвестиционной прибыли.

Последнее всегда вызывает множество споров среди инвесторов, а также лиц, непосредственно участвующих в (правовом) обеспечении инвестиционного процесса, по-

сколькo конечная цель любой формы инвестиций является получение прибыли. От того, каким образом её распределение будет осуществлено, зависит степень удовлетворённости материального интереса участников инвестиционных отношений.

В соответствии с Федеральным законом «Об инвестиционном товариществе» [4], (далее — Закон об инвестиционном товариществе) каждый товарищ по аналогии с участником коммерческой корпорации имеет право: — получать часть прибыли от участия в договоре инвестиционного товарищества пропорционально стоимости своего вклада в общее дело по договору инвестиционного товарищества, если иной порядок распределения прибыли не предусмотрен указанным договором; получить свою долю в общем имуществе товарищей в порядке, установленном договором инвестиционного товарищества, по истечении срока действия договора инвестиционного товарищества или по достижении установленной им цели.

Какого-либо специального правила о распределении прибыли между участниками договора инвестиционного товарищества в Законе об инвестиционном товариществе не содержится. Согласно п. 7 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11.07.2011 г. № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» [6] в случаях, когда из условий договора усматривается, что каждая из сторон вносит вклады (передает земельный участок, вносит денежные средства, выполняет работы, поставяет строительные материалы и т. д.) с целью достижения общей цели, а именно создания объекта недвижимости, соответствующий договор должен быть квалифицирован как договор простого товарищества, — Поэтому к таким отношениям применяются общие положения о распределении прибыли в договоре простого товарищества в соответствии со ст. 1048 ГК РФ [1], т. е. прибыль будет распределяться в соответствии с размерами долей.

Вместе с тем, полагаем необходимым различать договоры простого товарищества и инвестиционные договоры. Позиция суда о несущественности наименования договора в инвестиционной деятельности была заимствована из подхода, имеющего место при разрешении споров, возникающих из договоров поставки. Так, в соответствии с п. 5 Постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 22 октября 1997 г. N 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» [7], квалифицируя правоотношения участников спора, судам необходимо исходить из признаков договора поставки, предусмотренных ст. 506 ГК РФ независимо от наименования договора, названия его сторон. В настоящее время положения о несущественности наименования договора превратились в один из универсальных принципов, распространяющихся на любые договорные отношения.

В условиях отечественной правовой системы регулирования, проблема распределения прибыли по инвестиционному договору, может возникнуть еще на стадии его заключения. В качестве примера можно привести участие некоммерческих организаций в инвестиционных процессах, что может повлечь за собой возможность признания договора недействительным, на основании установления факта извлечения прибыли некоммерческой организацией, что в свою очередь повлечет возврат некоммерческой организации внесенного ее имущества и/или компенсацию стоимости данного имущества. В любом случае, подобное развитие событий, означает для некоммерческой организации потерю возможности получения части прибыли с объекта инвестирования, что фактически означает полное отсутствие прибыли.

Отсутствие четкого механизма ее распределения в инвестиционном договоре является еще одной проблемой, поскольку, зачастую, в данных видах договоров, стороны на стадии заключения предусматривают, что вопрос о распределении прибыли будет разрешен в отдельном соглашении. В большинстве случаев, результатом подобного подхода к распределению прибыли являются споры между участниками инвестиционной деятельности уже после завершения инвестиционного цикла.

При этом, — в некоторых формах инвестирования, таких, как инвестиционное товарищество, зачастую используется следующий механизм выстраивания отношений с инвесторами, который при всей выгодности для инвестора, может представлять существенный риск.

В силу положений Закона об инвестиционном товариществе размер ответственности товарища ограничивается размером его вклада, товарищество аккумулирует минимальные взносы, в целях уменьшения размера ответственности своих инвесторов, а в последующем товарищи предоставляют инвестиционному товариществу беспроцентные займы. В связи с тем, что при отсутствии соглашения о распределении прибыли, будет действовать общий принцип распределения прибыли пропорционально взносу инвестора, то в рассматриваемой ситуации, инвесторы рискуют получить минимальный размер прибыли, при внесении дополнительных средств в форме займа.

Следует отметить, что инвесторы рискуют также столкнуться проблемой возврата займов, предоставленных товариществу, в связи с особенностью правового статуса инвестора, как участника товарищества, и как кредитора товарищества.

Фактически речь будет идти о возможном совпадении кредитора и должника, что в силу положений статьи 413 ГК РФ может привести к прекращению обязательства.

Кроме того, одной из проблем, возникающей при распределении прибыли среди участников инвестиционного соглашения, является участие инвесторов в нескольких инвестиционных проектах, имеющих противоположный результат (например, когда один из инвестиционных проектов в результате завершения инвестиционного цикла демонстрирует прибыль, а другой — убыток).

В зарубежных инвестиционных практиках сформировалось два подхода к распределению прибыли в подобных ситуациях.

Согласно первому подходу при распределении прибыли среди инвесторов, результат каждого инвестиционного проекта имеет обособленный характер. При применении другого подхода результаты инвестиционной деятельности инвесторов определяется в совокупности, после чего принимается решение о распределении прибыли или отсутствии прибыли.

В завершение настоящей статьи необходимо отметить, что в соответствии с положениями Федерального закона «Об инвестиционном товариществе», дублирующей, положения ст. 1048 ГК РФ, каждый товарищ имеет право получать часть прибыли от участия в договоре инвестици-

онного товарищества пропорционально стоимости своего вклада в общее дело по договору инвестиционного товарищества, если иной порядок распределения прибыли не предусмотрен договором инвестиционного товарищества. При этом, распределение прибыли допускается только после удовлетворения управляющим товарищем за счет общего имущества товарищей требований кредиторов по общим обязательствам товарищей, срок исполнения которых наступил. Таким образом, в свете поименованного выше нормативного регулирования, проблемным является аспект достоверного установления размера обязательств, которые возникли при реализации инвестиционного проекта, поскольку напрямую влияет на объем прибыли, подлежащей к распределению и представляется ключевым в части защиты имущественных прав инвестора.

Литература:

1. «Конвенция о защите прав инвестора» (заключена в г. Москве 28.03.1997) // «Вестник ВАС РФ», N 8, 1997;
2. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // «Российская газета», N 238–239, 08.12.1994;
3. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая)» от 26.01.1996 N 14-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // «Собрание законодательства РФ», 29.01.1996, N 5, ст. 410;
4. Федеральный закон от 28.11.2011 N 335-ФЗ (ред. от 21.07.2014) «Об инвестиционном товариществе» // «Парламентская газета», N 52–53, 02–08.12.2011;
5. Федеральный закон от 09.07.1999 N 160-ФЗ (ред. от 05.05.2014) «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» // «Российская газета», N 134, 14.07.1999;
6. Постановление Пленума ВАС РФ от 11.07.2011 N 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» // «Вестник ВАС РФ», N 9, сентябрь, 2011;
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 22.10.1997 N 18 «О некоторых вопросах, связанных с применением Положений Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре поставки» // «Хозяйство и право», N 7, 1998;
8. Справочно-правовая система «Консультант Плюс», раздел судебной практики.

Некоторые аспекты свободы договора в российском гражданском праве: непоименованные договоры

Болясникова Людмила Александровна, студент
Иркутский государственный университет

В статье рассматривается один из аспектов реформы Гражданского кодекса Российской Федерации, затронувший ст. 421, а именно: о правовом регулировании непоименованных договоров согласно действующему законодательству. Автором уделяется внимание соотношению непоименованных и смешанных договоров, приводятся примеры непоименованных договоров.

Ключевые слова: принцип свободы договора, непоименованный договор, смешанный договор, реформа ГК РФ

Диспозитивный метод правового регулирования является основным методом гражданского права, которому в связи с этим присущи такие черты, как юридическое равенство сторон, свобода и добровольность волеизъявления. На этой основе базируется одно из главных начал

частного права — принцип свободы договора, конкретизированный в статье 421 Гражданского Кодекса Российской Федерации (далее по тексту также — ГК РФ) [1, ст. 421].

Свободу договора можно рассматривать как проявление конституционного принципа, поскольку Кон-

ституция Российской Федерации в статье 8 закрепляет: «В Российской Федерации гарантируются единство экономического пространства, свободное перемещение товаров, услуг и финансовых средств, поддержка конкуренции, свобода экономической деятельности» [2, ст. 8].

Данные положения являются составляющими основ конституционного строя в Российской Федерации, поэтому находятся под особой защитой государства. Указанные положения Конституции РФ конкретизируются и в ст. 34–37, например, «каждый имеет право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности». Перечисленные свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения.

Из смысла данных статей вытекает конституционное признание свободы договора как продолжения, прежде всего, экономической свободы, а так как именно гражданское право включает в свой предмет отношения, возникающие в процессе свободной экономической деятельности хозяйствующих субъектов, то является вполне логичным, что «экономические» положения Конституции находят своё продолжение в ст. 421 ГК РФ. Следует отметить, что Конституционный суд Российской Федерации неоднократно в своих постановлениях подчеркивал конституционную природу свободы договора, например: «Конституция Российской Федерации закрепляет признание и защиту равным образом всех форм собственности и гарантирует каждому свободу экономической деятельности, включая свободу договоров» [3].

В условиях рыночной экономики договор является одним из основных способов регулирования экономических взаимосвязей, который обеспечивает самостоятельное регулирование экономических отношений их участниками. А поскольку свобода экономической деятельности предполагает разнообразие, то право должно адекватно отвечать её требованиям в вопросах регулирования различных гражданских отношений.

Законодательство объективно «не успевает» урегулировать появляющиеся новые общественные отношения. В связи с этим принцип свободы договора предполагает возможность создания новых договорных конструкций, так называемых «непоименованных договоров». В доктрине этот элемент принципа свободы договора возможность получил название: «свобода выбора вида договора».

Согласно п. 1. ст. 8, п. 2 ст. 421 ГК РФ субъектам гражданского права предоставляется право заключать любой договор, как предусмотренный, так и не предусмотренный законом и иными нормативно-правовыми актами при условии, что такой договор не противоречит общим началам и смыслу законодательства.

Стороны вправе заключать также смешанные договоры, в которых присутствуют элементы различных договоров, предусмотренных законом или иными нормативно-правовыми актами (п. 3 ст. 421 ГК РФ). По общему правилу при правовом регулировании смешанных договоров применяются правила о договорах, элементы ко-

торых в нем содержатся, о чем также говорится в п. 3 ст. 421 ГК РФ.

А.Г. Карапетов и А.И. Савельев приводят понятие непоименованного договора, под которым понимается договор, в отношении которого не предусмотрено в законодательстве никакого позитивного регулирования, хотя бы он и упоминался в каком-либо законе или нормативно-правовом акте» [4, с. 18]. Например, в Налоговом кодексе Российской Федерации в контексте специальных правовых последствий упоминается договор о предоставлении персонала [5, ст. ст. 148, 264, 306]. Также в Регламенте Российского футбольного союза по статусу и переходам (трансферу) футболистов не только упоминается трансферный контракт о переходе футболиста, но и имеется его типовая форма. Конечно, нельзя признать нормативно-правовую силу данного Регламента РФС (скорее, он имеет локально-нормативную силу), но тем не менее упоминание в нем о трансферном контракте свидетельствует о том, что такая договорная конструкция выработана обычаями делового оборота и широко используется на практике [6].

По мнению А.И. Савельева к непоименованным следует также относить договоры о предоставлении «сырых данных»: «Если же компания всего лишь предоставляет не подлежащие охране средствами законодательства об интеллектуальной собственности данные или доступ к ним ради получения вознаграждения, говорить о том, что в таких отношениях есть исполнитель и заказчик в том контексте, который предполагается в рамках отношений по оказанию услуг, не приходится. Здесь нет деятельности, осуществляемой в интересах заказчика, есть лишь обязанность по оплате полученного блага» [7, с. 245].

С целью определения сущности непоименованных договоров важным является обозначить их соотношение со смешанными договорами. Непоименованный договор представляет собой договор, который не предусмотрен законами и иными правовыми актами, а смешанный договор содержит в себе отдельные элементы договорных конструкций.

Как замечает Жученко С.П., «в германском праве непоименованными договорами (*Innomenantverträge*, *unbenannte Verträge*) называются все те построения, которые лежат за пределами договоров, поименованных в их чистом виде, т. е. 1) собственно непоименованные договоры, как они понимаются в отечественном праве, 2) смешанные договоры» [8, с. 42]. Таким образом, в германском гражданском праве смешанные договоры также понимаются в качестве непоименованных договоров.

В юридической литературе ставится вопрос: возможны ли такие смешанные договоры, элементом которых является договор непоименованный (например, если в поименованном договоре содержится элемент непоименованного)?

Как отмечает Жученко С.П., «положительный ответ на этот вопрос содержится в ст. II.-1:107 (1) (b) Модельных правил европейского частного права (*Draft Common*

Frame of Reference (далее — DCFR)), в которой прямо сказано, что под смешанным договором в том числе понимается договор, который наряду с элементом, специально урегулированным настоящими правилами, содержит элемент договора такого вида, который регулируется только общими положениями о договорах» [8, с. 43].

Тем не менее Жученко С.П. подчеркивая, что «буквальное толкование легальной дефиниции смешанных договоров, данной в п. 3 ст. 421 ГК РФ, такой вывод исключает; во-вторых, сама идея смешанного договора предполагает, что смешивается именно то, что озвучено законодателем в качестве самостоятельных договорных моделей», приходит к выводу, что «любой договор, включающий в себя элемент непоименованного договора, должен признаваться обычным поименованным — с той лишь спецификой, что к непоименованной части будут применяться общие положения о договорах и обязательствах, на что и указывают разработчики DCFR» [8, с. 43].

Следует отметить, что свобода договора не является безграничной. В условиях абсолютной свободы договора «сильная» сторона подчиняет своим целям и интересам «слабую». В условиях рыночной экономики субъекты не равны в своем материальном положении, и дабы не допустить господства одних над другими, защитить публичные интересы и предотвратить злоупотребление правом, устанавливаются пределы свободы договора.

Свобода определения вида договора как элемент принципа свободы договора имеет свой предел. Так, согласно п. 5 Постановления Пленума ВАС РФ № 16 «О свободе договора и её пределах», п. 2 ст. 421 ГК РФ судам разрешается применять аналогию закона (п. 1 ст. 6 ГК РФ) к непоименованным договорам, хотя по общему правилу в соответствии с п. 3 ст. 421 ГК РФ к непоименованным договорам не применяются нормы об отдельных видах договоров [9].

Жученко С.П. полагает, что «при условии сходства отношений и отсутствия их прямого урегулирования соглашением сторон будет возможно применение правил

об отдельных договорах по аналогии» [8, с. 43]. Однако, А.Г. Карапетов и А.И. Савельев с определенной осторожностью к данному новшеству правового регулирования отмечают, что оно «допустимо только в самых исключительных случаях, когда политико-правовая необходимость применения соответствующей специальной императивной нормы к непоименованному договору не оставляет никаких сомнений. Суду должно быть абсолютно очевидно, что такое решение, выносимое де-факто вопреки букве ст. 6 ГК РФ, оправдано соображениями защиты интересов третьих лиц, публичных интересов или интересов слабой стороны договора» [4, с. 43].

А.И. Савельев в другом своем сочинении, уже упомянутом нами, высказывает свое мнение относительно возможности применения ст. 6 ГК РФ к непоименованному договору достаточно прямо: «данное положение призвано обеспечить дополнительные гарантии слабой стороне на случай искусственного выведения отношений в непоименованную сферу» [7, с. 246].

По нашему мнению, суды, разрешая споры, вытекающие из непоименованных договоров, должны руководствоваться принципом свободы договора и презумпции того, что стороны, выбрав заключение договора, не предусмотренного законом, не желали распространять на него правила о каком-либо типичном договоре. Следовательно, их отношения должны регулироваться общими нормами о договорах, сделках, обязательствах и самим договором. В данном случае суды не должны применять по аналогии правила о схожих договорах, которую следовало бы признать нарушением свободы договора — воли сторон на заключение договора, не предусмотренного законом.

Тем не менее на сегодняшний день, исходя из проведенного аналитико-правового анализа, можно сделать вывод о том, что правовое регулирование непоименованных договоров близится к смешанным договорам, как и в упомянутом нами примере из гражданского права Германии, где конструкции смешанного и непоименованного договоров строго не разделяются в доктрине.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 20 ноября 1994 г. № 51-ФЗ в ред. от 13 июля 2015 // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Конституция Российской Федерации [Текст]: принята всенар. Голосованием 12.12.1993 г. / Российская Федерация. Конституция (1993). // Собрание законодательства РФ. 2009. № 4. Ст. 445.
3. Определение Конституционного суда РФ от 4 февраля 2014 г. № 222-О // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
4. Карапетов, А. Г., Савельев, А.И. Свобода заключения непоименованных договоров и ее пределы // Вестник ВАС РФ. 2012. № 4. с. 12–56.
5. Налоговый кодекс Российской Федерации: федер. закон от 31 июля 1998 № 146-ФЗ // Собрание законодательства РФ. № 31. 03.08.1998. Ст. 3824.
6. Регламент Российского футбольного союза по статусу и переходам (трансферу) футболистов // [Электронный ресурс.] URL: <http://www.rfs.ru> (Дата обращения: 10.03.2017 г.)
7. Савельев, А.И. Направления эволюции свободы договора под влиянием современных информационных технологий // Свобода договора: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2016. с. 41–60. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.

8. Жученко, С.П. Смешанные договоры в контексте европейской (континентальной) правовой традиции // Свобода договора: сборник статей / отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2016. с. 41–60. // КонсультантПлюс [Электронный ресурс]: справочная правовая система.
9. «О свободе договора и её пределах»: Постановление Пленума ВАС РФ от 14.03.2014 № 16 // Вестник ВАС РФ. — 2014. — № 5.

Проблемы квалификации преступлений, совершенных с применением насилия

Валеева Юлия Валерьевна, магистрант
Югорский государственный университет

В данной статье рассматриваются особенности квалификации преступлений, совершенных с применением насилия. Также обозначены позиции по выработке подхода к вопросу квалификации сложных насильственных преступлений по совокупности уголовно-правовых норм и при их конкуренции.

Ключевые слова: *насилие, квалификация, применение насилия, квалификация по совокупности преступлений, усеченный состав, угроза применения насилия, максимальные и минимальные пределы санкций*

Problems of qualification of crimes committed with violence

Valeeva J. V.

This article deals with the peculiarities of qualification of crimes committed with violence. Also marked the position on its approach to the issue of characterization of complex violent crimes on set of criminal law and their competition.

Key words: *violence, education, violence, qualification for multiple crimes, a truncated part, the threat of violence, the maximum and minimum limits of sanctions*

Насилием, опасным для жизни или здоровья, признаваемым таковым по последствиям, является насилие, которое повлекло умышленное причинение смерти или вреда здоровью потерпевшего любой степени тяжести. При этом, как справедливо подчеркнул Л.Д. Гаухман, оговорка о форме вины необходима, поскольку неосторожное причинение смерти или вреда здоровью не является признаком, характеризующим насилие как опасное для жизни или здоровья, и если такие последствия в результате насильственных действий наступают, то при отсутствии других критериев опасности для жизни или здоровья насилие необходимо оценивать как не опасное [1] (например, в процессе насильственного грабежа потерпевший споткнулся и в результате падения на жесткий грунт получил черепно-мозговую травму, от которой впоследствии скончался).

Насилием, опасным для жизни или здоровья, по способу является такое насилие, которое не повлекло причинения смерти или вреда здоровью, однако обстоятельства, при которых виновный совершал насильственные действия, свидетельствовали об осознании им реальной возможности причинения указанных последствий: введение в организм потерпевшего против его воли или путем обмана опасного для жизни или здоровья сильнодействующего, ядовитого или одурманивающего вещества, использование собак или других животных, представляющих опас-

ность для жизни или здоровья человека, оставление связанного потерпевшего в холодном помещении, удушение, сталкивание потерпевшего с высоты или выталкивание его из движущегося транспортного средства, нанесение множественных побоев в область жизненно важных органов, применение огнестрельного оружия или взрывных устройств.

При отсутствии критериев, позволяющих судить о том, что примененное насилие представляло опасность для жизни или здоровья, насилие следует расценивать как не опасное для жизни или здоровья.

При ответе на вопрос о том, какими критериями следует руководствоваться, принимая решение о необходимости дополнительной квалификации по статьям гл. 16 УК в случае совершения преступлений, сопряженных с применением насилия, нужно исходить из сопоставления строгости санкции за преступление, совершенное с применением насилия, с одной стороны, и санкций за преступления против жизни и здоровья, предусмотренные гл. 16 УК, с другой стороны. Квалификация преступления, совершенного с применением насилия, производится по одной статье в тех случаях, когда санкция за такое преступление является более строгой по сравнению с санкциями за преступления против жизни и здоровья. Данный критерий имеет законодательное основание в ч. 1 ст. 17 УК, в соответствии с которой совокупность преступлений ис-

ключается, если совершение двух или более преступлений предусмотрено статьями Особенной части УК в качестве обстоятельства, влекущего более строгое наказание. Наряду с мнением о том, что критерий сопоставления строгости санкций является единственным, была высказана рекомендация, что также нужно учитывать уголовно-правовой принцип справедливости (ст. 6 УК).

Указанный вопрос играет ключевую роль в решении всех остальных вопросов квалификации насильственных преступлений, вынесенных для обсуждения на конференции в Верховном Суде. Трудно не согласиться с мнением, что для решения затронутого вопроса необходимо выработать в теории и на практике единый подход, что продиктовано общей юридической природой составов преступлений, в которых в качестве конструктивного или квалифицирующего признака выступает применение насилия [2]. Ввиду многообъектного характера данных преступлений, а также усложнения их объективной стороны за счет насильственного способа составы этих преступлений в теории уголовного права относятся к разряду сложных. Соответственно, и сами преступления могут быть названы сложными.

Однако выработка единого подхода к вопросу квалификации сложных насильственных преступлений по совокупности уголовно-правовых норм и при их конкуренции осложняется не только тем, что участники дискуссии не пришли к единообразному пониманию методики сравнения санкций (нужно ли наряду с максимальными пределами санкций учитывать их минимальные пределы, а также категории сравниваемых преступлений, принимать во внимание только основные наказания или также дополнительные, следует ли учитывать влияние на строгость санкции ограничений, предусмотренных правилами назначения наказания, и др.). Не достигнуто общее понимание в таких вопросах, как исчерпывается ли понятие насилия общественно опасным деянием либо оно охватывает также причиненный потерпевшему физический вред (смерть, вред здоровью, физическая боль и т. д.), а также с какого момента применение виновным насилия следует считать окончанным.

В теории и практике уголовного права по этому поводу обозначились три позиции:

1. признак «применение насилия» есть особая характеристика преступного действия, способ его совершения, но не последствия этого действия, которые находятся за рамками «насилия»;
2. последствия насилия в виде причинения физического вреда потерпевшему являются имманентным свойством этого способа преступления, охватываются его содержанием и фиксируют юридический момент окончания применения насилия;
3. «применение насилия» включает причинение физического вреда потерпевшему, однако является юридически окончанным посягательством в момент насильственного действия (усеченный состав).

Если бы в судебной практике получила распространение первая позиция, то не возникал бы вопрос: какими критериями следует руководствоваться при решении вопроса о необходимости дополнительной квалификации по статьям гл. 16 УК в случае совершения преступлений, сопряженных с применением насилия? Не возникал бы потому, что все последствия примененного виновным насилия, за исключением случаев, когда такие последствия прямо зафиксированы в качестве квалифицирующих признаков насильственного преступления, требовали бы дополнительной квалификации по правилу идеальной совокупности преступлений, а основание уголовной ответственности за применение насилия заключалось бы в том, что насильственное действие (бездействие) выступает способом преступления, облегчающим его совершение, и используется виновным как средство достижения противоправной цели.

Суды, напротив, исходя из того, что признак «применение насилия», фигурирующий в составах сложных насильственных преступлений, есть частный случай преступного физического насилия, понятие которого содержится в общих уголовно-правовых нормах, предусмотренных ст. 105, 111, 112, 115–117, 127 УК РФ [3]. Последние предусматривают составы насильственных преступлений, которые, как известно, являются оконченными при наступлении определенных общественно опасных последствий (смерти, вреда здоровью, физической боли, физических страданий, утраты физической свободы). При таком понимании насилия предпочтительной является третья позиция, исходя из которой насилие может быть определено как умышленное неправомерное причинение либо покушение на причинение физического вреда другому человеку против или помимо его воли.

Постулат о том, что насильственный способ сложного преступления не охватывает собой умышленное причинение смерти человеку и, таким образом, убийство, совершенное в процессе сложного насильственного преступления, при обычных условиях должно квалифицироваться по совокупности с последним, в значительной степени продиктован сложившейся судебной практикой.

В УК РФ законодатель демонстрирует примеры того, когда простое убийство (ч. 1 ст. 105), которое, надо заметить, является такой же разновидностью физического насилия, как и умышленное причинение вреда здоровью, исходя из традиционных правил квалификации насильственных преступлений, основанных на сравнении строгости санкций за них, может охватываться составом сложного насильственного преступления по признаку применения насилия (п. «в» ч. 4 ст. 229.1 УК РФ). Однако, по мнению Пленума Верховного Суда РФ, квалификация по совокупности преступлений необходима, даже если в процессе хищения либо вымогательства наркотических средств или психотропных веществ виновный применил насилие в виде умышленного причинения тяжкого вреда здоровью (п. «в» ч. 3 ст. 229 и ст. 111 УК РФ) [4].

Литература:

1. Гаухман, Л. Проблемы квалификации насильственных преступлений // Уголовное право. — 2014. — № 5. — с. 40.
2. Наумов, А. Совокупность в составных насильственных преступлениях: когда она есть и когда отсутствует // Уголовное право. — 2014. — № 5. — с. 76.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
4. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2006. — № 8.

Механизмы и способы защиты прав предпринимателя-кредитора в обязательственных правоотношениях

Гайсин Анвар Айратович, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Вступая в обязательственные правоотношения, предприниматели заинтересованы в надлежащем исполнении обязательства со стороны обязанного субъекта. Стремясь обезопасить себя от негативных последствий, которые могут возникнуть при исполнении обязательства, кредиторы прибегают к различным механизмам и способам, особенности применения которых будут рассмотрены в настоящей статье.

Ключевые слова: обязательство, кредитор, должник, предпринимательская деятельность, защита прав и законных интересов

Вступая в обязательственные правоотношения, кредитор-предприниматель, в первую очередь, преследует цель получить от должника надлежащее исполнение. Иными словами, кредитор заинтересован в том, что обязанная сторона выполнила своими действиями все условия возникшего обязательства.

При этом, следует отметить, что при неисполнении должником соответствующей обязанности, ранее кредитор фактически лишался возможности получить надлежащее исполнение, так как в законе отсутствовали нормы, определяющие способы защиты его прав. Содержащееся в Концепции развития гражданского законодательства предложение о включении подобных норм в кодекс преследовало, в частности, цель — подчеркнуть специфику обязательственно-правовых мер защиты нарушенных прав и определить их соотношение с другими способами защиты [1, с. 42]. Безусловно, такая специфика определяется особенностями непосредственно самих обязательств, в рамках которых кредитор наделяется правом на действие со стороны должника, а не на его имущество, как это предусмотрено, например, вещными правами.

Следовательно, в качестве одного из основных способов защиты прав кредитора в случае ненадлежащего исполнения стороной принятого на себя обязательства наряду с привлечением его к ответственности, должно служить требование кредитора об исполнении обязательства в натуре. Указанное право было закреплено в ст. 308.3

Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) [2], в 2015 году в ходе реформирования гражданского законодательства.

Интересно, что при разработке законопроекта предполагалось, что в случае досрочного прекращения обязательственного правоотношения должна обеспечиваться защита добросовестного субъекта, исполнившего обязательство, но не получившего встречного исполнения от второй стороны. В данной ситуации кредитор наделялся правом требовать возвращения исполненного по обязательству по правилам о возврате неосновательного обогащения. Следует отметить, что такое правило достаточно широко ранее применялось в судебной практике по делам о возврате исполненного по расторгнутому договору [3].

Однако, на наш взгляд, конструкция неосновательного обогащения не соотносится с перспективной моделью расторжения договоров, закрепленной в ст. 453 ГК РФ. Это обуславливается тем, что неосновательное обогащение, как правило, применяется в случае недействительности сделки (то есть несуществующей уже в момент заключения). Однако расторжение договора не может отождествляться с признанием ее в принципе несуществующей в силу определенного порока. Такое приравливание фактически означает, что кредитор может лишь истребовать предоставленное по договору, но не может применить ни обеспечительные меры, ни договорные санкции, то есть он оказывается в заведомо невыгодном

положении. Следовательно, закрепление правил о применении неосновательного обогащения в случае возврата переданного в исполнение обязательства имущества, считаем неверным как с точки зрения правовой природы рассмотренных конструкций, так и с точки зрения практических последствий.

В конечную редакцию ст. 308.3 ГК РФ был также включен дополнительный механизм защиты прав кредитора: возможность потребовать вместо исполнения обязательства в натуре, присудить ему некую денежную сумму на случай неисполнения судебного акта в размере, который определяется судом с учетом принципов справедливости, соразмерности, а также недопустимости извлечения выгоды из неправомерного поведения. Следует отметить, что правовая природа указанной денежной суммы не была определена законодателем, вместе с тем ссылка в названной норме на ст. 330 ГК РФ дает основание полагать, что речь идет именно о неустойке. При этом законодателем не было учтено, что неустойка устанавливается сторонами в соглашении в письменной форме, иное влечет недействительность соответствующего условия. Указанное фактически означает, что законодателем был установлен некий новый вид неустойки, размер и возможность взыскания которой были отданы на откуп суда.

Представляется, что авторы поправок в ГК РФ предполагали включить в гражданское законодательство новый институт, разработанный во французском праве, и имеющий название «астрент». Однако, как мы полагаем, в данном случае ссылка на статью 330 ГК РФ, дающую определение понятию «неустойка», не совсем корректна, так как сравниваемые понятия имеют разную правовую природу и нуждаются в самостоятельном регулировании. Следует отметить, что указанный пробел попытался устранить ВАС РФ в Постановлении Пленума № 22, который ввел астрент под названием «судебная неустойка» еще до внесения соответствующих изменений в ГК РФ [4].

Судебная неустойка может устанавливаться как твердом размере, так и в виде денежной суммы, начисляемой периодически, до момента фактического исполнения решения суда. Момент, с которого начинается исчисление денежной суммы, определяется судьей и может быть поставлен в зависимость как от вступления решения суда в силу, так и от срока, который может быть необходим для добровольного удовлетворения требования кредитора. Более того, истец имеет возможность сделать заявление о присуждении ему судебной неустойки и после начала исполнительного производства.

В настоящее время детальное регулирование вопросов взыскания судебной неустойки осуществляется в Постановлении Пленума ВС РФ № 7 [5]. Интересно, что и ВС не включил соответствующие разъяснения в раздел, касающийся неустойки, но напротив, поместил их в часть «Ответственность за неисполнение обязательств в натуре».

Еще один новый механизм защиты прав кредитора-предпринимателя в обязательственном правоотношении, был закреплен в ст. 406.1 ГК РФ, и получил на-

звание — возмещение потерь (в некоторых иностранных правопорядках именуется indemnity) [6, с. 110].

Так, кодексом установлено, что договор между предпринимателями может включать в себя условие, устанавливающее обязанность по возмещению одной из сторон потерь другой стороны. Что особенно важно, такие потери могут быть результатом не нарушения должником обязательства, но иных обстоятельств (например, потери, вызванные невозможностью исполнения в связи с принятием публичного акта). Иными словами рассматриваемый способ защиты не является формой ответственности, но представляет собой некую компенсацию риска кредитора в договорном правоотношении. Вместе с тем, представляется возможным до соответствующего законодательного урегулирования применение к отношениям по возмещению потерь некоторых норм о взыскании убытков (ст. 15, 404 ГК РФ) по аналогии для недопущения неосновательного обогащения кредитора.

Интересно, что при разработке законопроекта, предполагалось, что применение указанного института будет возможным исключительно для кредитора, при этом в статью было включено положение об учете вины кредитора в наступлении потерь. Такие ограничения были вызваны обоснованными опасениями относительно применения этого нового для отечественного законодательства института. Однако в окончательной редакции были оставлены достаточно конкретные правила, которые, как представляется, не достаточно учитывают риски, связанные с применением ст. 406.1 в гражданском обороте. Например, п. 5 указанной статьи распространил ее действие и на корпоративные отношения с участием физического лица, что на наш взгляд является необоснованным исключением из общего правила о предпринимателях-сторонах соглашения о возмещении потерь.

Одним из способов защиты прав кредитора-предпринимателя также является возможность взыскания процентов по ст. 317.1 ГК РФ, принятой в 2015 году. Интересно, что законодатель и в ст. 317.1, и в ст. 395 устанавливает возможность взыскания кредитором с должника неких процентов. Однако правила применения данных норм различны. Так, в ст. 395 ГК РФ законодателем предусмотрена санкция за неправомерное пользование чужими денежными средствами, в то время как ст. 317.1 не связана с применением к должнику мер гражданско-правовой ответственности: проценты здесь начисляются за законное пользование. Кроме того, сфера применения ст. 395 ГК РФ несколько шире, поскольку данный инструмент может использоваться любыми субъектами гражданских прав, а ст. 317.1 может применяться лишь в отношениях между коммерческими организациями. После принятия ст. 317.1 ГК РФ, в судебной практике возникало множество вопросов о применении указанной статьи, что было вызвано в частности, обязательным применением указанной нормы, если только стороны не предусматривали иное в договоре. Однако, законодатель, спустя буквально несколько месяцев после принятия ст.

317.1 ГК РФ, внес изменения в кодекс, в связи с чем сегодня начисление процентов происходит только если это предусмотрено законом или договором. Между тем, кредиторы зачастую предпочитают включать в условия договора классическую неустойку за нарушение обязательства, чем вносить в соглашение возможность применения указанной статьи в связи с ее достаточно невысокой процентной ставкой.

Еще одним способом защиты прав предпринимателя-кредитора является взыскание платы за односторонний отказ от исполнения договора должником. Так, в ст. 310 ГК РФ закреплено, что стороны, осуществляющие предпринимательскую деятельность вправе установить плату за реализацию секундарного права-отказа от договора. Не смотря на то, что указанная плата не имеет характера санкции или способа обеспечения исполнения обязательства в традиционном понимании, ее установление в договоре, безусловно, вызвано желанием кредитора максимально защитить себя от немотивированного прекращения договорных отношений, которое может повлечь определенные имущественные потери. Дискуссионным является вопрос о возможности снижения судом такой платы по аналогии со ст. 333 ГК РФ. ВС РФ было разъяснено, что суд вправе как частично, так и полностью отказать истцу во взыскании платы за односторонний отказ от исполнения договора в случае, если размер денежной суммы очевидно не соответствует неблагоприятным последствиям, которые вызваны отказом от договора и требование об уплате суммы в этом размере заведомо недобросовестно [7].

Представляется, что позиция ВС РФ не вполне оправдана, так как противоречит правовой природе платы за отказ от договора. На наш взгляд, такая плата не обладает компенсаторным характером, как, например, потому, что не всегда при расторжении договора они у стороны могут возникнуть. Напротив, плату за отказ можно сравнить с ценой за оказание услуги по предоставлению возможности выхода из договора, которая, не была предоставлена стороне законом. Такая цена в соответствии с принципом свободы договора может быть установлена сторонами в любом размере, тем более что речь идет о равноправных

субъектах предпринимательской деятельности. Если же контрагенту в ходе реализации договора покажется, что цена за выход из правоотношений завышена, он просто продолжит исполнение договора.

Безусловно, кредитор-предприниматель обладает возможностью использования и иных, более распространенных механизмов и способов защиты своих прав, ранее установленные законодателем, с учетом особенностей, обусловленных соответствующим статусом субъектов правоотношения. Например, в договоре между сторонами может быть предусмотрена неустойка за неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательства. При взыскании указанной неустойки кредитору в предпринимательских правоотношениях необходимо исходить из следующего. Снижение размера договорной неустойки, подлежащей уплате лицом при осуществлении приносящей доход деятельности, допускается в исключительных случаях, если она явно несоразмерна последствиям нарушения обязательства и может повлечь получение кредитором необоснованной выгоды. При этом если должником является лицо, осуществляющее коммерческую деятельность, снижение неустойки судом допускается только по обоснованному заявлению такого должника, которое может быть сделано в любой форме.

Таким образом, следует сделать следующие выводы. Кредитор-предприниматель имеет целый круг возможных механизмов и способов защиты своих прав в обязательственных правоотношениях. При этом использование некоторых из них характерно для любых лиц, в том числе не осуществляющих коммерческую деятельность. Здесь для предпринимателей могут быть установлены особенности применения таких способов защиты (например, снижение неустойки возможно только по заявлению должника и только в исключительных случаях). Вместе с тем, ГК РФ содержит и такие способы защиты прав кредитора, которые могут использоваться исключительно предпринимателями. К ним, в частности, относятся, возмещение потерь, плата за отказ от исполнения договора, проценты по денежному обязательству и другие. Особенности применения данных институтов устанавливаются как ГК РФ, так и судебными органами.

Литература:

1. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // Вестник ВАС РФ. № 11, 2009. 52 с.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 2 февраля 2017 г. № 12-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32, ст. 3301.
3. Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 11.01.2000 № 49 «Обзор практики рассмотрения споров, связанных с применением норм о неосновательном обогащении» // Вестник ВАС РФ. № 3, 2000.
4. Постановление Пленума ВАС РФ от 04.04.2014 № 22 «О некоторых вопросах присуждения взыскателю денежных средств за неисполнение судебного акта» // Вестник ВАС РФ. № 6, 2014.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» // Российская газета. № 70, 2016.

6. Витрянский, В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. М.: Статут, 2017. 431 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» // Российская газета. № 275, 2016.

Основные принципы местного самоуправления в рамках взаимодействия с государственными органами власти

Дупленко Владислав Игоревич, студент

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Западный филиал (г. Калининград)

Деятельность органов местного самоуправления выражается, прежде всего, в его принципах. Принципы местного самоуправления, это не абстрактная субстанция, они реально выражены и тем самым приобретают правовой характер и соответственно защищаются государством.

Под принципами местного самоуправления, в юридической теории, понимаются обусловленные правовой природой местного самоуправления фундаментальные начала и идеи, которые лежат в основе организационной деятельности населения, формирование органов, деятельность которых осуществляется самостоятельно и направлена на управление местными делами [1, с. 28].

В целях обеспечения единообразных правовых положений организации функционирования местного самоуправления в Российской Федерации устанавливаются, так называемые, общие принципы организации местного самоуправления. Данные принципы непосредственно закрепляются в Конституции Российской Федерации, Федеральном законе от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [2], соответствующих законах субъектов Российской Федерации, которые основываются на положениях Европейской Хартии о местном самоуправлении [3].

Конкретика большинства принципов отражается в нормативных актах. К таким нормативно-правовым актам относятся федеральные законы «О муниципальной службе в Российской Федерации», «О государственной регистрации уставов муниципальных образований», законы Калининградской области «О местных референдумах в Калининградской области», «О выборах депутатов представительного органа муниципального образования» и другие.

Рассматриваемые принципы местного самоуправления также находят свое развитие в комплексных правовых актах, которые регулируют не только деятельность местного самоуправления, но и другие институты общественных отношений. К указанным правовым актом можно отнести Федеральный закон «Об основных гаран-

тиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» Бюджетный Кодекс РФ, Налоговый Кодекс РФ, Градостроительный Кодекс РФ, Земельный Кодекс РФ, Закон Калининградской области «Об обеспечении условий проведения на территории Калининградской области собраний, митингов, демонстраций, шествий и пикетирований».

Вместе с тем, потребность выделения групп основных принципов местного самоуправления существует, так как в них выражается их основополагающая сущность и характеристики, которые определяют роль местного самоуправления, как самостоятельную форму народовластия.

Итак, к общим принципам местного самоуправления современная наука относит:

- прежде всего, самостоятельность органов местного самоуправления в решении тех или иных вопросов местного значения;
- обособленность органов местного самоуправления, как при организационной деятельности, так и при взаимодействиях с органами государственной власти;
- материальные и финансовые ресурсы местного самоуправления, задействованные при исполнении возложенных обязанностей, должны соответствовать полномочиям;
- на органах местного самоуправления и должностных лицах лежит серьезная ответственность перед населением административно-территориальной единицы;
- организационные методы осуществления деятельности местного самоуправления имеют многообразные формы; соблюдение прав и свобод человека и гражданина должностными лицами местного самоуправления;
- организационная деятельность органов местной власти основывается на законодательстве; так как органы местного самоуправления публичны, то их деятельность гласна;
- организационная форма деятельности местного самоуправления по своему содержанию включает коллегиальность и одновременно единогласие; государство законодательно гарантирует деятельность местного самоуправления [5, с. 32].

Самостоятельность органов местного самоуправления, проявляемая в решении местных общественных вопросов на практике, может осуществляться различными путями, к ним относятся проведение местного референдума; проведение муниципальных выборов; сход населения территориальной единицы и другие форм волеизъявления.

Другой принцип самостоятельности деятельности местных органов достигается за счет непосредственного участия в управлении муниципальной собственностью, формированием, утверждением и исполнением местного бюджета. В пределах, установленных Налоговым кодексом РФ, для этих целей муниципальный орган имеет право устанавливать местные налоги и сборы, и это может иметь большое значение для развития конкретного муниципального образования [4, с. 70].

Решения, принятые путем прямого волеизъявления населения, либо решением органов местного самоуправления, закреплены в Конституции РФ обязательны к исполнению всеми организациями, учреждениями вне зависимости от форм собственности или организационной формы.

Самостоятельность деятельности местного самоуправления гарантируется международными правовыми актами, Конституцией РФ и нормами муниципального права в пределах ее полномочий.

Рассмотрим более подробно принцип организационного обособления местного самоуправления. Основное содержание данного принципа прописано в статье 12 Конституции РФ и звучит следующим образом: «органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти».

В свою очередь статья 2 ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» устанавливает, что должностные лица местного самоуправления являются выборными, либо заключившими контракт (трудовой договор). Вне зависимости от этого они наделены полномочиями по исполнению и распоряжению, решению вопросов местного значения и (или) по организации деятельности органа местного самоуправления.

Следует указать, что муниципальное законодательство не только обеспечивает правовую защиту органов и должностных лиц местного самоуправления от незаконного вмешательства органов государственной власти в деятельность муниципалитета, но закрепляет основные положения их взаимодействия.

Так, в соответствии со статьей 132 Конституции РФ органы местного самоуправления, в рамках делегирования полномочий федеральными органами власти, могут наделяться определенными государственными полномочиями и осуществлять содействие, в соответствии с законом, государственным органам в выполнении их задач и функций на местном уровне.

Подобные взаимоотношения строятся и между муниципальными органами в пределах одного территориального округа. Следует также указать, что в таких случаях не

допускается подчиненность одного муниципального образования другому.

Следует отдельно указать, что ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ наделяет законодательные органы местного самоуправления правом осуществлением законодательной инициативы, кроме того закрепляет обязанность органов государственной власти, государственных должностных лиц рассматривать направленные им обращения органов и должностных лиц местного самоуправления.

Государственные органы наделены полномочиями в осуществлении контроля за соблюдением органами местного самоуправления законодательства.

Перейдем к принципу, провозглашающему соответствие материальных и финансовых ресурсов местного самоуправления его полномочиям.

Создатели Европейской Хартии считали, что финансово-экономические средства, находящиеся в распоряжении у органов местного самоуправления, должны соответствовать тем полномочиям, которые им представлены. Без практической реализации данного принципа муниципальный орган не сможет обеспечить свою независимость и самостоятельность от государства.

Этот принцип муниципального управления закреплен в Конституции и законодательстве о местном самоуправлении. Так, финансовая, экономическая и имущественная независимость закрепляется в Конституции РФ и ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ, которые выступают правовым гарантом и охраняют эти права наравне с иными формами собственности, а также признают самостоятельность действий в этих сферах.

Кроме того, ФЗ от 06.10.2003 № 131-ФЗ указывает, что собственность муниципалитета и местный бюджет является неотъемлемым атрибутом каждого муниципального образования.

Важнейшей составляющей, гарантирующей непосредственную реализацию на практике этого принципа, является государственное финансирование отдельных полномочий, которыми наделяются органы местного самоуправления, в части их делегирования государством, а также предоставление полной компенсации по дополнительным расходам, которые возникли в процессе их реализации. Такая гарантированность со стороны государства дает право муниципалитету принимать самостоятельные решения по формированию, утверждению и исполнению местного бюджета, а также устанавливать местные налоги и сборы.

Местное самоуправление в Российской Федерации нуждается в реальных шагах государства, направленных на его поддержку. Укрепление местного самоуправления имеет большое политическое, экономическое и социальное значение, такая поддержка вносит огромный вклад в экономическую устойчивость и финансовое становление самого государства.

Государственный контроль со стороны специализированных государственных органов тоже имеет свои правовые ограничения, в виду того, что это может существенно влиять на деятельность местного самоуправления.

Итак, согласно Хартии о местном самоуправлении государственный контроль должен соответствовать установленным критериям:

1. Административный контроль (надзор), установленный за органами местного самоуправления, государственные органы могут осуществлять только в формах и в случаях, предусмотренных Конституцией или законодательством.

2. Административный контроль (надзор) за деятельностью, осуществляемой органами местного самоуправления, может быть, как правило, осуществлен только для обеспечения и соблюдения законности и конституционных принципов.

Литература:

1. Глушенко, П.П., Пылин В.В. Муниципальное право: Учебное пособие. — СПб: Изд-во В.А. Михайлова, 2015. — 240 с.
2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 28.12.2016) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 09.01.2017) / Информационно-поисковая система «КонсультантПлюс».
3. Европейская хартия местного самоуправления (совершено в Страсбурге 15.10.1985) Информационно-поисковая система «КонсультантПлюс».
4. Дупленко, Н.Г. Субрегиональная асимметрия развития реального и финансового секторов экономики на примере Калининградской области // Вопросы экономики и управления. — 2015. — № 1 (1). — с. 65–70.
5. Винников, А.А. Государственное управление, исполнительная власть и местное самоуправление: Монография. / А.А. Винников. — М.: ЮРКОМПАНИ. — 2015. — 480 с.

Проблема налогообложения с социально-философской точки зрения

Каримбекова Акжан Сериковна, магистрант

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)

В современном независимом государстве Республики Казахстан налоговое право регулирует налоговые правоотношения. Народ является источником государственной власти, это означает, что его права и свободы являются высшей ценностью государства. Рассмотрим налогообложение, не с юридической точки зрения, а обратимся к его истории. Известный ученый Макиавелли в своем труде «Государь» неоднократно говорил о необходимости налогообложения при устройстве государственных дел. [1] Впервые сущность налогов была исследована в работе Д. Рикардо, который писал, что налоги составляют ту долю продукта и труда страны, которая поступает в распоряжение Правительства, они всегда уплачиваются, в конечном счете, из капитала или из дохода страны». Совокупность всех налогов и других обязательных платежей составляют налоговую систему. Налоги (в старину их называли «подати»), наряду с военной добычей и пошлинами, являются, пожалуй, самым древним способом добывания государством себе денег. Известный дореволюционный финансист П.П. Гензель по этому поводу

Государственный надзор по соблюдению законности в процессе осуществления управленческой деятельности органами муниципалитета возложен на органы прокуратуры. Прокуратура, в рамках отведённых ей полномочий, осуществляет государственный надзор, в том числе за соблюдением прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, реализация на практике всех перечисленных принципов местного самоуправления, по сути, является фундаментальной основой деятельности муниципальных органов и приоритетным направлением деятельности государства, и контроль за ними со стороны местного населения.

отмечает, что «уже в древнем мире были прекрасно известны технические приемы обложения, разнообразные кадастры и утонченные способы взыскания». Налоги как символ социальной целостности и единства могут быть представлены различными социальными явлениями: от выделения части индивидуальных средств в общественные фонды до организации семейно-брачных отношений и механизма деторождения. История свидетельствует, что существуют даже налоги «на воздух» и «на кровь». Именно поэтому в исследовании налогообложения возможно применять методологию феноменологического анализа, т. е. рассматривать налоги как конкретно исторический феномен. Воплощение символической природы налога в смысловой структуре картины мира закрепляется в социальных нормах, получает опредмечивание в культурно-исторической традиции и фиксируется категориями права. Всё это реализуется в мировоззренческой установке, доминирующей среди членов исторического общества, на основании которой осуществляется деятельность по преобразованию действительности для достижения со-

циального идеала. Причем эта установка охватывает все аспекты жизнедеятельности, что выражается категорией «образ жизни», «обыденность» или «повседневность», формирует поведенческие стереотипы и преемственность культурно-исторической традиции. [3]

Главный принципиальный момент «философии налогов» — мобилизации ресурсов общества как выражение социальной общности в целом. Современная философия налогов сводится к выделению всеобщих законов генезиса и функционирования особого социального феномена, обозначаемого понятием «налог» и комплексно представленного категориями экономики, права и социологии. [8]

Например, древнеиндийская налоговая система базируется не на имущественной дифференциации, а опредмечивает и закрепляет антропологическую концепцию индуизма. В ней была представлена иерархическая структура четырёх «варнических» типов человека, один из которых имел налоговые обязательства, один был лишен права платить налоги, а два — имели налоговые права без обязательств. Имущественное состояние в этом случае рассматривалось как следствие принадлежности к «варне» и неукоснительному следованию «варническим законам», которые имели выражение и в сфере налогообложения. Завершающей характеристикой новой модели феномена налогообложения, вырастающей из его роли в процессах социальной интеграции и дифференциации, становится его институциональный характер. Он выражается в построении иерархии всех социальных взаимосвязей при выраженном доминировании отношений определенного типа, которое закрепляется формированием особых институтов публичного права, таких как налоговое или финансовое право. В рамках налоговой системы доминирование обеспечивается применением средств «фискального иммунитета» и «налогового гнёта». [6]

Система налогообложения должна строиться не только на практических методах и действиях, но и на новейших философских основах науки, включающих категориальный аппарат экономики, психологии, права, социологии и других социально-гуманитарных дисциплин. Эта позиция представлена в работе Юткиной Т. Ф. «Налоги и налогообложение», где обуславливается необходимость выделения философского содержания понятия «налог» как элемента «общественного бытия». [7]

Как определяет известный экономист М. Т. Оспанов, что налоговая система — это законодательно установленный перечень всех действующих на данном моменте в пределах территории страны налогов и других обязательных платежей в бюджет с указанием налогоплательщиков и объектов обложения, условий и сроков выплаты, методологии расчета и учета, а также составляющих в совокупности систему управления налогами соответствующих положений. [2]

Автор в рамках своего диссертационного исследования «Международно-правовой аспект налогообложения в сфере бизнеса на пример стран участниц ЕАЭС» рассма-

тривает проблему налогообложения Республики Казахстан в сравнительной форме со странами участниками ЕАЭС. Изучение проблемы налогообложения в работе автора рассматривается не только с юридической, но и социально-философской точки зрения.

В современной Республике Казахстан налоги используются как регулирующий механизм социальной сферы. Льготы малоимущим, социально необеспеченным слоям населения недостаточны; для решения данной проблемы предлагается прогрессивные ставки налогообложения. Способность налоговой системы выполнять свои функции зависит не только от экономических показателей, но и социально-философских факторах. Известный философ Фрэнсис Бэкон в своей работе «Опыты или наставления нравственные и политические» (1625 г.) писал: «Налоги, взимаемые с согласия народа, не так ослабляют его мужество: примером тому могут служить пошлины в Нидерландах и до известной степени субсидии в Англии». [4]

Автор в своем диссертационном исследовании выделяет несколько факторов, влияющих на восприятие налоговой системы, так как она зависит именно от отношения общества к ней, и к отдельным видам налогов. Во — первых, очень важен уровень к государственным институтам и правовая культура граждан. Во-вторых, государство должен поддерживать диалог с народом, при формировании налоговой системы. Так как, любые изменения в налоговой системе могут восприняться обществом неправильно, что приведет к проблемам в практической реализации. И еще одним фактором, можно отметить, то, что общественные институты не имеют столь возможностей, чтобы контролировать, для каких целей были использованы денежные средства, собранные при помощи налогов и других обязательных платежей, т. к. народ полагает на то, что они использовались во благо и пользу народа.

Как отмечает Пилкина М. сам феномен налогообложения необходимо воспринимать не в системе экономических отношений, которые естественным историческим образом сформировались и закрепились на законодательном уровне, а в системе социальных норм, которые констатируют сложившиеся экономические и социальные отношения, позднее нашедшие свое отражение в структуре законодательства. Тем самым при анализе системы налогообложения изменяется логическая структура исследования, его логическая последовательность. Возможно, данный подход несет в себе определенный институционализм, поскольку ключевую роль играет структура социальных норм общества. А налогообложение в экономической сфере становится следствием общей мировоззренческой установки совместной деятельности. [9]

В современной истории философии налогов овеществляется представления о неделимости и сплоченности общества и государства, а налоги призваны обеспечить условия такого функционирования социума. Таким образом, налогообложение может рассматриваться как способ надления предметность различных философско-исторических представлений, например, о экономике, и его философ-

ский анализ можно проводить исходя из концептуальных идейных и ценностных оснований, а не исходя из экономических отношений того исторического периода. [9]

Таким образом, для эффективной налоговой системы необходимо, создание особого контроля над денежными средствами взимаемые государством, и ужесточение наказаний за нецелесообразное их использование. В целях создания эффективных механизмов для противодействия переводу денежных средств в «теневой» оборот и их последующей легализацией, совместно с заинтересованными государственными органами разработан проект Закона «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Казахстан по вопросам пресечения лжепредпринимательства».

Кроме того, автор в своей работе затрагивает вопросы налогообложения в сфере бизнеса. В Послании Президента Республики Казахстан своему народу «Стратегия «Казахстан-2030» на Новом этапе развития Казахстана» в качестве главных приоритетов нового этапа всесторонней модернизации Казахстана определены 30 важнейших направлений нашей внутренней и внешней политики. Одним из направлений является обеспечение последовательных действий по поддержке малого и среднего бизнеса в Республике Казахстан. В данном направлении Президентом отмечена необходимость совершенствования налогового законодательства, чтобы оно в полной мере стимулировало развитие предпринимательства, а также способствовало выходу бизнеса «из тени» [5].

В п. 2.3 Указа Президента Республики Казахстан от 24.08.2009 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года» особо подчеркивается: «Развитое, ясное налоговое законодательство — одно из важнейших условий, способствующих формированию благоприятного инвестиционного климата, привлечению отечественных и иностранных инвестиций. В этой связи налоговое законодательство должно быть напрямую связано с индустриально-инновационной стратегией страны: оно должно помочь развитию несырьевых секторов и внедрить в стране новые технологии. [10]

Подводя итоги, следует отметить, что в рамках диссертационной работы, автор исследует налогообложение в сфере бизнеса, как с юридической, так и социально-философской точки зрения. Выделив основные факторы влияния на налоговое законодательство государства, автор показал воздействие философских аспектов на налогообложение. При написании диссертационного исследования автор рассматривает законопроекты, указы Президента, Постановления о налоговой системе в Республике Казахстан, проводя сравнительную характеристику со странами ЕАЭС. Изучив проблему налогообложения с социально-философской точки зрения, автор достигает поставленную цель в своей работе. При учете всех социально-философских факторы позволит государству наладить диалог с обществом при практической реализации налоговой системы.

Литература:

1. Макиавелли Никколо «Государь» — М: Планета, 1990 г.
2. Алибеков, С. Т. «Налоговое право Республики Казахстан», Алматы, «Нур-пресс», — 210 с., 2007 г.
3. Панов, Е. Г. «Философия налогов», 2011 г.
4. Фрэнсис Бэкон «Опыты или наставления нравственные и политические», 1625 г.
5. Послание Президента Республики Казахстан Нурсултана Назарбаева народу Казахстана «Новый Казахстан в новом мире».
6. Люкимсон, П. Бизнес по-еврейски — 3: евреи и деньги. — Ростов н/Д, Феникс, 2008 г.
7. Юткина, Т. Ф. Налоги и налогообложение: Учебник. — М.: ИНФРА-М, 1999.
8. Пушкарева, В. М. История финансовой мысли и политики налогов: — М.: ИНФРА-М, 1996.
9. Пилкина, М. В., Тищук М. О. Современные философские воззрения на налогообложение и налоговую систему // Научное сообщество студентов XXI столетия. 2016 г.
10. Указ Президента Республики Казахстан от 24.08.2009 «О Концепции правовой политики Республики Казахстан на период с 2010 до 2020 года»

Налоговые последствия слияния юридических лиц: некоторые вопросы теории и практики

Кот Ксения Константиновна, студент
Всероссийский государственный университет юстиции

Юридические лица являются основными участниками гражданского оборота, субъектами, приносящими в бюджет существенную часть налоговых платежей.

Реорганизация юридических лиц — классический институт гражданского права, позволяющий учесть динамику общественных отношений, перестроить организационно-правовые формы бизнеса.

Вместе с тем, данный институт нередко используется субъектами налоговых отношений для снижения налоговой нагрузки.

Налоговое планирование, иными словами, налоговая оптимизация, в правовом поле предполагает использование многообразных инструментов реорганизация юридического лица. Как известно, ст. 57 Гражданского Кодекса Российской Федерации определяет пять видов реорганизации юридических лиц, а именно: слияние, присоединение, разделение, выделение и преобразование.

Однако, как свидетельствует об этом правоприменительная практика, главная забота налоговых органов состоит в недопущении ненадлежащей оптимизации, когда реорганизация используется в качестве одного из инструментов уклонения от уплаты налогов.

Наиболее распространенной формой реорганизации юридических лиц, особенно в условиях экономического кризиса, является слияние, которое, как известно, позволяет оптимизировать затраты на осуществление предпринимательской деятельности, реструктуризировать баланс предприятия. В этом смысле именно эту процедуру чаще других избирают субъекты предпринимательской деятельности, обосновывают, как наиболее эффективную.

В процессе проведения процедуры слияния различные компании образуют одно юридическое лицо, при этом оба участника сделки ликвидируются, а их права и обязанности переходят к вновь созданному юридическому лицу.

Передача прав и обязанностей в процессе слияния оформляется передаточным актом, в котором участники сделки указывают размер неисполненных обязательств перед бюджетом и контрагентами, уведомляя всех кредиторов и должников о принятом решении.

Согласно ст. 50 НК РФ при слиянии нескольких юридических лиц их правопреемником по исполнению обязанности уплаты налогов и сборов признается вновь возникшее в результате слияния юридическое лицо.

На правопреемника возлагается обязанность по уплате налогов реорганизованных юридических лиц независимо от того, были ли известны правопреемнику факты и обстоятельства неисполнения или ненадлежащего исполнения данных обязанностей реорганизованным лицом до завершения процесса слияния.

Анализ судебной-арбитражной практики демонстрирует, что такой позиции придерживаются и арбитражные суды. Так, из Постановления Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28.04.2014 по делу № А02—1960/2013 следует именно такой, типичный подход современных судов [5].

В отношении штрафов выводы доктрины и практики таковы: правопреемник должен уплатить штрафы реорганизуемых обществ, которые были наложены до завершения процедуры реорганизации [6, с. 32]. Как показывает судебная практика, налоговые органы в таких случаях все равно пытаются истребовать штрафы с правопреемников, но суды их в этом подходе, как правило, не поддерживают.

Таким образом, в результате проведения процедуры слияния у правопреемников возникает налоговая обязанность по уплате налогов, выявленных налоговыми органами после завершения процедуры слияния, независимо от предварительной осведомленности правопреемника о наличии налоговой задолженности. Что касается штрафных санкций, то они адресуются регулятором непосредственно к правопреемнику, как следствие ненадлежащего поведения нового юридического лица.

Одной из достаточно распространенных форм слияния является слияние прибыльной фирмы с убыточной с целью экономии на уплате налогов.

Если слияние мотивировано исключительно минимизацией налоговых обязательств, уменьшение налоговой базы на сумму убытков, полученных одной из организаций, может быть признано незаконным, и могут быть применены последствия признания сделки недействительной.

Если проверяющие должностные лица докажут, что основной целью такого слияния было получение дохода исключительно или преимущественно за счет налоговой выгоды, то она может быть признана необоснованной, и налоговые органы могут доначислить налог, воспользовавшись расчетным методом.

Суды в таком случае будут действовать согласно Постановлению Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды», о чем свидетельствует судебная-арбитражная практика [4].

Так, Межрайонной инспекцией Федеральной налоговой службы была проведена выездная налоговая проверка закрытого акционерного общества «Б». По результатам проверки было принято решение о привлечении Общества к ответственности за совершение налогового правонарушения в виде штрафа за неполную уплату налога на прибыль. Из решения Инспекции усматривается, что основанием к доначислению налога на прибыль

в сумме 13468028 рублей послужил вывод налогового органа о необоснованном включении Обществом в состав внереализационных расходов 2009 года дебиторской задолженности с истекшим сроком исковой давности в сумме 67715751 рубля 48 копеек.

Не согласившись с решением Инспекции, Общество обратилось в Арбитражный суд Владимирской области с заявлением о признании его недействительным. Решение было удовлетворено частично. В апелляционной жалобе Общество ссылалось на неправильное применение норм материального и процессуального права. Общество было образовано путем слияния двух фирм, учредителями и генеральными директорами которых являлись взаимозависимыми лицами.

Такая аргументация позволила налоговому органу прийти к обоснованному выводу о наличии согласованных действий взаимозависимых лиц. Эти действия, по мнению налогового органа, были направлены на искусственное создание невозможной к взысканию дебиторской задолженности, с целью уменьшения налоговой базы по налогу на прибыль и получения необоснованной налоговой выгоды. Суд апелляционной инстанции отказал в удовлетворении требований Общества, ссылаясь на Постановление Пленума ВАС № 53, и указав, что налоговая инспекция правомерно привлекла Общество к ответственности за совершенное налоговое правонарушение [3].

Преимущественной целью слияния должно быть только продолжение хозяйствующей деятельности. Сле-

довательно, целью слияния не может быть последующая ликвидация вновь созданного юридического лица. В том случае, если правопреемник не ведет деятельности, при обращении налогового органа в суд такая процедура будет признана недействительной [1, с. 37].

Так, налоговые органы нередко мотивируют отказ в государственной регистрации ликвидации юридического лица тем, что ликвидационный баланс хозяйствующего субъекта содержит недостоверные сведения: за налогоплательщиком нередко числится налоговая задолженность, которая в представленном балансе не отражена. Суды также устойчиво стоят на позиции, что на основании положений статей 2, 50 ГК РФ целью реорганизации, в том числе путем слияния юридических лиц, должно быть осуществление предпринимательской деятельности, а не ускоренная ликвидация реорганизованных юридических лиц.

Таким образом, проведение реорганизации путем слияния должно преследовать надлежащие цели. Существует обширная судебная практика, свидетельствующая о становлении и развитии государственной политики в области реорганизационных процедур, которые должны быть увязаны с надлежащими целями совершенствования бизнеса.

Необоснованные налоговые выгоды с использованием опасных схем налоговой оптимизации за счет слияния — это путь, который ведет к ощутимым потерям для бизнеса, к затяжным судебным разбирательствам, и, в конечном итоге, к репутационным потерям компании.

Литература:

1. Панина, П. Г. Какие налоговые последствия нужно учитывать при реорганизации компаний // Российский налоговый курьер. 2011. № 23. с. 32–40.
2. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 11.05.2012 по делу № А11–7419/2011 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Первого арбитражного апелляционного суда от 11.05.2012 по делу № А11–7419/2011 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Постановление Седьмого арбитражного апелляционного суда от 28.04.2014 по делу № А02–1960/2013 // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Федотенко, Ю. С. Слияние фирм и налоговые последствия // Административное право. 2011. № 3. с. 31–35.

К вопросу об объекте и предмете преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ «Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытых другими лицами преступным путем»

Лешукова Евгения Алексеевна, магистрант
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Статья посвящена проблемам правильного определения объекта преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ. Приводятся основные точки зрения по рассматриваемому вопросу, сформулировано мнение автора.

Ключевые слова: легализация, объект преступления, экономика, экономическая деятельность, предмет преступления, денежные средства, имущество

Проблема определения объекта любого преступления является одной из основополагающих в науке уголовного права, поскольку, будучи элементом состава преступления, объект входит в основание уголовной ответственности в соответствии со ст. 8 УК РФ. Кроме того, объект преступления создает необходимые предпосылки для правильной квалификации деяния, а также позволяет отграничить друг от друга преступления со смежными составами. Важнейшую роль определения объекта преступления подчеркивал Б.С. Никифоров, признавая, что «неправильная квалификация совершенного в ряде случаев преступного деяния имеет своим источником неправильное решение вопроса об объекте преступления» [1, с. 5].

Применительно к преступлению, предусмотренному ст. 174 УК РФ родовым объектом, то есть группой однородных общественных отношений, на которые посягают преступления, нормы об ответственности за совершение которых располагаются в пределах одного раздела Особенной части УК РФ, является отношения в сфере экономики.

Легального определения экономики в настоящее время не существует, в литературе же на этот счет встречаются различные точки зрения: экономику определяют и как «единый народно-хозяйственный комплекс» [2, с. 214], и как «хозяйственную систему, обеспечивающую удовлетворение потребностей людей и общества путем создания необходимых жизненных (экономических) благ» [3, с. 6].

Представляется, что правильнее будет говорить об экономике как о сложной системе особых, специфических отношений людей, в которой выделяются социально-экономические отношения — хозяйственные связи между большими социальными группами, отдельными коллективами и членами общества (отношения собственности) и организационно-экономические отношения, складывающиеся в процессе производства, распределения, обмена и потребления благ [4, с. 33].

Видовой объект объединяет более узкие группы общественных отношений, нормы ответственности за посягательства на которые объединены в пределах одной главы Особенной части УК РФ.

Статья 174 УК РФ является частью главы 22 «Преступления в сфере экономической деятельности», однако данный факт не исключает трудностей при определении видового объекта указанного преступления. Сложность состоит в том, что определения экономической деятельности в законе не дано, а в экономической литературе данное понятие отождествляется с понятием экономики и раскрывается через единство элементов: производство, распределение, обмен и потребление. В соответствии с этим возникает вопрос, можно ли определять видовой объект преступлений главы 22 УК РФ исходя из понятия «экономическая деятельность», учитывая его тождественность понятию «экономика»? Не нарушается ли таким образом соотношение философских категорий «род — вид», как «общее — частное», так как фактически общественные отношения, охраняемые родовым и видовым объектом, исходя из их сущности, являются идентичными по объему и содержанию?

Решение этого вопроса состоит в том, чтобы рассматривать экономическую деятельность в широком и узком смыслах. В первом случае понятия «экономика» и «экономическая деятельность» идентичны, их следует использовать в экономической теории, узкое же понимание экономической деятельности стоит отнести к области юриспруденции, учитывая при этом, что содержание экономической деятельности составляют по сути организационно-экономические отношения, входящие в структуру экономики.

Таким образом, видовым объектом преступления, предусмотренного статьей 174 УК РФ, являются общественные отношения, складывающиеся в сфере экономической деятельности. При этом экономическая деятельность — это вид общепользуемой деятельности, осуществляемой в сфере экономики по поводу производства, распределения, обмена и потребления материальных и духовных (нематериальных) благ, удовлетворения разнообразных потребностей индивида, членов общества в целом за счет получаемого экономического дохода [5, с. 25].

Относительно непосредственного объекта преступления, описанного в статье 174 УК РФ, то есть конкретного общественного отношения, блага, которое нарушается или ставится под угрозу нарушения в результате

совершения указанного деяния, необходимо отметить, что исходя из толкования статьи 174 УК РФ, таковым является легальный финансово-экономический оборот, который нарушается путем введения неправомерно добытых денежных средств или иного имущества.

В вопросе о непосредственном объекте так же не существует единого правильного подхода. Например, предлагается считать, что дополнительным объектом преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ является объект предикатного преступления, так как вред, причиняемый объекту такого посягательства, увеличивается за счет получения лицом возможности воспользоваться результатами своего преступного деяния, имея формально законные для этого основания, созданные в процессе легализации [6, с. 40].

Представляется верным, что дополнительным непосредственным объектом легализации будут являться общественные отношения, связанные с интересами правосудия, поскольку легализатор преследует цель придания законного статуса доходам, полученным от преступной деятельности, следовательно, всегда имеет место и «запутывание следов», в связи с этим затрудняется обнаружение преступно приобретенного имущества, могущего служить вещественным доказательством по делу, затрудняется его возврат потерпевшему или обращение в доход государства.

Не менее важное значение для характеристики легализации (отмывания) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, имеет предмет данного преступления. Диспозиция ч. 1 ст. 174 УК РФ определяет его как денежные средства или иное имущество, заведомо приобретенное другими лицами преступным путем.

Понятие денежных средств не вызывает вопросов и раскрыто в ст. 140 Гражданского кодекса РФ, а так же в ФЗ от 10.12.2003 № 173 «О валютном регулировании и валютном контроле». Так, к денежным средствам относятся наличные и безналичные деньги в любой валюте.

Имущество де, согласно ст. 128 ГК РФ включает в себя, кроме денежных средств еще ценные бумаги — документы, удостоверяющие имущественные права, осуществление или передача которых возможны только при предъявлении этих документов, а также бездокументарные ценные бумаги, недвижимые вещи, иные отличные от денег и ценных бумаг движимые вещи, имущественные права.

Из вышеперечисленного можно сделать вывод о том, что денежные средства входят в категорию имущества (как установлено ст. 130 ГК РФ денежные средства относятся к движимому имуществу), в связи с этим возникает резонный вопрос, целесообразно ли указание денежных средств, как предмета преступления в диспозиции статьи наряду с имуществом?

Представляется, что категории «денежные средства» и «имущество», в соответствии с законодательством, соотносятся как часть и целое, таким образом, в отдельном вы-

делении денежных средств в качестве отдельного предмета преступления нет необходимости.

Следует заметить, что по смыслу ст. 128 ГК РФ такие объекты гражданских прав, как работы и услуги; информация; результаты интеллектуальной деятельности, в том числе исключительные права на них (интеллектуальная собственность) к предмету преступления, предусмотренного ст. 174, не относятся.

Однако, в связи с многообразием мнений, а также с тем, что для правильного понимания термина «имущество» необходимо каждый раз обращаться к толкованию текста правовой нормы гражданского законодательства, в которой перечислены объекты гражданских прав, и не все они относятся к предмету рассматриваемого преступления, целесообразным было бы предусмотреть в примечании к статье 174 УК РФ что понимается под «имуществом» в целях единообразного применения данной статьи на практике и исключения споров в теории.

Имущество, являющееся предметом анализируемого преступления, должно быть приобретено преступным путем, то есть в результате совершения другим лицом любых преступлений. Примечательно, что в первоначальной редакции статьи 174 УК РФ предмет посягательства определялся как денежные средства или иное имущество, приобретенное заведомо незаконным путем. Исходя из указанной формулировки под признаки преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, подпадало не только имущество, добытое преступным путем, но и полученное в результате административного правонарушения, недействительных гражданско-правовых сделок, которые признаются незаконными. Это противоречило элементарной логике и принципам правовой ответственности.

Позже данный недостаток был устранен, однако остался вопрос, должна ли преступность деяния быть установлена вступившим в законную силу приговором суда в соответствии с ч. 1 ст. 49 Конституции РФ? Другими словами, «прежде надо выявить преступление и преступника, приобретенный преступный доход, доказать, что преступление действительно совершено, и только потом можно возбуждать уголовное дело по отмыванию» [7, с. 12].

Отвечая на поставленный вопрос, следует согласиться с тем, что вступивший в законную силу приговор суда, о котором говорится в ч. 1 ст. 49 Конституции РФ, необходим для признания лица виновным в совершении какого-либо преступления, однако этого не требуется для признания самого события преступления. Преступность события приобретения предметов легализации определяется не наличием судебного решения о признании лица виновным в совершении преступления, а наличием факта самого преступления, а точнее, достаточных данных, указывающих на признаки преступления, в результате которого доходы были приобретены. Вступившего в законную силу приговора суда по данному преступлению впоследствии может и не быть, например, по причине смерти виновного, однако отсутствие такого приговора не делает это деяние неправомерным.

Так, Верховный Суд РФ разрешил указанную проблему указанием в п. 4 Постановления Пленума ВС РФ от 07.07.2015 № 32 «О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем» о том, что вывод о преступном характере приобретения имущества можно сделать, основываясь на:

— обвинительном приговоре по основному преступлению;

— постановлении о прекращении уголовного преследования по нереабилитирующим обстоятельствам;

— постановлении о приостановлении следствия или дознания по причине того, что не был установлен главный фигурант дела.

До 2013 года, при анализе предмета преступления, предусмотренного ст. 174 УК РФ, выделялся еще один признак — легализуемое имущество не может быть приобретено посредством совершения преступлений, предусмотренных статьями 193, 194, 198, 199, 199.1 и 199.2. В литературе предпринимались попытки оправдать наличие данных исключений тем, что в результате совершения указанных преступлений не осуществляется приобретения какого-либо имущества, напротив, оно преступно сохраняется (скрывается).

28.06.2013 Федеральным законом № 134-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ в части противодействия незаконным финансовым операциям» преступления, предусмотренные статьями 193, 194, 198, 199, 199.1 и 199.2 включены в перечень предикатных. Законодатель в данном случае учел, что при совершении указанных преступлений, виновное лицо также приобретает незаконный доход, только иным путем, нежели при совершении других предикатных преступлений. Например, при уклонении от уплаты налогов или таможенных платежей происходит увеличение имущества преступника за счет тех средств, которые должны были поступить в доход государства. Иными словами, виновное лицо удерживает то, что ему не принадлежит.

Подводя итог вышеперечисленному можно сделать несколько выводов:

Во-первых, при дальнейшей характеристике состава преступления, предусмотренного ст. 174 необходимо учитывать, что родовым объектом указанного преступления являются общественные отношения в сфере экономики, видовым — отношения в сфере экономической деятельности, непосредственным же объектом являются интересы легального финансово-экономического оборота. Кроме того преступление характеризуется наличием дополнительного непосредственного объекта, которым являются общественные отношения, связанные с интересами правосудия.

Во-вторых, характеризуя преступление, предусмотренное ст. 174 УК РФ, нужно отметить, что его предметом, в соответствии с действующей законодательной конструкцией, являются денежные средства и иное имущество, приобретенное преступным путем. Однако в связи с тем, что по смыслу гражданского законодательства РФ денежные средства входят в понятие «имущество», из ст. 174 УК РФ имеет смысл исключить указание на денежные средства в диспозиции статьи. Во избежание же неоднозначного толкования предлагается предусмотреть в примечании к ст. 174 УК положение о том, что входит в понятие «имущество» применительно к данному преступлению. Так, предлагается примечание изложить в следующей редакции «Для целей настоящей статьи, а так же статьи 174.1 УК РФ в качестве имущества рассматриваются вещи, включая наличные деньги и ценные бумаги, безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги недвижимые вещи, иные отличные от денег и ценных бумаг движимые вещи, имущественные права».

В-третьих, важным обстоятельством является то, что денежные средства и иное имущество должно быть приобретено именно преступным путем, при этом предикатное преступление, может быть любым, включая исключенные ранее ст. ст. 193, 194, 198—199.2 УК РФ. Примечательно, что вывод о преступности деяния, в результате которого денежные средства и иное имущество было получено, может быть сделан не только на основании вступившего в силу приговора суда, иных решений, вынесенных по делу об основном преступлении.

Литература:

1. Никифоров, Б. С. Объект преступления: монография. / Б. С. Никифоров. — Гос. юр. издат., 1960. — 228 с.
2. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть. Учебник / под ред. Л. В. Иногамовой-Хегай, А. И. Рагоза, А. И. Чучаева. М., 2009. — 739 с.
3. Михайлушин, А. И., Шимко, П. Д. Экономика. / А. И. Михайлушин, П. Д. Шимко. — М. Высшая школа, 2000. — 399 с.
4. Борисов, Е. Ф. Экономика: учеб. / Е. Ф. Борисов. — М.: Проспект, 2009. — 399 с.
5. Николаева, Ю. В. Уголовно-правовые нормы о преступлениях в сфере экономической деятельности: актуальные проблемы теории и практики: монография. / Ю. В. Николаева, С. А. Юдичева, В. Е. Батюкова, И. М. Белякова, И. А. Ложкова. — М., 2014. — 120 с.
6. Волотова, Е. О. Легализация (отмывание) денежных средств или иного имущества, добытого другими преступным путем/ Е. О. Волотова// Адвокат. — 2011. — № 2. — с. 38–51.
7. Хамараев, В. А. Отсрочка для «прачечных» // Политика и общество. — 2001. — № 7. с. 12.

Ответственность за подстрекательство и пособничество в самоубийстве несовершеннолетних в российском и зарубежном уголовном законодательстве: сравнительно-правовые аспекты

Липатова Валентина Павловна, студент

Научный руководитель: Донченко Александр Григорьевич, кандидат юридических наук, доцент
Саратовская государственная юридическая академия

В статье исследуются проблемы криминализации подстрекательства и пособничества к самоубийству несовершеннолетних в российском и зарубежном уголовном праве. На основании проведенного исследования предлагается криминализировать подстрекательство и пособничество к самоубийству несовершеннолетних в российском уголовном законодательстве.

Ключевые слова: уголовное законодательство, самоубийство, подстрекательство, пособничество, склонение, несовершеннолетние

Актуальность избранной темы исследования обусловлена повышением в последние годы числа самоубийств среди подростков, состоявших в различных группах в социальных сетях с суицидальной, угнетающей личностью информацией. Согласно статистическим данным Следственного комитета РФ в 2016 году в результате совершения самоубийств в России погибло 720 подростков, статистика детских самоубийств возросла в прошлом году в 40 регионах страны [1]. За последние три года совершили суицид 2205 детей. При этом официальной статистикой не учитываются попытки совершения самоубийства несовершеннолетними. Администраторы подобных групп, зная об отсутствии в действующем УК РФ уголовного наказания за подстрекательство к самоубийству, беспрепятственно и безнаказанно совершают данные деяния.

В УК РФ содержится лишь одна статья — ст. 110 УК РФ, предусматривающая ответственность за доведение лица до самоубийства или до покушения на самоубийство, осуществляемое следующими способами: выражение физических или психических угроз, жестокое обращение или систематическое унижение человеческого достоинства потерпевшего. Таким образом, законодателем закреплён исчерпывающий перечень способов совершения деяния, которыми не охватываются возникшие в последние несколько лет формы деяний, воздействующих на сознание несовершеннолетних и подстрекающих их к совершению самоубийства.

Организаторы «групп смерти» совершают деяния, направленные на подстрекательство несовершеннолетних к суициду, манипулируя их не устойчивой психикой, путем популярных сегодня игр в альтернативной реальности. Увлеченные игрой подростки не всегда способны разграничить происходящие в игре от реальности, поэтому, выполняя задания, которые им велит куратор игры из «группы смерти», они не осознают, что могут наступить несовместимые с жизнью последствия. В большинстве случаев несовершеннолетние совершают самоубийство не в результате угроз, жестокого обращения или систематического унижения их человеческого достоинства, а само-

стоятельно, поглощенные смертельной игрой и расценивающие данный шаг как очередной этап игры. В результате такого исхода некого привлечь к ответу за произошедшее из-за отсутствия в действующем УК РФ состава преступления, предусматривающего ответственность за склонение к совершению самоубийства.

Но есть и те подростки, которые став участником смертельной игры, теряют к ней интерес и хотят выйти. К сожалению, сделать это оказывается не просто: «группы смерти» работают как ловушки — войти легко, а выйти удается не всем. Кураторы игры или же администраторы таких групп путем угроз причинения смерти родственникам подростка и иными угрозами понуждают его к суициду. И только когда в результате таких угроз со стороны администратора «группы смерти» или куратора несовершеннолетний совершает самоубийство или покушение на самоубийство, возможно возбуждение уголовного дела по ст. 110 УК РФ и привлечение лица, совершившего уголовно наказуемое деяние к ответственности.

20 января 2017 года Российским общественным центром интернет-технологий (РОЦИТ) зафиксирован всплеск активности в социальных сетях «групп смерти». Сотрудниками РОЦИТ в январе 2017 был проведен анализ тегов (теги — ключевые слова, позволяющие быстро найти нужную информацию в социальных сетях), типичных для групп суицидальной тематики, в публичных сообщениях на стенах групп в соцсети «ВКонтакте», в результате которого было обнаружено около 4000 тегов этих групп за день. Возросший интерес к таким суицидальным группам объясняется активной демонстрацией в СМИ, произошедших в конце 2016 г. — начале 2017 г. самоубийств подростков, состоявших в «группах смерти». Выпуски в новостных программах становятся для них хорошей и бесплатной рекламой, подогревающей интерес общества, а в частности несовершеннолетних.

В связи с возросшим ростом числа самоубийств среди подростков и возникшей необходимостью обеспечить безопасность жизни и здоровья несовершеннолетних вице-спикером Государственной Думы И.А. Яровой был

предложен законопроект, содержащий поправки в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы РФ, вводящие уголовную ответственность за склонение к совершению самоубийства, а также за содействие совершению самоубийства. Предложенный законопроект был рассмотрен Советом Государственной Думы 21 марта 2017 года. Вице-спикер Государственной Думы И.А. Яровая предложила ввести в УК РФ статью 110.1, содержащую два самостоятельных состава преступления — склонение к совершению самоубийства и содействие совершению самоубийства, основные составы которых отнесены к деяниям небольшой тяжести. Согласно законопроекту, ч. 1 ст. 110.1 закрепляет формальный состав уголовно наказуемого деяния, способы совершения которого изложены альтернативно, неисчерпывающим перечнем — «путем уговоров, предложений, подкупа, обмана или иным способом при отсутствии признаков доведения до самоубийства» [2]. Уголовно наказуемым признается также содействие совершению самоубийства советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению, а также обещанием скрыть средства или орудия совершения самоубийства.

Законопроектом также устанавливается самостоятельная уголовная ответственность за организацию деятельности, сопряженной с побуждением граждан к совершению самоубийства путем распространения информации о способах совершения самоубийства, а также призывов к совершению самоубийства. То есть предусматривается ответственность непосредственно для администраторов и организаторов «групп смерти» и иных групп, побуждающих лиц, а в первую очередь несовершеннолетних, к совершению самоубийства. Пресечение работы таких групп, сайтов с размещенными на них играми суицидальной тематики является превентивной мерой совершения самоубийств и представляет собой кардинальный способ борьбы с виртуальными подстрекателями к совершению самоубийства.

Согласно ч. 5 ст. 33 действующего УК РФ пособничество, выраженное в содействии совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения самоубийства либо устранением препятствий к его совершению, а также обещанием скрыть средства или орудия совершения преступления, является одной из форм соучастия совершения преступления. При склонении к совершению самоубийства действия виновного лица включают в себя содействие совершению самоубийства, в частности дачу советов и указаний. Поэтому в выделении пособничества в качестве отдельного состава нет необходимости.

Склонение или доведение до самоубийства носит адресный характер, и, следовательно, не может расцениваться как склонение к совершению самоубийства массовое распространение информации о способах совершения самоубийства, предусмотренные ст. 110.2 зако-

нопроекта. Иначе уголовной ответственности нужно будет подвергать режиссеров фильмов, в которых демонстрируются сцены самоубийств, или авторов литературных произведений с аналогичным содержанием.

Разработанные в законопроекте положения соответствуют зарубежному опыту правового регулирования противодействия криминальному суициду, в частности действующим УК Франции, Испании и Австрии. Так, в УК Испании уголовно наказуемым является доведение до самоубийства, содействие в совершении самоубийства [4], при этом способы совершения данных деяний законодателем не указаны. Параграфом 78 УК Австрии установлена уголовная ответственность за склонение лица к самоубийству, а также за содействие в совершении данного деяния. УК Франции в Отделе VI в ст. 223–13 предусмотрена уголовная ответственность за подстрекательство к самоубийству, при условии, что оно повлекло самоубийство или попытку самоубийства. А в абз. 2 ст. 223–13 содержится квалифицированный состав — совершение указанного деяния в отношении несовершеннолетнего, не достигшего пятнадцатилетнего возраста. В УК Франции в ст. 223–14 закреплён отдельный состав — пропаганда или рекламирование каким бы то ни было способом товаров, предметов или методов в качестве средств совершения самоубийства [5]. Ст. 223–15 УК Франции содержит квалифицированный состав по отношению к ст. 223–13 и 223–14 УК Франции — совершение указанных деяний с использованием печатных или аудиовизуальных средств массовой информации.

Рассмотренные статьи Уголовных кодексов зарубежных стран содержат материальные составы преступлений, но не закрепляют конкретных способов совершения деяний, в отличие от ст. 110 УК РФ. Поэтому статьи зарубежных УК являются универсальными и применимыми к рассматриваемым в данной работе деяниям, направленным на побуждение несовершеннолетних к суицидальному поведению, так как в них установлена уголовная ответственность за совершение конкретного деяния, повлекшего наступление общественно опасных последствий, независимо от способов его совершения.

Таким образом, проведенное исследование ответственности за подстрекательство и пособничество в самоубийстве несовершеннолетних в российском и зарубежном уголовном законодательстве позволяет сформулировать следующее предложение:

вести в УК РФ статью 110.1, которую изложить в следующей редакции:

«Статья 110.1. Склонение к совершению самоубийства

1. Склонение к совершению самоубийства путем угроз, уговоров, предложений, обмана или иным способом, — наказывается ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до двух лет;

2. Деяния, предусмотренные частью первой настоящей статьи, совершенные, —

а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного;

б) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть «Интернет»), —

наказывается принудительными работами на срок до четырех лет либо лишением свободы на срок до четырех лет;

3. Деяния, предусмотренные частью первой или второй настоящей статьи, если они повлекли

самоубийство лица или покушение на самоубийство, — наказывается ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на срок до пяти лет».

Литература:

1. Пояснительная записка к законопроекту № 118634–7 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [сайт]. — URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=118634-7&02> (дата обращения 18.04.2017).
2. Законопроект № 118634–7 // Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации [сайт]. — URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=118634-7&02> (дата обращения 18.04.2017).
3. Уголовный кодекс Испании. Книга II. [Электронный ресурс]: Федеральный правовой портал. — URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1247923&subID=100111282,100111284,100111472,100111501#text> (дата обращения 18.04.2017).
4. Уголовный кодекс Франции [Электронный ресурс]: Федеральный правовой портал. — URL <http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1243018&subID=100104265,100104266#text> (дата обращения 18.04.2017).

Коллизионные вопросы при реализации права на реабилитацию

Лисовец Дмитрий Андреевич, магистрант;

Научный руководитель: Коблева Мария Мухадиновна, кандидат юридических наук, декан
Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия

В действующей Конституции Российской Федерации предусмотрен ряд статей, которые легли в основу главы 18 Уголовно-процессуального кодекса, образуя в свою очередь институт реабилитации. В частности, ст. 2 Конституции РФ предусмотрено положение о том, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью российского государства; ст. 53 Конституции РФ — «каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействиями) органов государственной власти или их должностных лиц», а нормой ст. 52 закреплено право лиц, которым был причинен вред незаконными действиями (бездействием) и решениями должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство на осуществление справедливого правосудия и возмещение причиненного вреда. В правовую основу института реабилитации также лег небольшой перечень международных нормативно-правовых актов (Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 (ч. 5 ст. 9 ч. 6 ст. 14); Римский статут Международного Уголовного суда 1998 (ст. 85)).

Должностные лица и органы, осуществляющие уголовное судопроизводство не застрахованы от совер-

шения ошибок в своей деятельности. Результатом таких ошибок является незаконное и не обоснованное осуждение граждан. Учитывая то, что должностные лица и органы, осуществляющие правосудие, являются представителями государства, следовательно, оно (государство) и должно нести ответственность за последствия подобных ошибок. В подобных случаях именно государство должно устранять все последствия, которые вызваны незаконным обвинением лица и восстанавливать права всеми возможными способами.

Согласно пункту 34 ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ): «реабилитация — порядок восстановления прав и свобод лица, незаконно или необоснованно подвергнутого уголовному преследованию, и возмещения причиненного ему вреда». [6]

В соответствии с мнением определенного количества авторов, исследовавших институт реабилитации, указанное в УПК РФ понятие реабилитации слишком узко раскрывает сущность своего содержания. В данной дефиниции не наблюдается процесс восстановления лица, незаконно осужденного в правах. Вследствие этого необходимо закрепить в понятии «реабилитации» официальный

порядок возмещения причинённого вреда и восстановления нарушенных прав.

В период реализации норм УПК РФ возникла необходимость формирования общих подходов к реализации положений института реабилитации.

Положительное решение вопроса о возмещении вреда гражданам, пострадавшим в ходе незаконного уголовного преследования довольно редкое событие.

Многие правоведы, изучавшие уязвимые места правовой регламентации реабилитации в уголовном процессе России, обнаружили достаточное количество преград, препятствующих полноценному функционированию института реабилитации в нашей стране.

Существенные разногласия возникают между нормами права института реабилитации. Так в Конституции РФ, УПК РФ и Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ) право лица на возмещение вреда закреплено по-разному. По мнению О.В. Макарова, указанные противоречия состоят в том, что в ст. 53 Конституции РФ закреплено положение о том, что каждый имеет право на возмещение вреда. [11]

Однако ч. 2 ст. 135 УПК РФ предусматривает, что только реабилитированное лицо имеет право обратиться с требованием о возмещении вреда, а в статьях 1069, 1070 ГК РФ закреплено, что такой вред подлежит возмещению за счет средств государства и муниципальных образований. По нашему мнению, эта несогласованность не позволяет в полной мере обеспечивать права реабилитируемого лица на возмещение вреда, в связи с чем, нужно законодательно закрепить норму в УПК РФ, которая бы обязывала государство возмещать вред, полученный реабилитируемым, путем закрепления правовой нормы, которая определяла бы вместе с вынесением решения об отказе от уголовного преследования лица и решение о возмещении причиненного вреда. Еще одной проблемой является противоречие и неясность, связанные с правовым статусом реабилитируемого лица, которые содержатся в ч. 1 ст. 133 УПК РФ: «право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах». [6]

Также необходимо сделать упор на проблеме неоднозначного толкования правовых предписаний, регламентирующих основания возникновения права на реабилитацию и его признание как участниками уголовного судопроизводства, пострадавшими в ходе уголовного преследования, так и органами, осуществляющими уголовное судопроизводство.

Согласно ч. 1 ст. 134 УПК РФ суд в приговоре, постановлении или определении, а следователь, дознаватель — в постановлении признают за оправданным либо лицом, в отношении которого прекращено уголовное преследование, право на реабилитацию. Одновременно с принятием данного решения реабилитированному направляется

извещение с разъяснением порядка возмещения вреда, связанного с уголовным преследованием.

Таким образом, согласно указанной правовой норме право на реабилитацию признается судом либо за оправданным лицом, либо за тем, в отношении которого прекращено уголовное преследование.

Здесь следует обратить внимание на то обстоятельство, что законодатель не конкретизирует, признается ли право на реабилитацию за гражданином, уголовное преследование в отношении которого прекращается в полном объеме или такое возможно и при прекращении уголовного преследования лишь по отдельному эпизоду ранее предъявленного обвинения, т. е. в определенной части. [12]

Согласно постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. № 17, которое посвящено институту реабилитации, отмечается, что право на реабилитацию имеет не только лицо, уголовное преследование в отношении которого прекращено по основаниям, предусмотренным ч. 2 ст. 133 УПК РФ, по делу в целом, но и лицо, уголовное преследование в отношении которого прекращено по указанным основаниям лишь по части предъявленного ему самостоятельного обвинения. [6]

Наиболее значимым, для государства, спорным вопросом является размер и порядок возмещения вреда в денежном эквиваленте. На мой взгляд целесообразно законодательно установить денежные размеры компенсации морального вреда за применение конкретных видов мер процессуального принуждения и уголовных наказаний. В основе данной меры лежит пространное и размытое представление лиц, незаконно осужденных и подвергшихся уголовному преследованию о денежной сумме, достаточной для компенсации причинённого вреда

Учитывая то, что четкие рамки подобных расчетов выработать практически невозможно, то можно императивно со стороны государства обозначить суммы, компенсации, основанные на сложившейся судебной практике, но с увеличением в силу того, что большинством решений взыскиваются суммы, существенно ниже тех, что были заявлены. Суммы должны различаться по таким признакам, как срок следствия и суда, применение меры пресечения и т. п. Главное — не превращать это в сложную таблицу коэффициентов, по поводу применения которых вновь будут возникать споры.

В заключении хотелось бы отметить, что возмещение имущественного вреда, компенсация морального вреда и восстановление в других правах должны происходить по инициативе должностных лиц и органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. Именно ими был допущен факт незаконного и необоснованного преследования гражданина, поэтому процедура возмещения вреда должна быть максимально упрощенной, позволяющей лицу, нуждающемуся в реабилитации как можно скорее освободиться от оков чужой ошибки.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). М., 2017 (с измен. и доп. от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ)
2. Всеобщая декларация прав человека (принята резолюцией 217А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года) // Российская газета от 10 декабря 1998 г.
3. Конвенция о защите прав человека и основных свобод // СЗ РФ. — 1998. № 20.
4. Международный пакт о гражданских и политических правах (ООН от 16 декабря 1966 года) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXII. — М., 1978.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с измен. и доп. от 7 февраля 2017 г. № 12-ФЗ) \\ Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32 ст. 3301
6. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с измен. и доп. от 7 марта 2017 г. № 33-ФЗ) \\ Собрание законодательства Российской Федерации от 24 декабря 2001 г. № 52.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2011 г. N 17 «О практике применения судами норм главы 18 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующих реабилитацию в уголовном судопроизводстве»
8. Андреева, И. А. Возмещение вреда государством как конституционно — правовой институт: Дисс. канд. Юрид. Наук. М., 2010.
9. Вандышев, В. В. Уголовный процесс общая и особенная часть / Учебник для юридических вузов и факультетов // Межрегиональный институт экономики и права. 2015.
10. Гуляев, А. П. Возмещение вреда: межотраслевой аспект и актуальные проблемы // Российская юстиция. 2012. № 5.
11. Макарова, О. В. Правовое регулирование института реабилитации в российском уголовном процессе // Журнал российского права. 2014. № 5.
12. Статья: О некоторых проблемах реабилитации в уголовном процессе (Орлова А. А.) («Российский следователь», 2008, N 17)

Генезис прав человека: горизонты мирового развития

Мамошин Вячеслав Игоревич, магистрант
Дальневосточный федеральный университет (г. Владивосток)

В представленной работе рассмотрена ретроспектива развития поколений прав человека, предпосылки и основные направления формирования прав и свобод человека. В рамках данной статьи обозначены современные правовые теории, а также тенденции на законодательное закрепление прав и свобод человека, претендующих на 4 и 5 поколение прав. Задачей автора было соотнести значимость и необходимость узаконивания притязаний, не характерных для традиционного общества, приемлемость практической реализации теории соматических прав человека.

Ключевые слова: права и свободы человека, поколения прав человека, соматические права, развитие прав человека, конституция, философия права

Во все времена, развитие прав и свобод человека сопровождалось существенными изменениями в различных сферах общественной жизни и сознании людей.

Зачастую, потребность в таком развитии возникала в умах людей задолго до его воплощения в форме конкретных правовых предписаний. В основе развития каждого из поколений прав человека и их закрепления на законодательном уровне лежали уже протекающие в обществе отношения, однако сущность такого развития определяла идея. Именно идея, лежала в основе анализа существующих в обществе отношений и выработке пред-

ложений и различных вариаций для их дальнейшего развития и привнесения чего-либо кардинально нового.

Но идея не рождается из пустого места. Она долго вынашивается, тщательно анализируется, пока не находит своего отражения в какой-либо форме. Так, в обществе перманентно существуют некие противоречия, негативные факторы, избыток которых непременно приводит общественному коллапсу и дестабилизации основных институтов — прежде всего государства и права. И человек, носитель такой идеи, будь то философ-просветитель или учёный, наблюдая такие противоречия, задумывается о

практической реализации своей идеи, которая как ему кажется, поможет их сгладить, или вовсе избавиться, превознося общество на новый этап своего развития.

Между тем, практической реализации подлежат лишь те идеи и концепции, которые нашли поддержку в умах людей и общества, по крайней мере той его части, которая на такую реализацию способна. Ведь как подсказывает нам исторический опыт, реализация политико-правовых новшеств далеко не всегда приводит к ожидаемым результатам, более того, сама такая реализация далеко не всегда происходит именно в том русле, в котором она была изначально задумана и в котором она была бы социально приемлема.

Так или иначе, путем проб и ошибок и минуя многие эпохи, мировое сообщество шагнуло в 21-й век, имея своим багажом повсеместное закрепление на законодательном уровне первого и второго поколения прав, а в некоторых странах нашли своё правовое отражение идеи, представленные в третьем и четвертом поколениях прав.

Развитие каждого из поколений прав человека, происходило именно в тот исторический этап, в котором их закрепление в форме правовых предписаний было явлением необходимым обществу. Однако, в свою очередь, часть общества всегда противилась таким переменам, используя для отстаивания и лоббирования своих политико-правовых предпочтений властные рычаги, тем самым тормозя неизбежный прогресс.

На сегодняшний день, объем прав человека, которые стали рассматриваться в качестве естественных и неотъемлемых существенно увеличился, в сравнении с предыдущими историческими этапами. Формируясь циклично и соблюдая историческую преемственность, права человека, как важнейший общественный институт содержит в себе различные правовые предписания, являющиеся отражением представлений о содержании соответствующей правовой идеи.

Как известно, к первому поколению принято относить личные и политические права, а также право на частную собственность. Формирование этих прав началось ещё во времена античности, с их непосредственным отражением в правовых памятниках древнего мира. Однако их признание произошло лишь в эпоху буржуазных революций в Европе и Америки. Это такие права как: право на свободу мысли, совести и религии, право каждого гражданина участвовать в управлении государством, право на равенство перед законом, право на жизнь, свободу и безопасность личности, право на свободу от произвольного ареста, задержания или изгнания, право на гласное и законное рассмотрение дела судом. Данное поколение прав основано на концепции негативной свободы. В рамках данной концепции, свобода понимается как отсутствие какого-либо принуждения, возможность действовать по собственному выбору и руководствуясь личными интересами, при этом, не подвергаясь внешнему вмешательству в частную жизнь. Закрепляя данные принципы, государство обязуется не вмешиваться в сферы общественной жизни, регу-

лируемые данными правами. Закрепление и практическая реализация данных прав ограничивает власть государства и создаёт простор для проявления индивидуальности человека, предоставляет свободу выбора.

Права первого поколения были призваны защитить свободу человека как личности, от необоснованного вмешательства государства. При этом, власть государства не ограничивалась от соблюдения указанных прав, что отнюдь не вело к умалению его роли, снижению функций, полномочий. Скорее наоборот, в концепции данного поколения прав, функции государства непосредственно связаны с защитой и обеспечением прав и свобод человека, с регулированием границ их реализации и с разрешением споров о правах. Проблематика данной концепции состоит в том, что, осуществляя функции по защите и обеспечению прав и свобод человека, государство находится у очень тонкой грани, ибо с одной стороны — оно выступает как бдительный страж и регулятор, а с другой — само неизбежно нарушает эти права, приводя в исполнение свою правоохранительную систему, в полномочия которой входит ограничение прав и свобод человека, в угоду осуществления безопасности общественных отношений. Важной особенностью механизма обеспечения прав первого поколения является то, что все носители этих прав рассматриваются как равные; действия государства по обеспечению этих прав в равной мере относятся ко всем людям (что находило воплощение в идее равенства перед законом).

К правам второго поколения относятся права, сформировавшиеся в процессе борьбы человека за улучшение своего экономического положения, повышения культурного статуса (позитивные права). Борьба за их утверждение развернулась с конца 19 века и закрепились во Всеобщей декларации прав человека (1948 г.) В основу концепции прав легло позитивное понимание свободы как реальной возможности осуществить свою волю наравне с другими людьми. К данным правам относятся: право на труд и свободный выбор работы, на социальное обеспечение, на отдых и досуг, на защиту материнства и детства, на образование.

Третье поколение прав человека было сформировано после Второй Мировой войны и в настоящий момент нашло своё отражение на законодательном уровне лишь в западных странах. Третье поколение прав включает в себя: право на мир, на здоровую окружающую среду и декларирует, что социальное и экономическое развитие принадлежит каждому человеку и каждому народу равнозначно.

Права, относимые к третьему поколению, весьма неоднородны. С одной стороны, это так называемые «неотчуждаемые» коллективные «права народов», основанные на солидарности, к числу которых относятся: право народа на существование, на самоопределение, на развитие, на суверенитет над своими естественными богатствами и природными ресурсами, право на благоприятную окружающую среду, на равноправие с другими народами, право на развитие и др. Основы этих прав заложены в следующих международных документах: Всеобщей декларации права

свобод человека и гражданина 1948 г. [1], Декларации о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. [2], и другие.

С другой стороны, к третьему поколению относят специальные права так называемых маргинальных слоев населения, которые в силу физиологических или социальных причин не имеют равных с остальными гражданами возможностей по осуществлению общих прав и свобод и потому нуждаются в специальной поддержке со стороны национальных государств и мирового сообщества. Эти права вытекают из права на свободу от дискриминации по половому, расовому, национальному или возрастному принципу. К числу таких категорий относятся дети, женщины, инвалиды, беженцы, представителей национальных и расовых меньшинств и др. То есть те категории граждан, которые более уязвимы к нарушению прав и реализация прав которых требует от государства дополнительных гарантий.

Появление международно-правовых актов по правам человека свидетельствуют о том, что идеи и принципы обеспечения прав человека давно перестали быть внутренним делом государства, а становятся предметом заботы международного сообщества. Внутригосударственные институты защиты прав человека дополняются международно-правовыми институтами.

Всесторонний анализ многочисленных национальных и международных нормативно-правовых актов по правам человека показывает, что в современных демократических странах, фундаментальное закрепление и последующая реализация прав и свобод человека занимает центральное место, на котором зиждется вся правовая система.

Безусловно, возникновение и развитие прав и свобод человека стало важнейшей вехой на пути становления современного демократического государства. В наше время, государства с западно-либеральными ценностями, основанные на фундаменте гражданского общества, задают мировые тенденции развития прав человека и формируют вектор закрепления основополагающих демократических прав в развивающихся странах. Исходя из этого, внутригосударственные и международные правовые системы выстраиваются по принципу приоритета прав личности, признания прав человека высшей ценностью.

Относительно вышеуказанных мировых тенденций развития прав и свобод человека, и выделения из них 4 и 5 поколений, в настоящее время одной из самых спорных и противоречивых правовых теорий, является теория соматических (личностных) прав.

Термин «личностные (соматические) права», произошедший от греч. soma — тело, обязан своим появлением в российской юридической науке В.И. Круссу. В основе его теории лежит концепция, обуславливающая право человека самостоятельно распоряжаться своим телом: осу-

ществлять его «модернизацию», «реставрацию» и даже «фундаментальную реконструкцию», изменять функциональные возможности организма и расширять их технико-агрегатными либо медикаментозными средствами [3, с. 43].

Приблизительный или исчерпывающий перечень соматических прав сформулировать невозможно, однако М.А. Лавриком выделены следующие притязания человека, подпадающие под понятие соматических прав, так, это:

- 1) право на смерть;
- 2) права человека относительно его органов и тканей;
- 3) сексуальные права человека (Всемирная организация здравоохранения под этим понимает: возможность искать, получать и передавать информацию, касающуюся сексуальности, сексуальное образование, выбор партнера, возможность решать, быть человеку сексуально активным или нет, самостоятельно решать вопрос о добровольных сексуальных контактах, вступлении в брак; право на легализацию проституции; оборот порнографической продукции и правовое регулирование положения сексуальных меньшинств);
- 4) репродуктивные права человека (позитивного характера: искусственное оплодотворение; негативного характера: аборт, стерилизация, контрацепция);
- 5) право на перемену пола;
- 6) право на клонирование как всего организма, так и отдельных органов;
- 7) право на употребление наркотиков и психотропных веществ.
- 8) в дальнейшем будущем — право на виртуальное моделирование, в смысле полного утверждения (дублирования) себя в неметрической форме объективного существования [4, с. 25].

Естественно, что указанные воплощения соматических прав вступают в противоречия с традиционной культурой, религиозной традицией, но что еще более важно — зачатую понимание таких прав разворачивается в иррациональной плоскости восприятия мира. Так, под правом на «любовь» как одной из категорий высших чувств — культурной и духовной ценности, понимают право на половые отношения, нивелируя право на любовь до уровня животных инстинктов.

Аналогичная ситуация складывается с соматическими правами однополых отношений, которые увязываются с правами политическими, культурными, получая таким образом легальные формы влияния сексуальных меньшинств на культурные генофонды государств. Безусловно, данная категория прав подлежит признанию и особой защите со стороны государства. Между тем, процесс введения таких отношений в культурное поле как образец поведения, придания им юридического статуса публичной «нормальности» представляется весьма затруднительным и противоречивым, с учётом устоявшихся реалий российского общества и преобладающего общественного мнения.

Кроме того, ряд соматических прав уже нашёл своё законодательное закрепление в ряде западных стран, тогда как в Российской Федерации аналогичные попытки были провальными. Так, в 2004 г. в Государственной думе РФ рассматривался законопроект «О регулировании платных услуг сексуального характера», предполагающий легализацию проституции по аналогии с Германией и Нидерландами (в обоснование принятия данного законопроекта, в частности, приводилось положение ст. 34 Конституции РФ об использовании своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности).

Не менее сложные противоречия вызывает соматическое право «эвтаназии» и «суицида», запрещенных мировыми религиями. Доктринальное определение звучит следующим образом: право на смерть — это возможность (свобода) человека сознательно и добровольно в выбранный им момент времени уйти из жизни избранным и доступным ему способом. Но если спор между гуманистами и представителями религиозных конфессий по вопросам «эвтаназии» неоднозначен, то с точки зрения юридической реальности институт «эвтаназии» опасен в силу его использования для «легального» убийства. В России, согласно ст. 45 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан эвтаназия запрещена. Данное положение на протяжении долгого времени становится предметом дискуссий на различных общественных площадках.

Существуют, конечно, и существенные иррациональные противоречия в религиозных ценностях и традициях. Так, к примеру, запрет на аборт в ситуациях генетических мутаций не вяжется с запретом на генетическую коррекцию плода (так называемые «дизайнерские дети») по сути не оставляя родителям выбор и призывая к рождению неполноценных детей, обреченных на страдание всю их жизнь, а также на страдание их родных. Характерно при этом, что и высшая политическая, экономическая элита, а также духовная элита государств зачастую проявляет сильнейший теневой интерес к технологиям «бессмертия», при этом декларирует общественности запрет на клонирование, генетические модификации и иные технологии биотехнологии. Очевидно, что в потенциале, борьба за данные соматические права между монополией элит на технологии «бессмертия», «молодости» и остальным населением планеты будет разворачиваться уже в обозримом будущем.

Относительно клонирования, в России действует федеральный закон 2002 г. «О временном запрете на клонирование человека». Следовательно, о праве человека на клонирование говорить пока не представляется возможным, так как ни в 1-й стране мира клонирование ещё не нашло своего отражения.

Однако не следует полагать, что данные тенденции обходят Россию стороной. Сегодня идея соматических прав постепенно проникает и в отечественное нормативное регулирование, в результате чего возникает серьёзный общественный резонанс.

В Российской Федерации действуют отдельные законы и подзаконные акты, касающиеся соматических прав человека: Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан 1993 г., закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека» 1992 г., Инструкция по определению критериев и порядка определения момента смерти человека, прекращению реанимационных мероприятий: Утв. Приказом Минздрава РФ от 4 марта 1993 г.

Ярким примером новеллы, подпадающей под понятие соматических прав является ст. 8 Закон РФ «О трансплантации органов и (или) тканей человека», что при изъятии органов у погибшего человека резюмируется согласие родственников, что повышает риски убийства пострадавшего с целью изъятия органов и тканей с их последующей продажей на черном рынке [5]. И при детальном рассмотрении явно вырисовывается связь соматических прав с социально-экономическими и культурными правами. Так, права в сфере осуществления операций по пересадке органов и тканей, по перемене пола имеют первооснову в праве на охрану здоровья и медицинскую помощь, репродуктивные права применительно к России связаны с положениями Конституции о том, что «материнство и детство, семья находятся под защитой государства» (ч. 1 ст. 38) [6]. Право на распространение порнографических изданий нередко связывается со свободой выражения [7, с. 74]. И хотя, возможно, отдельные суждения представляются спорными, ясно одно: четкое отнесение соматических прав к группе личных представляется далеко не бесспорным.

Итак, можно наметить различные пути развития прав человека и формирования новых поколений с использованием тенденций исследования теории соматических прав человека. Так, с позиции конституционного права теория соматических прав может быть востребована для изучения тенденций в развитии современного конституционализма, с точки зрения расширения перечня прав человека, и использования механизма ограничений прав. Также, целесообразным является проведение исследований отдельных соматических прав: как в конституционном праве, так и в рамках других отраслевых юридических наук, однако, насколько работоспособной и жизненной окажется представленная теория и какая её часть найдет законодательное отражение — покажет время.

Проанализировав ретроспективу развития поколений прав человека, а также современные перспективы их развития можно прийти к выводу, что перечень прав, требующих защиты и законодательного закрепления, неизбежно будет расширяться. Однако, однозначно оценить данный процесс нельзя, так как с одной стороны, расширение круга признаваемых и охраняемых законом прав должно способствовать усилению правовой защищенности личности. С другой — каждое поколение приносит с собой новую логику узаконивания притязаний, именуемых правами человека, и неизбежные конфликты «новых» прав со «старыми», в результате чего уровень за-

щищенности может не возрасти, а снизиться. Более того, учитывая тенденции развития правовых теорий, претендующих на 4 и 5 поколение, можно сказать, что конфликт неизбежен не только на правовом, но и на социально-культурном уровне. Ведь позиции прогрессивно настроенной части населения, неизбежно вступают в противоречия с людьми консервативного типа мышления, построенного на традиционных ценностях, фундамент которых сформировали мировые религии.

Неудивительно, что многие специалисты выражают сомнение в том, что все «новомодные» правовые притязания должны рассматриваться в качестве неотъемлемых прав. Говоря о развитии прав человека в условиях современного мирового сообщества, нельзя не выделить негативное влияние на развитие гуманитарного права, стрем-

ление многих государств использовать права человека как инструмент политической борьбы, зачастую формально декларируя незыблемость основных прав и свобод человека, но практически их не соблюдая и не реализовывая, или же оправдывая защитой общественной безопасности вторжение в личную жизнь граждан и ограничение того круга прав, которые в целом и формируют правовой статус личности.

Таким образом, сфера прав человека сейчас, как и прежде, остается полем острой идеологической, политической и даже культурной борьбы, и перспективы ее развития по-прежнему определяются множеством факторов и зачастую не ограничиваются лишь необходимостью практической реализации правовых теорий, в рамках регулирования действующих общественных отношений.

Литература:

1. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января 1990 г., 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Бюллетень международных договоров. — март 2001 г. — № 3.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. — 10 декабря 1998 г.
3. Крусс, В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. 2000. № 10. с. 43.
4. Лаврик, М. А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. 2005. № 3. с. 25.
5. О трансплантации органов и (или) тканей человека: закон РФ от 22.12.1993 № 4180-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 2. Ст. 4172. 2016. № 23. Ст. 2932. (с изм. и доп. от 23.05.2016).
6. Конституция Российской Федерации. Принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Официальный текст (с учетом поправок, внесенных 05.04.2014) // СЗ РФ. 2014. № 9. Ст. 851.
7. Власихин, В. Миллер против Калифорнии. Эротика и порнография в решениях Верховного Суда США // Рос. юстиция. 2001. № 5. с. 74.

Правовой режим имущества унитарного предприятия

Маркова Юлия Васильевна, магистрант

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Эффективное управление государственной и муниципальной собственностью в современной России является необходимой составляющей института государственного и муниципального управления, развивающегося под влиянием тенденций расширения негосударственного сектора экономики, популяризации государственно-частного партнерства, приватизации государственных и муниципальных организаций.

В таких условиях актуальный характер и особое значение приобретает выбор оптимальных форм участия публично-правовых образований в названных процессах, одной из которых выступает организационно-правовая форма унитарного предприятия, которая не является новой для отечественного законодателя.

Основу нормативной правовой базы, определяющей сущность и специфику режима имущества унитарного предприятия, составляет Федеральный закон от 14.11.2002 N 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях», часть 1 статьи 2 которого содержит легальное определение унитарного предприятия, под которым законодатель признает коммерческую организацию, не наделенную правом собственности на имущество, закрепленное за ней собственником [1].

Из указанного определения очевидны признаки унитарного предприятия, определяющие особенности режима его имущества. Во-первых, законодатель прямо определяет унитарное предприятие как разновидность коммерческой организации.

Данная норма находит свое отражение и в пункте 2 статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которому юридические лица, являющиеся коммерческими организациями, могут создаваться в организационно-правовых формах государственных и муниципальных унитарных предприятий.

Анализируя положения статьи 50 Гражданского кодекса Российской Федерации, классифицирующей все организации в зависимости от целей их деятельности, на организации, преследующие извлечение прибыли в качестве основной цели своей деятельности, которые законодатель определяет как коммерческие организации, либо не имеющие извлечение прибыли в качестве такой цели и не распределяющие полученную прибыль между участниками, являющиеся некоммерческими организациями, очевидно, что основной целью коммерческих организаций, как и осуществляемой ими коммерческой деятельности является извлечение прибыли [2].

Однако, в силу особого субъектного состава и правового статуса собственника имущества унитарного предприятия указанную организацию нельзя назвать коммерческой в классическом понимании. Скорее, это специфическая коммерческая организация, использующая закрепленное за ней имущество, которое не принадлежит ей на праве собственности, в коммерческих целях. Собственником указанного имущества, реализующим в полной мере традиционную триаду правомочий владения, пользования и распоряжения в отношении этого имущества, выступают публично-правовые образования — Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования, которые в силу специальной правоспособности не наделены правом осуществлять предпринимательскую деятельность с целью извлечения прибыли, как это делают классические коммерческие организации. Для подобного рода организаций применимо понятие приносящей доход деятельности, поэтому говорить о принадлежности унитарных предприятий к коммерческому типу организаций возможно только с учетом указанных особенностей.

Во-вторых, поскольку имущество, которым наделено унитарное предприятие, принадлежит на праве собственности Российской Федерации, ее субъекту или муниципальному образованию, собственник имущества организации и ее учредитель совпадают — это все те же публично-правовые образования.

Унитарное же предприятие владеет имуществом на одном из ограниченных вещных прав: праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления. В обоих случаях правомочия распоряжения имуществом унитарным предприятием значительно урезаны, что и объясняет ограниченный характер вещных прав на данное имущество.

Так, унитарное предприятие, наделенное имуществом на праве хозяйственного ведения, согласно статье 295 Гражданского кодекса Российской Федерации, не вправе продавать, сдавать в аренду, предоставлять в качестве залога и иным образом отчуждать без согласия собствен-

ника недвижимое имущество [2]. Иным имуществом унитарное предприятие вправе распоряжаться по своему усмотрению.

За собственником остаются права по созданию, реорганизации и ликвидации унитарного предприятия, определению целей его деятельности, назначению руководителя организации и осуществлению контроля за сохранностью и использованием по назначению имущества унитарного предприятия, а также право на получение части прибыли от использования имущества, находящегося в хозяйственном ведении предприятия.

Владение имуществом на праве оперативного управления позволяет предприятию пользоваться этим имуществом в пределах, установленных законом, в соответствии с целями своей деятельности, назначением этого имущества и распоряжаться этим имуществом также с согласия его собственника, который вправе изъять излишнее, неиспользуемое или используемое не по назначению имущество. Указанные признаки, отраженные в легальном определении унитарного предприятия, главным образом, отличают рассматриваемую организационно-правовую форму от иных форм коммерческих организаций.

Особенностями режима имущества унитарных предприятий помимо тех, которые напрямую вытекают из его определения, также являются:

- неделимость имущества унитарного предприятия и его невозможность распределяться по вкладам (долям, паям), в том числе между работниками предприятия, которые определены пунктом 1 статьи 2 Федерального закона N 161-ФЗ [1];

- единообразие формы собственности на имущество, закрепленное за унитарным предприятием, предполагающее, что оно может создаваться либо на основе государственной собственности (федеральной собственности и собственности субъектов РФ), либо муниципальной собственности. Федеральный закон № 161-ФЗ пунктом 4 статьи 2 предусматривает прямой запрет на создание унитарных предприятий, объединяющих имущество разных по правовому положению собственников [1];

- наличие единственного учредителя и одновременно собственника имущества унитарного предприятия в одном лице, что исходит из ранее установленного запрета на объединение разных форм собственности при создании предприятия;

- учредитель унитарного предприятия в соответствии со статьей 65.1 Гражданского кодекса Российской Федерации не становится и не является его участником, а выступает лишь субъектом, который наделяет унитарное предприятие движимым и недвижимым имуществом с тем, чтобы оно могло осуществлять коммерческую деятельность, часть прибыли от которой собственник как публично-правовое образование мог бы использовать для удовлетворения тех или иных общественных потребностей.

Таким образом, в современных условиях унитарное предприятие — это, фактически, разновидность коммерческих организаций, организационная структура которого

ограничивает его возможности в предпринимательской деятельности [3].

Несмотря на сложность юридической конструкции унитарного предприятия и неоднозначность правового режима его имущества, указанная организационно-правовая форма юридического лица сохранилась и после проведения отечественным законодателем широкомасштабной реформы гражданского законодательства, в целом и института юридических лиц, в частности.

Литература:

1. Федеральный закон от 14.11.2002 N 161-ФЗ (ред. от 23.05.2016) «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» // «Российская газета», N 229, 03.12.2002
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 N 51-ФЗ (ред. от 28.03.2017) // «Российская газета», N 238–239, 08.12.1994
3. Афанасьева, Е. А. Правовой статус унитарного предприятия в условиях формирования и развития рыночных отношений в России // Научный вестник Костромского государственного технологического университета. — № 1. — 2012.

Проблемы повышения эффективности правового регулирования деятельности унитарных предприятий

Маркова Юлия Васильевна, магистрант
Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина

Тема, проблемы повышения эффективности правового регулирования деятельности унитарных предприятий, является на сегодняшний день очень актуальной. На данный период времени довольно-таки остро стоит проблема создания эффективной системы управления муниципальной собственностью. Законодатель пытается всеми возможными способами урегулировать противоречия, возникающие в связи с применением законодательства, касающегося статуса юридических лиц, в том числе и унитарных предприятий. Но следует отметить, что законодательство несовершенно и довольно-таки часто правоприменитель на практике сталкивается с правовыми коллизиями.

Юридические лица всегда занимали и занимают одно из главных мест в имущественных отношениях. Согласно статье 48 Гражданского кодекса РФ, юридическим лицом признается «организация, которая имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательствам этим имуществом, может от своего имени приобретать и осуществлять имущественные и личные неимущественные права, нести обязанности и быть истцом и ответчиком в суде». Но хотелось бы выделить унитарные предприятия от иных видов юридических лиц.

Для начала необходимо дать определение унитарного предприятия. Унитарное предприятие — особая организационно-правовая форма юридического лица. Ком-

Отказ от упразднения унитарных предприятий как пережитка былой административно-командной системы хозяйствования, вне всяких сомнений, обусловлен необходимостью государственного (муниципального) участия в осуществлении коммерческой деятельности и эффективного управления государственным и муниципальным имуществом. А унитарное предприятие и режим использования его имущества являются одной из оптимальных форм такого участия.

мерческая организация, не наделённая правом собственности на закреплённое за ней собственником имущество. Имущество является неделимым и не распределяется по вкладам (долям, паям), в том числе между работниками предприятия. Помимо сведений, указанных в п. 2 ст. 52 ГК РФ, правовое положение государственных и муниципальных унитарных предприятий определяется Гражданским кодексом и законом о государственных и муниципальных предприятиях.

В Российской Федерации основным законом, регламентирующим деятельность унитарных предприятий, является Федеральный закон от 14.11.2002 (ред. от 23.05.2016) № 161-ФЗ «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»

Унитарные предприятия являются единственным видом коммерческих организаций, имеющих не общую, а специальную правоспособность наряду с некоммерческими организациями. Согласно нормам статьи 113 Гражданского кодекса РФ, статьи 2 и пункта 1 статьи 3 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» унитарное предприятие может обладать гражданскими правами, соответствующими предмету и целям его деятельности, предусмотренными в уставе этого предприятия, и нести связанные с этой деятельностью обязанности. Иными словами, унитарные предприятия вправе совершать сделки только в рамках предмета

и целей деятельности, установленных собственником передаваемого предприятиям имущества (п. 3 ст. 18 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях») [3].

Следует отметить, что нарушение требования пункта 3 статьи 18 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» в силу статьи 168 Гражданского кодекса РФ влечет ничтожность совершенных сделок точно так же, как и такие нарушения, когда сделки совершаются при отсутствии согласия собственника при наличии требований о необходимости такого согласия в других нормах (п. 2 ст. 18, ст. 19, ст. 23 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»).

Также хотелось бы отметить, что существует Концепция развития законодательства о юридических лицах 2009 года в которой также, как и в п. 3 ст. 18 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» определено, что любые сделки унитарного предприятия (в том числе и совершенные с согласия собственника), могут быть объявлены ничтожными по основаниям, связанным с выходом за пределы, лишаящие его возможности осуществлять деятельность, цели, предмет, виды которой определены его уставом. Я полностью поддерживаю такую позицию и также считаю, что в случае лишения возможности осуществления деятельности, определенной уставом, сделку следует признать недействительной [3].

Также хотелось бы отметить, что в правовом режиме имущества унитарного предприятия важное место занимает вопрос о понятии «имущество», которое раскрывается в гражданском законодательстве, на наш взгляд, недостаточно однозначно.

Термин «имущество» в гражданском законодательстве употребляется в разных по объему смыслах: в широком смысле, исходя, например, из статьи 1112 Гражданского кодекса РФ, имущество — это вещи, а также имущественные права и обязанности; в более узком смысле, исходя из положений ст. ст. 128, 301 Гражданского кодекса РФ, имущество — это имущественные права и вещи, включая деньги и ценные бумаги [2].

В законодательстве об унитарных предприятиях под имуществом понимаются не только имущественные права и вещи, включая деньги и ценные бумаги, но и неимущественные права, имеющие денежную оценку, за счет которых может формироваться уставный фонд унитарного предприятия (ст. 12 Федерального закона «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях»).

В связи с неоднозначностью определения понятия «имущество» суды, например, при толковании статьи 23 Федерального закона «О государственных и муниципальных

унитарных предприятиях», зачастую делают вывод, что при аренде унитарным предприятием недвижимого имущества за плату — ни отчуждения, ни приобретения имущества не возникает (Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 17 августа 2007 г. по делу № А05—13029/2006—301). Исходя из этого, хочется отметить, что законодательство требует значительных изменений в избежание правовых коллизий.

Также значительное внимание хотелось бы уделить правовым вопросам налогообложения. Недостаточная теоретическая разработанность вопросов правового регулирования налогообложения доходов порождает для унитарных предприятий множество проблем теоретического и практического характера. К ним, в частности, относятся вопросы налогообложения прибыли, средств целевого финансирования из бюджетов и внебюджетных фондов и другие [5].

Анализ арбитражной практики показывает, что часть прибыли, перечисленная государственными и муниципальными предприятиями в соответствующие бюджеты после уплаты налогов и иных обязательных платежей, не должна рассматриваться в качестве полученных дивидендов и, следовательно, не подлежит налогообложению в соответствии со ст. 275 Налогового кодекса РФ (постановление Федерального арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 12 апреля 2007 года по делу № А74—3198/2006-Ф02—1767/20072, постановление Федерального арбитражного суда Волго-Вятского округа от 4 августа 2006 года по делу № А82—8262/2005—153 и другие).

Исходя из этого, хотелось бы отметить, что российское законодательство, касающееся юридических лиц, в том числе и унитарных предприятий, остро нуждается в реформировании. В особенности это касается в более точной регламентации статуса юридических лиц разных видов, в том числе и унитарных предприятий, для соответствия их правового положения, создания, деятельности, реорганизации новому уровню развития рыночных отношений [4].

Также на сегодняшний день уровень развития методического аппарата формирования интегрированных структур с государственным участием характеризуется весьма низким уровнем теоретической и практической проработанности, поэтому представляется недостаточным.

Неэффективное, с точки зрения управления, хозяйствование унитарных предприятий, незаинтересованность государства в их эффективном функционировании, опережающая законодательство практика реформирования унитарных предприятий — факторы, свидетельствующие о неполноте гражданско-правового регулирования участия унитарных предприятий в товарном обороте в качестве полноценных бизнес-единиц.

Литература:

1. «Конституция Российской Федерации» от 21.07.2014 N 11-ФКЗ
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (ГК РФ) 30 ноября 1994 года N 51-ФЗ от 12.03.2017 г. //КонсультантПлюс

3. Федеральный закон «О государственных и муниципальных унитарных предприятиях» от 14.11.2002 N 161-ФЗ
4. Гражданское право: Учебник. В 2 т. / Под ред. Б.М. Гонгало. Т. 1. 2-е изд. перераб. и доп. — М.: Статут, 2017.
5. Флейшиц, Е.А. Избранные труды по гражданскому праву. В 2 т. Т. 2. — М.: Статут, 2015.

Свойство преюдициальности судебного решения в современном гражданском и арбитражном процессе

Новикова Дарья Сергеевна, магистрант
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Статья посвящена исследованию такой процессуальной категории, как преюдициальность судебного решения, вступившего в законную силу. Реализации преюдиции в решении суда в виде резолютивной части (по новым правилам Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации).

Ключевые слова: решение суда, преюдициальность, мотивированное решение, законная сила

Начало учению о преюдиции было положено римскими юристами. Термином *praeiudicium* в римском праве обозначался анализ судом отдельного вопроса, имевшего значение для вынесения правильного решения по другому делу, в котором исследовался более широкий круг обстоятельств и правоотношений либо предмет которого основывался на праве или факте, установленном в первоначальном процессе. Преюдициальный иск (*actiopraejudicialis*) как самостоятельный вид иска оканчивался подтверждением или опровержением фактических обстоятельств или правоотношений [1. с. 89].

Е.В. Васильковский отмечал, что этот преюдиция в до-революционный период применялся при обозначении группы исков — преюдициальных исков, которые носят еще название предварительных, установительных. Факты, ранее установленные судебными органами, в их число не входили. Однако возникновение какого-либо преюдициального вопроса для рассматриваемого дела являлось основанием для приостановления производства по делу [2. с. 167].

В настоящее время под преюдициальностью понимается невозможность для участвующих в деле лиц либо их правопреемников оспаривать в ином процессе установленные вступившим в законную силу решением факты и правоотношения (статья 209 Гражданского процессуального кодекса).

Преюдициальность — динамическое свойство, которое связано с действием судебного решения и с пределами регулирующего воздействия вступившего в законную силу решения [3. с. 86].

Следует отметить, что преюдиция имеет двойственную природу в зависимости от того, кому она адресована. Преюдициальность судебного акта для лиц, участвующих в деле, означает освобождение от необходимости доказывания, а также запрет на вторичное доказывание либо опровержение в другом процессе ранее установленных этим судебным актом обстоятельств.

Преюдициальность судебного акта для суда означает обязанность реципировать установленные этим судебным актом обстоятельства во вновь выносимый судебный акт. Установленные ранее вступившим в законную силу решением факты при необходимости отражаются в решении, являющемся результатом анализа нового дела, без дополнительного доказывания, проверки и вероятности опровержения. При этом вновь выносимый акт не может каким-либо образом повлиять на достоверность обстоятельств, установленных вступившим в законную силу преюдициальным постановлением органа правосудия [4. с. 16]. Однако новеллы в процессуальном законодательстве позволили суду не отражать в решение обстоятельства, установленные судом (фактическое основание решения), соображения, по которым суд принимает или отвергает те или иные доказательства (оценка доказательств), законы, которыми суд руководствовался, с выводом о правоотношениях.

Федеральный закон «О внесении изменений в Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 02.03.2016 N 47-ФЗ внес существенные изменения относительно содержания судебного решения, выносимого арбитражным судом по делам, рассматриваемым в порядке упрощенного производства.

Согласно пункту 1 статьи 229 Арбитражного процессуального кодекса (далее — АПК) решение арбитражного суда по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, принимается немедленно после разбирательства дела путем подписания судьей резолютивной части решения и приобщается к делу. Принятая по результатам рассмотрения дела резолютивная часть решения размещается на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» не позднее следующего дня после дня ее принятия. Согласно пункту 2 статьи 229 по заявлению лица, участвующего в деле, по делу, рассматриваемому в порядке упрощенного производства, арбитражный суд составляет мотивированное решение.

Заявление о составлении мотивированного решения арбитражного суда может быть подано в течение пяти дней со дня размещения решения, принятого в порядке упрощенного производства, на официальном сайте арбитражного суда в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В этом случае арбитражным судом решение принимается по правилам, установленным главой 20 АПК, если иное не вытекает из особенностей, установленных настоящей главой. Мотивированное решение арбитражного суда изготавливается в течение пяти дней со дня поступления от лица, участвующего в деле, соответствующего заявления.

В силу пункта 4 статья 15 Арбитражного процессуального кодекса принимаемые арбитражным судом судебные приказы, решения, постановления, определения должны быть законными, обоснованными и мотивированными. Обоснованность судебного решения обеспечивает прежде всего мотивировочная часть судебного решения. Очевидно, что ее отсутствие приведет к невозможности проверки обоснованности решения, за исключением случаев, когда стороны заранее представят ходатайство об изготовлении мотивированного решения.

Таким образом, наличие в решении всех необходимых для судебного акта правовых свойств поставлено в зависимость от волеизъявления заинтересованного лица. Если учитывать, что законной силе судебного решения присуще сочетание двух начал *res iudicata* (разрешение дела по существу) и государственной воли (правоприменение органом государственной власти в определенной процессуальной форме), то юридическое качество судебного акта не должно ставиться в зависимость от выражения частной воли.

По мнению председателя Верховного Суда РФ В. Лебедева, введение вышеуказанных изменений в АПК, сократит нагрузку на судей, освободит их от такой работы, которую не надо выполнять. Также Председатель Верховного Суда РФ подчеркнул, что законопроект не ограничивает права участников судопроизводства, «потому что, если участник судопроизводства заявит ходатайство о составлении мотивированного, полного решения, то оно, безусловно, будет вынесено в полном объеме». По его словам, такая система уже давно действует в системе судов общей юрисдикции «и очень себя оправдала».

Тем не менее, мотивировочная часть судебного решения отражает обстоятельства, установленные судом, на основании которых суд уже делает вывод о существовании правоотношений между сторонами и квалифицирует их. Решение в виде резолютивной части включает в себя лишь окончательный вывод, сводящийся к удовлетворению или отказу в удовлетворении полностью или в части каждого из заявленных требований (ч. 5 ст. 170 АПК, ч. 5 ст. 198 ГПК РФ).

Таким образом, получается, что если в другом деле с участием тех же лиц вновь предметом рассмотрения будут те же самые юридические факты, значит, их придется доказывать вновь с использованием заново представленных

доказательств. Помимо того, что это нерационально и подрывает авторитет ранее принятого акта правосудия, принятию которого предшествовало полноценное доказывание, не исключено принятие взаимоисключающих судебных решений. Ведь суд, заново устанавливающий эти факты, может прийти к прямо противоположным выводам о них.

Также стоит отметить, что арбитражное и гражданское процессуальное законодательство содержат специальные правила о преюдициальной связи судебных актов, выносимых судами общей юрисдикции и арбитражными судами. В данном случае объективные пределы межотраслевой преюдициальной связи сужены по сравнению с теми, которые существуют в рамках соответствующих процессуальных отраслей. Преюдициальными признаются лишь судебные решения (ч. 3 ст. 61 ГПК РФ, ч. 3 ст. 69 АПК РФ). В тексте ч. 3 ст. 69 АПК РФ, кроме того, уточняется, что преюдициальность решений судов общей юрисдикции распространяется лишь на обстоятельства, имеющие отношение к лицам, участвующим в деле.

Определением Экономической коллегии Верховного суда РФ от 17.11.2016 № 305-ЭС14–7445 по делу А40–226/2014 был поставлен достаточно интересный вопрос, а именно: преюдициальное значение судебных актов суда общей юрисдикции и арбитражного суда в ситуации, когда судом общей юрисдикции и арбитражным судом по-разному установлены фактические обстоятельства, касающиеся одних и тех же отношений, и, как следствие, сделаны диаметрально противоположные выводы по правовому вопросу об очередности погашения требования кредитора. В рассматриваемом деле судом общей юрисдикции и арбитражным судом ранее были разрешены два спора. Так, суд общей юрисдикции счел, что по состоянию на 11–12 декабря 2013 года банк — должник являлся неплатежеспособным, его клиенты, включая стороны по делу, не могли свободно распоряжаться находящимися на счетах денежными средствами. Арбитражный суд, наоборот, установил, что банк выполнял поручения иных клиентов, перечисляя 10–13 декабря 2013 года денежные средства в значительных объемах, операции по счетам стороны по делу совершены в процессе обычной хозяйственной деятельности должника, пороговое значение в 1 процент, установленное пунктом 2 статьи 61.4 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», ими не превышено.

Экономическая коллегия Верховного суда РФ сделала следующие выводы: учитывая наличие противоречивые в обстоятельствах совершения внутрибанковских операций по счетам кредитора, изложенных во вступивших в законную силу судебных актах арбитражного суда и суда общей юрисдикции, при разрешении настоящего спора суды не могли ограничиться одними лишь ссылками на решения суда и положения части 2 статьи 69 АПК РФ. В сложившейся ситуации каждый судебный акт подлежал оценке судами наряду с другими доказательствами и ни один из них не имел заранее установленной силы. В на-

рушение требований статей 185, 271, 289 АПК РФ в обжалуемых судебных актах не приведены мотивы, по которым суды не согласились с выводами судебной коллегии по гражданским делам.

Изменения арбитражного процессуального и гражданского процессуального законодательства в силу объек-

тивных причин не могут обеспечить в полном объеме разрешение всех вопросов, которые возникают при рассмотрении дел. Наличие параллельно действующих арбитражных судов и судов общей юрисдикции позволяет говорить о возникновении новых вопросов, в том числе о преюдициальности фактов, устанавливаемых в судебных решениях.

Литература:

1. Зайков, А. В. Римское частное право в систематическом изложении / А. В. Зайков. — М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. — 480 с.
2. Васильковский, Е. В. Учебник гражданского процесса / Под ред. В. А. Томсинова. М., 2003. — 368 с.
3. Сахнова, Т. В. Курс гражданского процесса / Т. В. Сахнова. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статус, 2014. — 784 с.
4. Безруков, А. М. Преюдициальная связь судебных актов: Автореф. — Екатеринбург, 2005. — 27 с.

Методика проведения прокурорской проверки исполнения законодательства в области проведения археологических полевых работ

Слабович Дмитрий Геннадьевич, магистрант
Уральский государственный юридический университет (г. Екатеринбург)

В статье исследуются некоторые вопросы, связанные с осуществлением прокурорской надзорной деятельности в сфере охраны объектов культурного наследия. Автором предложен вариант методических рекомендаций по проведению каждого этапа прокурорской проверки в названной сфере.

Ключевые слова: методика, прокурорская проверка, проведение археологических полевых работ

Следует отметить, что по состоянию на 2016 год на территории Российской Федерации находится 157557 объектов культурного наследия, из которых 59204 являются объектами археологического наследия. В целях обеспечения сохранения и изучения археологического наследия Российской Федерации в 2015 году выдано 2041 разрешение (открытый лист) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия, в том числе спасательных археологических полевых работ в рамках строительства газопровода «сила Сибири», высокоскоростной железнодорожной магистрали «Москва-Казань», энергомоста «Российская Федерация — полуостров Крым», мостового перехода «Тамань — Керчь» [1].

Археологические полевые работы представляют собой работы по выявлению и изучению объектов археологического наследия, а также включают в себя работы по поиску и изъятию археологических предметов. [10] В последнее десятилетие в Российской Федерации происходит увеличение количества проводимых археологических полевых работ, а также и исполнителей данных работ. В целом, данный процесс связан как с некоторыми новеллами в законодательстве, так и с постепенным освоением сельских и городских территорий [2, с. 355–361].

Однако следует отметить, что с повышением количества археологических полевых работ, с увеличением объема документооборота возрастает и количество нарушений закона в соответствующей области, и данные нарушения имеют разнообразный характер. И одним из основных правовых инструментов по выявлению таких нарушений является прокурорская проверка, методика проведения которой имеет множество особенностей.

Под методикой проведения прокурорской проверки исполнения законодательства в области проведения археологических полевых работ понимается система научно-обоснованных и практически подтвержденных положений, рекомендаций, оптимальных приемов и методов по наиболее эффективному организации, подготовке, производству действий, направленных на выявление нарушений исполнения закона в области проведения археологических полевых работ, а также оценке полученных результатов и выбору адекватных мер прокурорского реагирования на выявленные нарушения закона.

Соответствующая методика состоит из таких элементов, как: а) источники информации о нарушении законодательства; б) рекомендации по организационно — подготовительным мероприятиям и действиям; в) рекомендации по проведению проверочных и исследовательских действий;

г) рекомендации по выбору правовых средств реагирования.

Источниками информации о нарушении законодательства в области проведения археологических полевых работ являются: обращения граждан; материалы гражданских, арбитражных, административных и уголовных дел; статистические данные, результаты аналитической работы; публикации в СМИ и т. д.

Методические рекомендации по организационно-подготовительным мероприятиям и действиям необходимо рассмотреть с ракурса изучения конкретного комплекса актов и материалов в соответствующей сфере, установления объекта проверки и выбора состава участников проверки.

Прокурору перед проведением проверки необходимо подробно изучить статью 45.1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия», в которой закреплены общие положения о проведении археологических полевых работ. Также в перечень актов, которые прокурор должен знать, входит Постановление Правительства «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия» от «20» февраля 2014 года № 127 [11]. Данный подзаконный акт детально раскрывает всю процедуру получения разрешения на проведение археологических полевых работ, которое является важнейшим юридическим основанием для проведения такого рода работ. Перед проведением прокурорской проверки без должного анализа не должно остаться и региональное законодательство [6]. Вместе с тем, помимо актов, носящих нормативный характер, прокурору следует изучить ненормативные источники. Примером таких источников служит Положение о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации, утвержденное постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от «27» ноября 2013 года № 85. Указанное Положение вносит уточнения в основные понятия, приводит в соответствие с новым законодательством общие положения, относящиеся к порядку выдачи разрешений (открытых листов), проведению работ, ответственности держателя разрешения (открытого листа) и организации, в которой он работает [5].

Объектом прокурорской проверки исполнения законодательства о проведении археологических полевых работ является широкий круг участников:

1) Юридические лица, уставными целями которого являются проведение археологических полевых работ или проведение научных исследований, связанных с такими работами;

2) Министерство культуры Российской Федерации, так как в компетенцию данного органа входит рассмотрение заявлений о выдаче разрешения (открытого листа) на проведение археологических полевых работ;

3) Федеральное государственное бюджетное учреждение «Российская академия наук», поскольку данная организация дает заключение о целесообразности проведения археологических полевых работ;

4) Собственники и пользователи земельных участков, на которых проводятся археологические полевые работы, так как данные объекты обязаны обеспечить доступ к земельному участку, на территории которого будут проводиться такие работы.

Также относительно объектов проверки необходимо отметить следующее. На основании статьи 45.1 Федерального закона «Об объектах культурного наследия» исполнителем археологических полевых работ является физическое лицо, проводившее археологические полевые работы, и юридическое лицо, с которым данное физическое лицо находится в трудовых отношениях. В соответствии с этой же статьей разрешения (открытые листы) на проведение археологических полевых работ выдаются только физическим лицам, которые и являются держателями разрешений (открытых листов). Данная статья приравнивает физических и юридических лиц, как субъектов, проводящих археологические полевые работы. В силу пункта 1.9 Положения о порядке проведения археологических полевых работ и составления научной отчетной документации, утвержденное постановлением Бюро Отделения историко-филологических наук Российской академии наук от «27» ноября 2013 года № 85 юридическое лицо и держатель разрешения (открытого листа), организующие проведение археологических полевых работ, несут ответственность за качество выполнения полевых работ, лабораторную и камеральную обработку собранного материала, своевременность и качество научной отчетной документации. Держатель разрешения несет ответственность за передачу обнаруженных культурных ценностей на постоянное хранение в государственную часть Музейного фонда Российской Федерации [5].

Таким образом, исходя из систематического толкования указанных норм и положений, следует сделать вывод о том, что физическое лицо (держатель разрешения) является одним из основных и непосредственных участников административной, контрольно-отчетной и исследовательской составляющей общественных отношений по проведению археологических полевых работ, которого следует отнести к объектам прокурорской проверки. Однако, в соответствии с действующим законодательством, [7] физическое лицо не является объектом прокурорского надзора, что, по моему мнению, в рамках данных прокурорско-надзорных правоотношений является большим недостатком.

В ходе подготовительных действий прокурор, анализируя характер и сложность вопросов, на которые ему будет необходимо найти объективный ответ, должен выяснить, достаточно ли будет применение исключительно юридических знаний при осуществлении той или иной проверки. Безусловно, данная сфера общественных отношений имеет свою специфику, которая выражается в осо-

бенностях непосредственного проведения полевых работ. Такие особенности сможет проанализировать только специалист в данной области, имеющий конкретные знания. Итак, к проведению прокурорской проверки исполнения законодательства о проведении археологических полевых работ могут привлекаться специалисты естественнонаучного профиля (антропологи, почвоведы, геофизики, геологи, геоморфологи, палеозоологии, палеоботаники и др.)

Методические рекомендации по проведению проверочных и исследовательских действий затронут комплекс документации и материалов, которые следует исследовать при осуществлении прокурорской проверки.

Соответственно, прокурору при осуществлении проверки исполнения законодательства в области проведения археологических полевых работ необходимо исследовать и изучить следующие документы и материалы: учредительные документы юридического лица, являющегося исполнителем археологических полевых работ; свидетельство об аттестации и присвоении соответствующей квалификационной категории специалисту, проводящему археологические полевые работы; документы, подтверждающие наличие трудовых отношений между держателем разрешения (открытого листа) и работодателем юридическим лицом; заявление о выдаче разрешения (открытого листа); научное обоснование археологических полевых работ; документы, обосновывающие проведение работ (план работ, договор на проведение археологических полевых работ); заключение Российской академии наук о целесообразности проведения археологических полевых работ; приказ Министерства культуры РФ о выдаче разрешения (открытого листа) на проведение археологических полевых работ; разрешение (открытый лист) на проведение археологических полевых работ; приказ Министерства культуры РФ о продлении, приостановлении, возобновлении и прекращении действия открытого листа; научный отчет о проведении археологических полевых работ; документ, подтверждающий принятие научного отчета на постоянное хранение и т. д.

Следующий элемент методики, который следует рассмотреть, представляет собой типичные нарушения в области проведения археологических полевых работ. На основе анализа практики прокурорского надзора типичные нарушения в данной области общественных отношений можно разделить на две группы: нарушения законодательства, связанные с получением, приостановлением и прекращением разрешений (открытых листов); нарушения законодательства при осуществлении археологических полевых работ, а также при отчете о проведении таких работ;

Типичными нарушениями законодательства, связанными с получением, приостановлением и прекращением разрешений (открытых листов), являются: 1) требование от заявителей предоставления документов, которые не предусмотрены Постановлением Правительства Российской Федерации; принятие Министерством культуры РФ

решения о выдаче разрешения за пределами тридцатидневного срока; 2) подделка печати Министерства культуры РФ, которая ставится на разрешении (открытом листе); 3) вынесение Российской академией наук заключения о целесообразности проведения археологических полевых работ за пределами десятидневного срока; 4) продление действия открытого листа на срок более чем один год со дня издания Министерством культуры РФ первого приказа; 5) приостановление действия открытого листа при отсутствии установленных законодательством оснований; 6) прекращение действия открытого листа при отсутствии установленных законодательством оснований и др.

Типичными нарушениями законодательства при осуществлении археологических полевых работ, а также при отчете о проведении таких работ являются: 1) отсутствие уведомления исполнителем археологических полевых работ регионального органа охраны объектов культурного наследия об обнаружении объектов культурного наследия; 2) осуществление археологических полевых работ по истечении срока действия разрешения (открытого листа); 3) осуществление археологических полевых работ без разрешения (открытого листа); 4) не допуск исполнителей археологических полевых работ и препятствование проведению таких работ со стороны собственников и пользователей земельных участков, на которых разрешено осуществление археологических полевых работ; 5) осуществление руководства археологическими полевыми работами лицами, не являющимися исследователями, которые не имеют специальной подготовки, а также не владеющими современными методами ведения археологических разведок, археологических раскопок и т. д.; 6) осуществление археологических полевых работ юридическими лицами, в учредительных документах которых отсутствуют цели, связанные с выполнением такого рода работ и научными исследованиями вообще; 7) осуществление грабительских раскопок. (следует отметить, что даже незначительные повреждения объектов культурного наследия, производимые «черными копателями», могут расцениваться как нанесение серьезного ущерба научному потенциалу памятника); [6, с. 32–47] и т. д.

Далее после проведения всех необходимых проверочно-исследовательских действий, прокурору, исходя из характера и степени нарушения закона, следует выбрать правовое средство реагирования. Соответственно, при осуществлении надзора за исполнением законодательства в области проведения археологических полевых работ прокурор может применить надзорные непроцессуальные правовые средства реагирования (акты прокурорского реагирования) [3, с. 116–119]. Так, например, прокурору следует внести представление в адрес руководителя юридического лица, в трудовых отношениях с которым находится физическое лицо, осуществляющее археологические полевые работы, если такое физическое лицо не является исследователем и не имеет специальной подготовки. Если в ходе проведения прокурорской проверки прокурором будет установлен факт проведения археологических по-

левых работ без разрешения (ч. 1 ст. 7.15 КоАП РФ), [4] тогда наиболее оптимальным правовым средством реагирования, которое следует применить, будет постановление о возбуждении производства об административном правонарушении.

Однако, если в ходе осуществления проверки найдет свое подтверждение факт проведения археологических полевых работ без разрешения (открытого листа), которые привели к повреждению или уничтожению культурного слоя (ч. 1 ст. 243.2 УК РФ), [8] тогда прокурору необходимо вынести постановление о направлении материалов проверки в соответствующий орган для решения вопроса о возбуждении уголовного дела.

Также прокурор должен оперировать применением надзорными процессуальными правовыми средствами, а именно исковыми заявлениями об устранении нарушений

законодательства об охране объектов культурного наследия; о прекращении археологических полевых работ, если такие работы неизбежно приведут к повреждению или уничтожению объектов культурного наследия; об изъятии земельного участка, на котором проводятся археологические полевые работы, если собственник земельного участка чинит препятствия для проведения таких работ и создает угрозу для сохранения объектов археологического наследия и т. д.

Таким образом, определенная специфика правоотношений в области проведения археологических полевых работ отражается в особенностях реализации всех этапов прокурорской проверки, которая, безусловно, служит одним из главных правовых средств по выявлению нарушений законодательства в области проведения археологических правовых работ.

Литература:

1. Отчет//Министерство культуры Российской Федерации URL: <http://www.mkrf.ru/report/report2015/> (дата обращения: 26.04.2017).
2. Масленников, А. А., Меснянкина С. В. Археологические полевые исследования на территории России в 2014 году (статистика и предварительный анализ)//Краткие сообщения института археологии. № 236. 2014. с. 355—361.
3. Ергашев, Е. Р. Понятие и классификация правовых средств, применяемых органами прокуратуры// Российский юридический журнал. 2007. № 1. с. 116—119.
4. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016)// «Российская газета». 31.12.2001. N 256.
5. Нормативные акты//Российская академия наук URL: <http://www.ras.ru/expertsupport/normativedocuments.aspx> (дата обращения: 23.04.2017).
6. Постановление Правительства Москвы «Об особенностях организации археологических полевых работ на территории города Москвы» от «20» августа 2012 года № 414-ПП (с изм. на «01» ноября 2016 года)// «Вестник Мэра и Правительства Москвы». 29.08.2012. № 48.
7. Энговатова, А. В. Сохранение археологического наследия в России: современное состояние// Вестник Новосибирского государственного университета. № 3. 2013. с. 32—47.
8. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202—1 «О прокуратуре Российской Федерации» (ред. от 03.07.2016)// «Российская газета», 25.11.1995. № 229.
9. Уголовный Кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 06.07.2016)// «Российская газета». 18.06.1996. № 113., 19.06.1996. № 114., 20.06.1996. № 115., 25.06.1996. № 118.
10. Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (ред. от 05.04.2016)// «Российская газета». 29.06.2002. № 116—117.
11. Постановление Правительства от «20» февраля 2014 года № 127 «Об утверждении Правил выдачи, приостановления и прекращения действия разрешений (открытых листов) на проведение работ по выявлению и изучению объектов археологического наследия»// «СЗ РФ». 2014. № 9. Ст. 910.

Проблемные вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности

Тадеева Милана Ирбековна, магистр

Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова (г. Владикавказ)

В статье рассматриваются вопросы квалификации преступлений экстремистской направленности. Предлагаются некоторые меры профилактики преступлений экстремистской направленности.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, экстремистский мотив, призывы к осуществлению экстремистской деятельности, квалификация преступлений экстремистской направленности, проблемы квалификации преступлений экстремистской направленности

The article considers the issues of crimes qualification of extremist orientation. Suggests some ways of preventing crimes of extremist orientation.

Key words: crimes of an extremist, extremist motive, calls to extremist activity, qualification of crimes of an extremist, problems of qualifying crimes of an extremist

Актуальность проблем, связанных с экстремистскими проявлениями, не вызывает какого-либо сомнения. Экстремизм стал реальностью современного мира, общества. Его негативные последствия испытывают на себе все государства. [1, с. 48].

За непродолжительный период действия уголовно-правовых норм об ответственности за преступления экстремистской направленности обозначился ряд вопросов, требующих законодательного решения.

Для того чтобы правильно квалифицировать деяния, связанные с организацией экстремистских сообществ по ст. 282.1 УК РФ, в первую очередь нужно определить признаки подобных сообществ. Термин «преступное сообщество» раскрывает ч. 4 ст. 35 УК РФ — оно основано на понятии другого вида соучастия — организованная группа. Одновременно с этим согласно ч. 1 ст. 282.1 УК РФ принято считать, что экстремистское сообщество является организованной группой субъектов для приготовления или осуществления преступных деяний экстремистского характера. Значит, квалифицируя деяние в соответствии со ст. 282.1 УК РФ, нужно иметь в виду признаки организованных групп, которые характеризуются следующими чертами:

— в них участвуют два или более субъектов, у которых имеются все признаки общего субъекта преступлений в соответствии с ч. 1 ст. 19 УК РФ, т. е. являющиеся физическими, вменяемыми лицами, достигшими возраста, при котором наступает уголовная ответственность. За создание экстремистской организации наступление уголовной ответственности происходит с 16 лет. Если отсутствует данный признак, значит, отсутствует состав преступления по ст. 282.1 УК РФ. Если в создании экстремистского объединения участвовали как индивиды, у которых имеются признаки субъекта, так и индивиды, которые не могут понести уголовную ответственность в связи с возрастом или невменяемостью, квалификация содеянного по ст. 282.1 УК РФ должна производиться

только по отношению к тем, кто выступал в качестве субъекта этого состава преступления. Помимо этого, при определении всех признаков состава ст. 150 УК РФ, в которой регламентируется уголовная ответственность за привлечение не достигших совершеннолетия лиц к совершению преступного деяния, данная норма должна вменяться в совокупности со ст. 282.1 УК РФ;

— наличествует сговор на осуществление преступных деяний экстремистского характера, т. е. достижение любыми способами соглашения по поводу подготовки или совершения подобных преступлений вне зависимости от того, сговаривались ли все совместно или каждым предлагалось последующим осуществление данного преступного деяния;

— наличие четкого руководства сообществом, осуществляемого организатором, который согласно ч. 3 ст. 35 УК РФ формирует организованное сообщество или руководит им, вербует участников, распределяя роли, устанавливая иерархию, планируя, направляя и обеспечивая взаимосвязанную работу всего сообщества в целом и взаимообусловленность поступков каждого его участника;

— сообщество обладает устойчивостью, на которую могут указывать, в частности, постоянство состава, плотная взаимосвязь между участниками, наличие согласованности в их действиях, постоянные формы и методы преступных посягательств, продолжительность его функционирования и число осуществленных преступных деяний.

Наряду с названными признаками, квалифицируя деяние в соответствии со ст. 282.1 УК РФ, нужно определить и признаки, характерные для преступного сообщества. Они состоят в четкой структурированности, строгой иерархии, единоначалии. При этом тот факт, что в группах отсутствуют структурные подразделения, приводят к выводу, что отсутствует и преступное сообщество (преступная организация).

Приведем пример. В., разделяющий идеи нацизма и национал — социализма, намереваясь совершить пу-

бличные действия, направленные на то, чтобы разжечь у неограниченно большого круга субъектов ненависть и вражду к неславянским национальностям и народностям по таким признакам, как происхождение, язык, национальность, раса, а также унижить достоинство этих народностей и наций, решил организовать в г. Магнитогорск Челябинской обл. экстремистскую группировку с целью готовить и совершать в г. Магнитогорске преступления экстремистского характера и руководить этой экстремистской группировкой, обеспечивая ее технически, осуществляя вербовки, осуществляя пропаганду и идейную подготовку субъектов для последующего их зачисления в указанную группировку.

Для того чтобы получить информацию о формировании экстремистской группировки, ее структуры, функционировании и руководстве, В. много раз через свой персональный компьютер выходил на сайт «Национал — Социалистическое Общество» (далее по тексту «НСО»), и на этом сайте получил поддержку «НСО». Кроме того, представители общества согласились создать в Магнитогорске структурное подразделение «НСО».

Выступая в роли руководителя экстремистского сообщества, В. был вовлечен в данную экстремистскую группировку другие лица. Каждому участнику экстремистской группировки «Русское национальное движение», которое стало структурным подразделением «НСО» и вошло в состав «НСО», В. отвел определенные роли. Одно лицо Л. назначил руководителем сектора пропаганды и идейным лидером экстремистского сообщества «РНД». Других лиц, как активных участников совершаемых экстремистским сообществом «РНД», входящим в состав «НСО», преступлений экстремистской направленности, В. назначил: одного — руководителем силового блока, возложив на него функции по обеспечению общей безопасности при совершении преступлений экстремистской направленности, а также обеспечении собственной безопасности членов экстремистского сообщества «РНД»; другого — руководителем сектора экстремистского сообщества «РНД» по связям со средствами массовой информации, возложив на него функции по созданию видеороликов экстремистской направленности.

С целью увеличения численного состава «РНД» В., вербуя, агитируя и пропагандируя идеи нацизма, национализма и расовой ненависти, а также разжигая ненависть и вражду в отношении представителей неславянских наций и народностей, привлек в экстремистскую группировку еще около сорока лиц. На устойчивость и организованность данного преступного сообщества указывают следующие факты. Состав преступной группировки являлся стабильным, ее члены — сплоченными, в группировке установились определенные организационные формы связи между членами данной экстремистской организации. Кроме того, в организации имелись собственный устав, идентичный с уставом «НСО», символика, заимствованная у группировок националистической и национал — социалистической направленности (в

форме измененной фашистской свастики). Также функции и обязанности строго распределялись между участниками экстремистской организации. Ей также были свойственны постоянные методы и формы осуществляемых преступных деяний экстремистского характера. Кроме того, имелася общая «касса», которая формировалась за счет «членских» взносов членами данной группировки. Сообществом распределялись денежные средства на подготовку и осуществление преступных деяний экстремистского характера, разрабатывались меры конспирации и меры, помогающие скрыть следы осуществленных преступных деяний. Организация обеспечивалась средствами связи, ей были присущи строгая иерархия и соподчинение, а также установленная система, предусматривавшая поощрения и наказания. Также наличествовали установленные связи с «НСО».

Данным экстремистским сообществом был совершен ряд преступлений экстремистской направленности, а именно: лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор, с помощью своего персонального компьютера умышленно создал, а затем умышленно изготовил листовку, содержащую прямые и завуалированные призывы, возбуждающие ненависть по национальному признаку к лицам чеченской и еврейской национальности со стороны лиц других национальностей. Продолжая реализовывать свой преступный умысел, направленный на возбуждение ненависти по национальному признаку к лицам чеченской и еврейской национальности с целью распространения изготовленной им ранее листовки умышленно размножил ее в количестве 50 экземпляров.

Лицо, в отношении которого вынесен обвинительный приговор по ч. 1 ст. 282 УК РФ, предварительно не подав в орган исполнительной власти субъекта РФ или орган местного самоуправления уведомление о проведении публичного мероприятия, предусмотренного п. 1 ч. 4 ст. 5 Федерального Закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» № 54 — ФЗ от 19.06.2004 года, умышленно организовал несанкционированное шествие. Являясь организатором данного шествия и передвигаясь в составе группы лиц в присутствии других лиц умышленно распространил среди граждан г. Магнитогорска, не менее 34 ранее созданных им листовок, содержащих прямые и завуалированные призывы, возбуждающие ненависть по национальному признаку к лицам чеченской и еврейской национальности со стороны лиц других национальностей. Остальные 16 листовок были изъяты сотрудниками полиции.

Был совершен также ряд других преступлений экстремистской направленности [2, с. 34—45].

Суд считает, что действия В., правильно квалифицированы по ч. 1 ст. 282.1 УК РФ — как организация экстремистского сообщества по факту создания сообщества «Русское национальное движение», а также по факту создания видеороликов экстремистской направленности, их публичного распространения, нанесения символика и надписей.

Квалифицируя действия руководителей, необходимо иметь в виду, что их нужно привлекать к уголовной ответственности в соответствии с ч. 1 ст. 282.1 УК РФ за осуществление как минимум одной указанной в ней функции. Если экстремистское сообщество совершило конкретное преступление экстремистского характера, такое преступление необходимо квалифицировать по совокупности с положением Особенной части УК РФ, в которой регламентируется уголовная ответственность за осуществленное преступление. Причем ссылка на ч. 3 ст. 33 УК РФ не нужна. Если руководители не принимали непосредственное участие в осуществлении преступления экстремистского характера, их действия тоже должны быть квалифицированы по совокупности ч. 1 ст. 282.1 УК РФ и определенным составом преступления, оговоренным в Особенной части УК РФ, потому что осуществление преступлений экстремистского характера охватываются их умыслом и именно с этой целью ими были совершены действия в сфере формирования и руководства экстремистской группировкой.

Формирование, так же, как и руководство экстремистской организацией подразумевают непосредственное участие в ней, в связи с этим действия, осуществляемые организаторами или руководителями, необходимо квалифицировать лишь по ч. 1 ст. 282.1 УК РФ; для них не требуется дополнительная квалификация по ч. 2 ст. 282.1 УК РФ за участие в экстремистской организации.

Полагаем, для того чтобы квалифицировать действия преступника по ч. 2 ст. 282.1 УК РФ, субъект должен не просто согласиться на участие в экстремистской организации, но и осуществить комплекс активных действий, свидетельствующих о его намерениях реализовывать преступные деяния экстремистского характера — обеспечи-

вать оружием, транспортными средствами, подыскивать жертв посягательств, устанавливать контакты с должностными лицами, работающими в государственных органах, и т. д.

Если участник экстремистской организации совершил конкретные преступления экстремистского характера, его деяния должны быть квалифицированы по совокупности преступлений, оговоренных в ч. 2 ст. 282.1 УК РФ и соответствующей части (пункте) статьи Особенной части УК РФ, в которой предусматривается такой квалифицирующий признак, как «организованная группировка». В случае отсутствия такого квалифицирующего признака в статье Особенной части УК РФ деяния преступника должны быть квалифицированы по признаку «группой лиц по предварительному сговору» и ч. 2 ст. 282.1 УК РФ.

Квалифицируя содеянное в соответствии с этой нормой, необходимо иметь в виду, что законодателем было использовано понятие «подготовка», а не «приготовление». Эти понятия, конечно, являются близкими по смыслу, но не идентичными. В подготовку не обязательно входит признак прерванности начавшейся деятельности по не зависящим от преступника обстоятельствам; кроме того, подготовку можно осуществлять к преступлениям любой степени тяжести.

Примечание к ст. 282.1 УК РФ содержит поощрительную норму об освобождении от уголовной ответственности лиц, которые добровольно прекратили участвовать в экстремистском сообществе. При этом такие лица не должны совершать никаких активных действий, свидетельствующих о деятельном раскаянии, т. е. достаточно простого отказа от участия в таком сообществе. Данное примечание не распространяется на организаторов и руководителей экстремистского сообщества.

Литература:

1. Фридинский, С. Н. Некоторые проблемы противодействия экстремизму в РФ // Прокурорская и следственная практика. 2006. № 1–2. с. 48.
2. Комиссаров, В. С., Емельянов В. П. Террор, терроризм, «государственный терроризм»: понятие и соотношение // Вестник МГУ. Серия 11. Право. 2014. № 5. с. 34–45, и др.).

Деликтоспособность несовершеннолетних как предпосылка участия несовершеннолетних в обязательствах вследствие причинения вреда

Фефелова Елена Игоревна, магистрант
Забайкальский государственный университет (г. Чита)

Несовершеннолетние субъекты гражданского права могут быть участниками обязательств вследствие причинения вреда как в роли причинителя вреда — субъекта противоправного действия, так и в роли потерпевшего лица, жизни, здоровью или имуществу которого был

причинен вред. При этом характер участия определяется объемом дееспособности несовершеннолетнего.

Деликтоспособность является предпосылкой участия несовершеннолетних граждан в обязательствах вследствие причинения вреда в качестве должников и лиц, не-

сущих в этом случае субсидиарную ответственность, а также лиц, ответственными за причинение вреда малолетними. Однако, что в литературе деликтоспособность несовершеннолетнего предлагается называть неполной или частичной в связи с привлечением к ответственности других лиц..

Деликтоспособность являясь одним из элементов правосубъектности, и показывает насколько субъект правоотношения способен нести юридическую ответственность за своё поведение и поведение других лиц, а также в каком объёме она может быть реализована.

Деликтоспособность имеет свои признаки, в соответствии с которыми определяется, во-первых, её наличие и, во-вторых, её объём. Однако нельзя говорить, что у всех субъектов правоотношений эти признаки одинаковы, так как отдельные участники правоотношений деликтоспособны в зависимости от совершенно разных факторов.

У физических лиц такими признаками выступают психическое состояние и возраст, а у юридических лиц — цель деятельности и законодательная конструкция ответственности в зависимости от их организационно-правовой формы. Юридическая ответственность во всех её проявлениях наступает только с того возраста, который определён законом для субъекта правонарушения. Это обусловлено различным объёмом возможностей самостоятельно реализовывать предусмотренные законом права и обязанности в силу психологической зрелости ребенка. [1]

Дело в том, что участниками гражданских правоотношений могут быть любые граждане, независимо от возраста и состояния здоровья. Нести же гражданско-правовую, в том числе деликтную, ответственность могут лишь лица, способные руководить своими действиями и правильно оценивать их возможные последствия. С точки зрения возрастного критерия такая способность по законодательству возникает у граждан только с 14 лет, поскольку малолетние (в возрасте до 14 лет) рассматриваются законодателем как лица, неспособные в силу недостаточной психической зрелости разумно руководить своими действиями и правильно оценивать их последствия. Таким образом, уровень зрелости гражданина законодатель связывает с определенным возрастом, с наступлением которого должна возникать способность лица отвечать за свои поступки и нести за них ответственность. [2]

Рассматривая размер дееспособности несовершеннолетних, можно сказать, что Гражданским Кодексом РФ устанавливается различный объем дееспособности лиц, не достигших 18 лет.

Несовершеннолетние, согласно действующего законодательства, разделены на две группы: малолетние до 14 лет — это первая группа, во вторую группу входят несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет.

Ответственность лиц, не достигших 18 лет, неразрывно связано с объёмом их дееспособности, которая регламентируется ст. ст. 26 и 28 ГК РФ.

Несовершеннолетние, в возрасте до 14 лет недееспособны, все сделки от их имени совершают родители или

иные законные представители. Несовершеннолетние до 14 лет вправе самостоятельно совершать мелкие бытовые сделки; сделки, направленные на безвозмездное получение выгоды, не требующие нотариального удостоверения либо государственной регистрации; сделки по распоряжению средствами, предоставленными законным представителем или с его согласия третьим лицом для определенной цели или для свободного распоряжения (п. 2 ст. 28 ГК РФ).

Круг сделок, относящихся к мелким бытовым сделкам, как и критерии таких сделок, в законе не определен. Но сделка должна отвечать следующим требованиям:

— цена сделки должна быть незначительной для ребенка;

— сделка должна быть направлена на удовлетворение личных, бытовых потребностей ребенка (игрушки, журналы, книги, канцелярские товары и проч.). [3]

Еще большие возможности предоставляет закон малолетним, наделяя их правом совершать сделки по распоряжению предоставленными им средствами. Указанные сделки совершаются под косвенным контролем законных представителей малолетнего, поскольку средства предоставляются либо ими, либо с их согласия третьими лицами, следовательно, законные представители вполне могут контролировать сумму, предоставляемую ребенку, целевое использование средств.

Малолетние, несмотря на обладание возможностью совершения определенных сделок, не несут самостоятельной ответственности, являясь неделиктоспособными.

Лица в возрасте до 14 лет являются полностью неделиктоспособными, поскольку в силу малолетства не могут в полной мере осознавать негативные последствия своих действий и поступков. В частности, малолетние в силу своих возрастных особенностей не могут быть признаны полноценными участниками гражданского оборота. Поэтому ст. 1073 ГК РФ устанавливает, что за вред, причиненный малолетними, отвечают их родители (усыновители) или опекуны, учреждения, которые в силу закона являются опекунами, либо учреждения и лица, обязанные осуществлять надзор за ними. Определение круга лиц, отвечающих за причинение вреда малолетними детьми, является очень важным вопросом, поскольку от этого в большой степени зависит сама возможность возмещения вреда и в целом эффективность имущественной ответственности. [4]

Противоправными действиями родителей и иных воспитателей малолетних являются, в частности, безответственное отношение к его воспитанию, неосуществление за ними должного присмотра, поощрение озорства, попустительство или потворство хулиганских и иных противоправных действий, неправомерному или иному недостойному поведению, отсутствие должного внимания к малолетним и заботы о них (пп. «а» п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26 января 2010 г. № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина».

Рабец А. М. утверждает, что вина родителей и других лиц, обязанных осуществлять надзор за малолетними и их воспитание, предполагается в п. 11 указанного Постановления Пленума Верховного суда РФ, где разъяснено, что истец не обязан доказывать вину ответчика, а лишь факт причинения вреда ответчиком или с его участием. Родители, усыновители или опекуны освобождаются от обязанности по возмещению вреда, если докажут, что вред причинен не по их вине (ст. 1073 ГК РФ, п. 16 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 26.01.2010 № 1), что, безусловно, свидетельствует о том, что речь идет именно об их ответственности за собственные действия, а не только за действия малолетнего причинителя вреда. В частности, родители или лица, их заменяющие, освобождаются от обязанности по возмещению вреда, причиненного ребенком, находящимся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также в иных организациях, куда дети помещены под надзор и на воспитание. В подобных случаях родители, как бы они этого ни желали, физически не могут исполнять свои родительские обязанности. То же самое можно сказать о родителе, проживающем отдельно от ребенка и лишенным возможности участвовать в его воспитании по вине другого родителя либо не могущем в силу болезни или по иным уважительным причинам осуществлять его воспитание. Такой родитель может быть освобожден судом от обязанности по возмещению вреда (подп. «в» п. 16 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 26.01.2010 № 1)». [4]

Иначе обстоит дело, если вред причинен малолетним в период временного пребывания в образовательных, медицинских, культурно-зрелищных, спортивных или иных организациях, например, в детских дошкольных учреждениях, общеобразовательных школах, гимназиях, в учреждениях дополнительного образования, в больницах, санаториях и других медицинских организациях, куда открыт доступ для родителей и заменяющих их лиц, а также у физических лиц, которые на основании договора обязаны осуществлять за ними надзор (няни, гувернантки и т. п.). Примером могут служить детские дошкольные или образовательные учреждения и т. п., а также граждане, временно принявшие детей в семьи из организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в соответствии с Правилами «О временной передаче детей, находящихся в организациях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в семьи граждан, постоянно проживающих на территории Российской Федерации», утвержденными Постановлением Правительства РФ от 19 мая 2009 г. № 432 2. [4]

Как отмечает Рабец А. М. «обязанность указанных лиц по возмещению вреда, причиненного малолетними в период пребывания под их надзором, также основана на их собственной вине и является мерой гражданско-правовой ответственности, однако их вина выражается в неосуществлении надлежащего надзора. Если причиной

вредоносных действий малолетнего явилось их ненадлежащее воспитание, то при отсутствии вины данных лиц в неосуществлении должного надзора они могут быть освобождены от ответственности, а при наличии такой вины могут привлекаться к обязанности по возмещению вреда наряду с родителями или заменяющими их лицами в порядке долевой ответственности. При этом их вина в неосуществлении надлежащего надзора также предполагается, а потому они сами обязаны доказывать свою невиновность». [4]

В частности, закон не придает юридического значения действиям малолетнего (лица в возрасте до 14 лет). Юридически значимую связь (прямую связь) законодатель усматривает в неправомерном виновном поведении родителей, усыновителей и опекунов, которые не обеспечили должный надзор и воспитание, следствием чего является наступивший результат в виде причинения убытков (внедоговорного вреда). [3]

По общему правилу несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет совершают сделки с письменного согласия родителей, усыновителей или попечителя. Например, если несовершеннолетний в возрасте от 14 до 18 лет хочет распорядиться принадлежащим ему имуществом, заключив договор в письменной форме, то он самостоятельно подписывает документ, оформляющий соответствующую сделку, а родители (усыновитель или попечитель) дают свое согласие на совершение данной сделки. [5]

Несовершеннолетние в возрасте от четырнадцати до восемнадцати лет имеют право самостоятельно и без согласия законных представителей, распоряжаться собственным заработком, стипендией или иными доходами; осуществлять права автора произведений науки, литературы или искусства, изобретения или иного охраняемого законом результата своей интеллектуальной деятельности; в соответствии с законом вносить вклады в кредитные учреждения и распоряжаться ими, по достижении 16 лет быть членами кооперативов (ст. 26 ГК РФ), а также сделки совершаемые малолетними. Право совершения названных сделок означает наделение несовершеннолетних определенным объемом дееспособности, что позволяет говорить об имеющейся у них частичной дееспособности. Подтверждается это и возложением на несовершеннолетних самостоятельной имущественной ответственности по заключенным ими сделкам, а также за причинение вреда. Частичная дееспособность несовершеннолетних позволяет более детально оценивать их уровень зрелости, готовности к самостоятельному участию в гражданском обороте.

Объем дееспособности несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет (за исключением тех, которые приобрели полную дееспособность до наступления совершеннолетия), ограничен в меньшей степени, чем объем дееспособности малолетних. Несовершеннолетние в этом возрасте вправе сами совершать сделки, получив на это согласие своих законных представителей (родителей, усыновителей или попечителей).

В отличие от малолетних, несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет самостоятельно несут имущественную ответственность по совершаемым ими сделкам (п. 3 ст. 26 ГК РФ). Однако в случае, когда у несовершеннолетнего недостаточно имущества, дополнительную (субсидиарную) ответственность несут его родители, усыновители или попечитель.

Условием ответственности родителей (попечителей) является вина в ненадлежащем воспитании и надзоре за детьми, которая презюмируется. Помимо этого на тех же началах несут ответственность за несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет учреждения, которые в силу закона являются попечителями несовершеннолетних (воспитательные, лечебные учреждения, учреждения социальной защиты населения и другие аналогичные учреждения).

По-иному оценивается обязанность родителей и заменяющих их лиц по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет. В соответствии со ст. 1074 ГК РФ причинители вреда несут самостоятельную ответственность, и лишь при отсутствии у них собственных доходов или иного имущества, достаточного для возмещения вреда, родители или заменяющие их лица привлекаются к его возмещению полностью или в недостающей части. Однако в сущности так же, как и в отношении малолетних, обязанность по возмещению вреда этими лицами строится на их собственной вине по той же схеме, что и в отношении малолетних, а потому, возмещая вред в порядке субсидиарной ответственности, они по существу отвечают за собственные действия и также освобождаются от такой обязанности, если докажут, что вред возник не по их вине.

На лиц, обязанных осуществлять воспитание несовершеннолетних и надзор за ними, распространяется все, что относится и к обязанности по возмещению вреда, причиненного малолетними, с разницей, что по достижении малолетними 14 лет и при возникновении у них собственных доходов нормы, установленные ст. 1074 ГК РФ, не приме-

няются, так как в момент причинения вреда несовершеннолетний был малолетним. Кроме того, по достижении малолетним причинителем вреда либо иного имущества обязанность указанных лиц по возмещению вреда не прекращается, а по достижении 18 лет лицами, причинившими вред в возрасте от 14 до 18 лет или при появлении у них собственных средств или имущества, достаточного для возмещения вреда, они возмещают вред самостоятельно; соответствующая обязанность лиц, ранее привлеченных к субсидиарной ответственности, прекращается, однако они не вправе предъявлять регрессные требования к несовершеннолетним, за которых они возмещали вред полностью или в части. Такая позиция законодателя учитывает, что полная или субсидиарная ответственность указанных лиц наступает за вред, причиненный малолетними или несовершеннолетними, не только за действия непосредственных причинителей вреда, но и, за их противоправные виновные действия.

Необходимо отметить, что в соответствии со ст. 61 СК РФ права и обязанности родителей и иных лиц по воспитанию несовершеннолетних прекращаются в случае приобретения ими полной гражданской дееспособности. Поэтому несовершеннолетний, вступивший в брак или объявленный полностью дееспособным в результате эмансипации, отвечает самостоятельно за вред, причиненный как до, так и после приобретения полной дееспособности, однако лишь в том случае, если вред был причинен в возрасте от 14 до 18 лет. Если, к примеру, малолетний в возрасте 12 лет причинил вред, а через 3 года вступил в брак или по достижении 16 лет был эмансипирован, обязанность по его возмещению родителей и заменяющих их лиц не прекращается. [4]

Таким образом, несовершеннолетний, являясь участниками гражданских правоотношений, приобретает определенные права и обязанности. Но в отличие от взрослого лица осуществление этих прав и обязанностей имеют особенности, которые вытекают из его неполной дееспособности.

Литература:

1. Правовые признаки деликтоспособности физических лиц. Р. Ф. Гарипов. Москва: б. н., 2009 г., Пробелы в Российском законодательстве, стр. 187–190.
2. Деликтоспособность гражданина как элемент гражданской дееспособности: психологические предпосылки и юридическое содержание понятий. Е. В. Рузанова. «Педагогика и психология», «Философия и искусствоведение».
3. Гражданско-правовая дееспособность и деликтоспособность малолетних и несовершеннолетних. Е. Р. Сухарева. 2016 г., Вестник Воронежского института МВД, Т. 1, стр. 178.
4. Категория деликтоспособности физических лиц в гражданском праве Российской Федерации. А. М. Рабец. 1, Новосибирск: Новосибирский национальный исследовательский государственный университет (Новосибирск), 2015 г., Юридическая наука и практика, Т. 11, стр. 71–80.
5. Л. В. Санникова. Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5. б. м.: Статут, 2015.

Конституционное ограничение применения российскими судами норм зарубежного права путем применения оговорки о публичном порядке

Хахаев Дмитрий Дмитриевич, студент
Санкт-Петербургский государственный университет

Статья посвящена проблеме понимания категории «публичного порядка» и случаев применения оговорки о публичном порядке в российском конституционном праве. Автор приходит к выводу о том, что в настоящий момент содержание категории «публичного порядка» ограничивается конституционными принципами.

Ключевые слова: конституционное право, международное частное право, публичный порядок, оговорка о публичном порядке, конституционные принципы, основы правопорядка

Как известно, взаимодействие с иностранными правовыми системами, порождаемое внешнеэкономическими отношениями государства, подчас приводит к возникновению коллизии при противоречии положений законов РФ нормам иностранного права. И в данном случае возникает вопрос: «каковы же пределы действия норм зарубежного права и какому законодательству тогда нужно следовать?». С ответами на эти принципиальные вопросы связана не только судьба конкретного дела, но и охрана национального права и общественного порядка в государстве в целом, вследствие чего освещение данной проблемы и её последующее решение должно быть отражено именно в рамках конституционного права. И в этом случае одним из средств решения вышеуказанной проблемы является применение оговорки о публичном порядке, обуславливающей крайние границы российского права и являющейся критической точкой, за которую иностранное вмешательство недопустимо.

В общем смысле оговорка о публичном порядке определяется доктриной в виде нормативного условия, в силу которого, как исключение из общего правила, национальный суд может отказать в применении конкретной нормы, решить об отказе в придании обязательной силы иностранному судебному решению, отказать в выполнении иностранного судебного поручения в виду того, что это противоречило бы публичному порядку государства суда или запрашиваемого юрисдикционного органа [3, с. 26–27].

В настоящее время доктрина выделяет две основных концепции оговорки о публичном порядке: общая позитивная концепция («франко-итальянская») и негативная концепция (ее источники обращены к германской доктрине) [4, с. 68–74]. При этом, если первая базируется на совокупности материально-правовых норм, которые в силу принципиальной важности для защиты общественных и моральных устоев данного государства применяются всегда, даже если отечественная коллизионная норма отсылает к иностранному праву (такие нормы часто именуются надимперативными), то вторая видит основания для неприменения иностранной правовой нормы в свойствах самой нормы, которые делают ее такой, что она не может быть применена.

В российском законодательстве в ст. 1193 ГК РФ закреплён именно негативный вариант такой оговорки, устанавливающий положение о том, что норма иностранного права в исключительных случаях не применяется, когда последствия ее применения явно противоречили бы основам правопорядка (публичному порядку) Российской Федерации с учетом характера отношений, осложненных иностранным элементом. Из текста нормы нетрудно понять, что проблема применения кроется в самом термине «публичный порядок», содержание которого не только не определено законодателем, но даже и доктрина не может дать вразумительный ответ, указывая лишь, что под «публичным порядком» понимаются представления о морали и нравственности, присущие конкретному обществу, фундаментальные принципы права, действующие в конкретном государстве, и императивные нормы, содержащиеся в его правовой системе [1, с. 28–33]. Видно, что такое определение крайне абстрактно. Поэтому проблема применения оговорки о публичном порядке является следствием более обширной проблемы — проблемы неопределенности содержания и пределов публичного порядка, попытка решения которой и будет произведена в настоящей работе.

Целью данной работы будет являться выявление тех специфических черт и принципов отечественного публичного порядка, нарушение которых служит основанием для применения оговорки о публичном порядке.

Достижению цели должны способствовать следующие задачи:

1. Рассмотреть зарубежную судебную практику по каждому из определенных доктриной элементов [2, с. 10], составляющих публичный порядок, для того чтобы выявить механизм аргументации, используемый иностранными судами при выделении из общего содержания каждого элемента публичного порядка в конкретном государстве таких специфических черт, нарушение которых является основанием для применения оговорки. Данный механизм позволит выявить специфические черты отечественно публичного порядка.

2. Исследовать современную отечественную судебную практику, формирующую институт оговорки о публичном порядке, через призму механизма, выработанный

ного зарубежными судами, для того чтобы выявить то содержательное наполнение каждого элемента публичного порядка, которое определяет специфические черты, нарушение которых является основанием для применения оговорки о публичном порядке.

Наконец, подвести итог, в котором будут отражены специфические черты российского публичного порядка, их недостатки и пути устранения таких недостатков.

Начать же следует с рассмотрения зарубежной судебной практики.

Применение оговорки о публичном порядке в зарубежной практике

Наиболее показательным, и ставшим уже классическим, примером применения оговорки о публичном порядке является отказ английского суда о разрешении конфликта в споре *Lemenda Trading Co. Ltd v. African Middle East Petroleum Co.* [1, с. 139]. Где суд, установив, что основанием заключения соответствующего договора была взятка чиновнику, при этом для той страны в определенный исторический период дача взятки была негласно разрешена и являлась обычным явлением на всех уровнях власти. Суть дела состояла в том, что одна из сторон требовала возвращения части суммы взятки, как излишне выплаченной. В данном случае не только требование, но и само его основание (взятка) являлось противоречащим основным принципам публичного порядка (*public policy*) Англии, основанного на общепринятых принципах морали. Суд при вынесении своего решения за основу взял именно факт дачи взятки, противоречащий публичному порядку, не рассматривая при этом ни содержание договора, ни возражения сторон, ни законодательство, которому данный договор был подчинен. При этом необходимо отметить, что при вынесении решения суд указал на принцип международной вежливости, так как само действие договора имело место на территории иностранного государства, а не Великобритании. Важным является тот факт, что принцип международной вежливости признается судами одним из составляющих публичного порядка Англии, что наглядно показывает, как политический интерес (поддержание дружественных отношений с другими странами и сохранении собственной репутации), сохраняющийся на протяжении длительного времени, стал традицией, вошедшей в фундамент английского правопорядка. В подтверждение последнего следует привести пример решения суда по делу *Saxby vs. Fubbon* 1909 года [5, с. 72], где судья Вильям заявил, что «для отказа в применении какой-либо нормы иностранного закона необходимо, чтобы такое применение противоречило основам морали, которая считается преобладающей в этой стране, независимо от статутного права». Наибольшую важность в деле представляет то, что суд в качестве основы решения использовал принцип международной вежливости: «такое применение противоречило основам морали, которая считается преобладающей в этой стране». Таким образом,

видно, что политический интерес государства, сохраняющийся на протяжении десятков лет, может перейти в традицию, которая ложится в основу публичного порядка государства.

Другим примером специфического элемента публичного порядка стал, отнесенный европейской судебной практикой, принцип соблюдения баланса интересов спорящих сторон и восстановительного характера гражданско-правовой ответственности, являющийся прямой противоположностью, используемого в США при разрешении аналогичных дел, принципа штрафного возмещения ущерба [1, с. 126–128]. В качестве примера уместно будет привести и практику швейцарского суда [1, с. 126–127], рассматривавшего ходатайство об исполнении решения окружного суда штата Техас. Американский суд основывался на закрепленном в законодательстве США принципа карательной компенсации (*exemplary damages*) и начислил штраф в двойном размере от суммы ущерба с добавлением его к сумме самого ущерба. Президиум окружного суда Сарганы усмотрел в данной «тройной» компенсации смешение элементов уголовного и гражданского производства, что противно швейцарской правовой системе, её устоям, вследствие чего в удовлетворении ходатайства было отказано. Аналогичным примером служит отказ Верховного суда ФРГ в признании решения американского суда [1, с. 129], где германский суд прямо указал, что германское право в качестве последствия противоправного поступка предусматривает восстановление прав и возмещения ущерба, а не «обогащение» пострадавшего. Из данных примеров хорошо видно, что одной из специфических черт европейского публичного порядка является принцип соблюдения интересов спорящих сторон и восстановительного характера гражданско-правовой ответственности. Также необходимо отметить, что данный принцип, выработанный на протяжении долгого времени и являющийся одним из фундаментов в системе континентального права, представляет особую важность, вследствие чего даже малейшее отступление от него может крайне негативно сказаться на всей правовой системе. Вот почему в данном случае использование оговорки является не только уместным, но и необходимым. Вторым важным аспектом является, что публичный порядок действует как при вынесении судебного решения по конкретному делу, так и при исполнении уже вынесенного (в вышеприведенных примерах не допускалось именно исполнение).

Нельзя также оставить без внимания решение Апелляционного суда Второго округа, США 1974 г., по делу *Parsons & Whittemore Overseas Co. V. Societe Generale de L'Industrie du Papier (PAKTA)* [1, с. 138], где американский суд указал, что нарушение внешней политики США не является нарушением публичного порядка и подчеркнул, что аргументы, основанные на ссылках на публичный порядок должны приниматься с крайней осторожностью. Данное решение имеет одно из ключевых мест в решении проблемы, так как подтверждает применение

оговорки лишь в самых крайних случаях, а также косвенно указывает, что её применение возможно не при любых нарушениях каких-либо интересов государства (внешнеполитических, внешнеэкономических и т. д.), а именно тех, которые являются неотъемлемыми элементами публичного порядка, то есть частью правового фундамента государства, несоблюдение которых влечет крайне негативные и разрушительные последствия для всего государства.

Вышерассмотренные примеры затрагивают лишь элементы «публичного порядка» иностранных государств и, с первого взгляда, не дают ничего полезного в раскрытии данной проблемы. Но данное ощущение ошибочно, так как из них следует ряд важных заключений:

Во-первых, практика, как и доктрина [2, с. 25], подходит к содержанию публичного порядка не с точки зрения конкретных законов, а с позиции принципов, что является наиболее важным, так как это, с одной стороны, решает проблему изменения правоотношений, которые уже не могут регулироваться старыми законами, а с другой, позволяет очертить границы содержания термина (хотя и не без доли субъективизма и абстрактности).

Во-вторых, публичный порядок включает в себя такой элемент как традиция. Как было рассмотрено выше, традиция может переключаться из иной сферы (политической, экономической и т. д.) в правовую, при этом для включения её в публичный порядок необходимо, чтобы она настолько закрепились в правовой системе, что стала одной из её фундаментальных ценностей. В таком случае необходим ряд требований: традиция должна иметь наиболее важное для государства и общества значение достаточно долгое время, на протяжении которого её соблюдение должно охраняться государством и постепенно перейти в правосознание всего общества в качестве высшей ценности (примером чего является принцип международной вежливости в Англии).

В-третьих, оговорка о публичном порядке действует лишь в крайних случаях, когда нарушается публичный порядок государства, под которым следует понимать не просто интересы государства (экономические, политические и т. д.), а именно те, которые лежат в основе правовой системы государства, без которых её стабильность невозможна. Важно отметить, что ошибочным является мнение о том, что публичный порядок государства составляют конституционные принципы, ибо многие конституционные принципы присущи практически всем современным государствам, но их нарушение еще не является основанием применения оговорки о публичном порядке. Для публичного порядка же важен не сам тот или иной конституционный принцип, отражающийся в ряде отраслей законодательства, а его особенные черты, специфичность содержания и применения в конкретной стране, где он имеет характерное отличие от других государств, в то же время, представляя особую важность для государства, из чего следует, что не только его нарушение, но и отклонение от его использования приведет к пагубным последствиям для всего общества.

Наконец, оговорка о публичном порядке действует тогда, когда *последствия* действия иностранного закона или исполнения иностранного судебного решения будут противоречить публичному порядку государства, что носит определяющий характер, так как различие в нормах, закрепленных в законодательствах разных государств не является еще основанием для применения оговорки, последнее привело бы к её повсеместному применению и, в конечном счёте, полному разрыву международных отношений.

На основании вышесказанного можно вывести механизм, которым руководствуются иностранные суды при решении вопроса о применении оговорки о публичном порядке. Судья при решении дела прежде всего рассматривает его через призму конституционных принципов, а также принципов, традиций и устоев, которые лежат в основе общественного строя, фундаменте правовой системы государства. И при противоречии или даже негативном влиянии на указанные элементы судья применяет оговорку о публичном порядке. То есть механизм применения оговорки о публичном порядке сбалансировано сочетает степень влияния судьи и описательный подход, состоящий из конституционных принципов, традиций, устоев, что ограничивает степень личного усмотрения судьи при решении дела *ad hoc* определенными рамками в такой мере и не допускает расширительного толкования термина «публичный порядок», и следовательно, сводит к минимуму судебский произвол при применении в деле оговорки, при этом максимально защищая публичный порядок государства.

Данные заключения имеют основополагающее значение при подходах к решению проблемы публичного порядка в нашем государстве, которая будет исследована в следующей главе.

Специфические черты Отечественного публичного порядка

Как уже было сказано, закрепив в ст. 1193 ГК РФ негативную концепцию оговорки о публичном порядке, законодатель не раскрывает ни в одном из нормативных актов само содержание публичного порядка, что на практике подчас приводит неверному применению положений данной статьи и судебскому произволу. С учетом исследования, проведенного в предыдущей главе, следует обратиться к судебной практике по каждому из элементов публичного порядка. В первую очередь необходимо ознакомиться с решениями Верховного Суда РФ: Постановлением Президиума Верховного Суда от 02.06.1999, и определением Верховного Суда от 13 апреля 2001 года, где Верховный суд дал толкование содержания данного понятия. Примечательным является то, что в Постановлении Верховный Суд установил под публичным порядком основные принципы, закрепленные в Конституции и законах Российской Федерации, что значительно сужает, по сравнению с доктриной и зарубежной практикой, содержание

и пределы данного понятия, но в то же время в своем Определении Верховный Суд значительно расширяет предыдущий подход, указывая, что под публичным порядком понимаются основы общественного строя Российской Федерации, а применение оговорки о публичном порядке возможно лишь в тех отдельных случаях, когда применение иностранного закона могло бы породить результат, недопустимый с точки зрения российского правосознания, отметив при этом, что наличие принципиального различия между российским законом и законом другого государства само по себе не может быть основанием для применения оговорки о публичном порядке. Видно, что в своем определении Верховный Суд дал очень абстрактное толкование, указав лишь на то, что под публичным порядком понимаются «основы общественного строя». В связи с этим интересен ряд решений арбитражных судов, в каждом из которых под противоречием публичному порядку приводилось несоблюдение какого-либо принципа или ущемление права.

Так, Федеральный Арбитражный суд Центрального округа в своем постановлении от 14 мая 2013 года по Делу N А14–14956/2012, суть которого заключалась в том, что ООО «Медвежонок» заключила третейское соглашение с ООО «Альфа» в соответствии с которым, все споры и разногласия, независимо от оснований их возникновения, которые возникли или могут возникнуть между сторонами по договору подряда, заключенному между ними, в том числе связанные с его заключением, исполнением, изменением, расторжением или признанием недействительным, передаются на рассмотрение в Третейский суд при Обществе с ограниченной ответственностью Юридическая компания «Лига Правосудия». Дело было единолично рассмотрено третейским судьей соответствующего суда, который при рассмотрении этого же дела, но уже в Арбитражном суде Воронежской области являлся представителем ответчика. На основании чего суд установил, что имелась личная заинтересованность судьи и были нарушены такие принципы судопроизводства как беспристрастность и независимость. При этом ФАС Центрального округа в данном Постановлении применил именно оговорку о публичном порядке, подчеркнув, что под публичным порядком понимаются основы правопорядка Российской Федерации, которые прежде всего включают в себя основополагающие принципы российского права, такие как принцип независимости и беспристрастности суда, принцип законности решения. Сходным является также и постановление Федерального Арбитражного суда Московского округа от 17 мая 2012 года по Делу N А41–21119/2011, суть которого сводилось к тому, что одна из сторон напрямую влияла на исход разбирательства, так как являлась одной из организаций, финансировавших соответствующий третейский суд, при этом исковое заявление от её имени было подписано судьей соответствующего третейского суда, что напрямую нарушает принцип «никто не может быть судьей в своем собственном деле», что нарушает принципы независимости и беспристрастности суда, а, следовательно,

и принцип законности решения. Отчетливо видно, что в вышеуказанных примерах принципам независимости и беспристрастности суда, а также законности решения придается абсолютное значение, так как именно они обеспечивают справедливое судебное разбирательство и гарантируют судебную защиту, что является одной из основ не только функционирования гражданского оборота, но и жизни общества. Необходимо отметить, что специфика заключается в том, что несоблюдение данных конституционных принципов влечет недействительность и отмену, независимо от содержательной части самого решения, при этом данные принципы распространяются и при признании решений как третейских судов, так и иностранных судов, то есть независимо от того, обязательно ли выполнение данных принципов в иностранном государстве или от какого-либо дополнительного порядка, в нем установленного, в Российской Федерации им придается основополагающее значение независимо ни от каких-либо иных аспектов. Вследствие чего, такие конституционные принципы как принцип независимости и беспристрастности суда и законности решения составляют фундамент публичного порядка.

Другим значимым примером является постановление Федерального Арбитражного суда Северо-Западного округа от 06 марта 2012 года Дело N А56–49603/2011. Фабула дела состояла в том, что компания «Эймскип Холдингз Лтд» в соответствии с соглашением от 20.10.2006 обязалась предоставить ООО «Рыбпроминвест» срочный кредит на сумму 44000000 долларов США с целью финансирования приобретения долей в компаниях ООО «МРП», ООО «ПТ» и обществе с ограниченной ответственностью «Ромисс». При этом, в подпункте 18.3.1 Соглашения предусмотрено, что заемщик при условии соблюдения всех законов и предписаний, действие которых может на него распространяться, не может заключать (и обеспечивает, чтобы его дочерние компании также не предпринимали таких действий) одну или несколько сделок (будь то связанные или несвязанные сделки, и будь то добровольно или недобровольно) по продаже, аренде, передаче или иному распоряжению какими-либо из своих активов без предварительного письменного согласия займодателя. После чего ООО «Рыбпроминвест» и дочерняя компания ООО «ПТ» произвели отчуждение принадлежавших им на праве собственности 58,5 % и 23,46 % долей в уставном капитале ООО «МРП» в пользу ООО «Конмарк», что прямо нарушило условия соглашения, после чего иск был удовлетворен решением Окружного суда г. Лимассола, вследствие чего было подано заявление об исполнении данного решения в Арбитражный суд города Санкт-Петербурга и Ленинградской области, который отказал в исполнении решения. ФАС Северо-Западного округа кассационную жалобу так же оставил без удовлетворения, сославшись в своем решении на противоречие публичному порядку, под которым, как указал суд, понимаются основы морали, главные религиозные постулаты, главные экономические и культурные традиции, сформировавшиеся в обществе.

ровавшие российское гражданское общество, и основополагающие принципы российского права. При этом отметив, что к основополагающим принципам российского права, в частности, относятся принципы, нашедшие свое отражение в Конституции Российской Федерации, а также основные начала гражданского права. В данном же случае соглашение предусматривало абсолютный контроль не только за ООО «РыбпромИнвест», но и его дочерних компаний, которые не могли свободно распоряжаться своим имуществом без согласия займодавца, что повлекло нарушение таких принципов как принцип равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав. Суд подчеркнул, что вышеуказанные принципы по своей сути являются конституционными и не могут быть нарушены независимо от каких-либо соглашений. Специфика в данном случае заключается в том, что диспозитивность, присущая гражданскому законодательству, в данном случае берется в строгие рамки и практически исключается, то есть устанавливается, что основные принципы гражданского законодательства составляют публичный порядок государства, так как лежат в основе регулирования гражданского оборота, составляющего ядро жизни общества и государства, вследствие чего признание соглашений, которые нарушают вышеуказанные принципы, может повлечь коренное нарушение всего гражданского оборота, что недопустимо. В этой связи также необходимо уделить внимание постановлению Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 31 марта 2006 года по Делу N А75–3725-Г/04–860/2005, где оспаривалось соглашение, в котором стороны подчинили вопросы толкования и применения российского законодательства в отношении юридического лица Российской Федерации законодательству Швеции, то есть изменили статус юридического лица в соответствии с правом Швеции. Суд, вынося отказ в удовлетворении, сослался на противоречие публичному порядку, аргументируя свое решение тем, что в силу императивных норм прямого действия российское законодательство является правовым порядком, имеющим наиболее тесную связь с предметом спора, то применимым правом к вопросам действительности Соглашения акционеров является исключительно право Российской Федерации, а поскольку регулирование вопросов правового статуса субъектов российского права является суверенным правом Российского государства, то к этим правоотношениям не могут применяться нормы иностранного права, в том числе нормы Шведского права. Данное Постановление вновь подтверждает, что ряд положений российского права (в данном случае о статусе юридических лиц) является наиболее важным, так как создает фундамент функционирования гражданского оборота, вследствие чего отступление от него может привести к крайне негативным последствиям, но при этом всё же важно отметить, что судом была исследована степень важности и

степень связанности данных правоотношений с российским правовым порядком, после чего только был сделан вывод о неприменении Шведского права.

Рассматривая проблему неопределенности содержания и приделов «публичного порядка» нельзя не затронуть Определение Арбитражного суда г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 20 февраля 2009 года по Делу N А56–60007/2008. Одной из сторон данного дела являлось ОАО «Балтийский завод», которое являлось должником и обязано было выплатить сумму в 20000000 Евро. Наиболее важным в данном случае является то, что суд отказал в исполнении решения третейского суда, аргументировав тем, что приведение в исполнение решения парализует на длительный период работу предприятия и может стать причиной банкротства предприятия, чем будет нанесен ущерб не только конкретному предприятию, но и государству в целом и будут затронуты интересы граждан, ссылаясь при этом именно на противоречие публичному порядку. Данное решение ценно в том, что в качестве одного из элементов публичного порядка были признаны интересы государства, имеющие особо важное стратегическое значение для его обороны. Отметим, что интересы государства были рассмотрены с точки зрения угрозы безопасности и суверенитета, что значительно ограничивает данную категорию. В то же время данное решение снова сводится к Конституции, так как оборона и безопасность государства обозначены в ней как наиболее значимые аспекты.

В завершение исследования необходимо обратиться к Постановлению Федерального Арбитражного суда Северо-Западного округа от 28 декабря 2009 года по Делу N А21–802/2009, где суд признал выплату штрафной неустойки (8% годовых), чуждой российскому правовому порядку и прямо противоречащей гражданско-правовому принципу восстановления прав кредитора, не противоречащей российскому публичному порядку, так как её выплата не может породить результат, недопустимый с точки зрения российского правосознания, обратив внимание при этом на то, что неисполнение решения Арбитража в этом случае и будет означать отрицание возможности применения в Российской Федерации права иностранного государства, и, следовательно, противоречить публичному порядку. Видно, что в данном случае снова проявляются интересы государства, но теперь уже через принцип взаимной вежливости, направленный на установление дружественных связей с иностранными государствами, что является ядром внешней политики нашего государства. спецификой является то, что происходит отступление от принципа соразмерности в пользу принципа взаимной вежливости, т. е. принцип соразмерности трактуется уже с позиции значительности суммы, на которую обогатиться должник, что впоследствии было признано правильным и законным при решении аналогичных дел Президиумом Высшего Арбитражного суда в Информационном письме от 26.02.2013 № 156. Данный пример иллюстрирует то, что при решении о применении оговорки о публичном по-

рядке, суд должен расценивать не только важность каждого элемента публичного порядка в общем смысле, но и его ценность в конкретном деле на фоне всех обстоятельств.

На основе вышесказанного можно сделать ряд заключений.

1. Спецификой российского публичного порядка является то, что хотя все его элементы являются фундаментальными для существования российского общества и государства, но всё же разнятся по своей «силе» и, следовательно, применению. Так ряд принципов, как например принципы независимости и беспристрастности суда и законности судебного решения не допускает даже отклонения от них, признавая недействительность того или иного решения лишь основываясь на самом факте их несоблюдения, что подчеркивает их особую важность в функционировании государства и общества. Другие же, например, основные принципы гражданского законодательства, и, в частности, регулирование статуса юридического лица также имеют особую важность еще и в силу того, что по своей природе более тесно связаны с российским правом и образуют его устои, обеспечивают фундамент функционирования гражданского оборота, но при этом судом всё же исследуется сама ценность таких институтов как составляющая российского права, тесная связь с регулируемыми отношениями, то есть в данном случае теоретически допускается некое отклонение, но не противоречие. Третьи, как например, принцип соразмерности требуют оценки судом оценки всех имеющихся в деле фактов на предмет оценки возможных последствий, их степени не только для ответчика, но и, самое главное, всего российского правопорядка, что обуславливает не абсолютность таких принципов, а лишь установление определенного барьера, переход через который влечет противоречие публичному порядку. Наконец, следует отметить, что в ряде случаев, как в ситуации с ОАО «Балтийский завод», необходима оценка всей ситуации и последствий её решения с точки зрения интересов государства, его политики. Необходимо добавить, что всё вышесказанное лежит в пределах конституционных принципов и не выходит за пределы их регулирования, ведь даже интересы государства должны быть оценены не в общем или расширительном смысле, а с точки зрения Конституции, куда входят суверенитет, безопасность государства и т. д. Именно в таком ключе и трактуется содержание публичного порядка, охраняя лишь самые необходимые, жизненно важные для государства и общества устои.

2. Отечественный публичный порядок, в отличие от зарубежных государств, основывается в первую очередь на конституционных принципах и их отражениях в отраслях права. При этом, хотя в решениях судов в понятие публичного порядка упоминаются основы морали, главные религиозные постулаты, главные экономические и культурные традиции, сформировавшие российское гражданское общество, но практика соответствующих

примеров пока не имеет, что кажется правильным, так как такое расширение публичного порядка могло бы привести к существенному увеличению толкования судьей и без того абстрактных понятий, следствием чего, мог бы явиться судебский произвол. Необходимо отметить, что такое включение вышеперечисленных элементов вполне допустимо в будущем, когда российское правосознание и общество поднимется на соответствующий уровень правовой культуры, не допускающий произвола и злоупотребления правом.

3. Специфика применения оговорки о публичном порядке заключается в том, что изначально судья оценивает важность того элемента публичного порядка, который нарушается или не соблюдается в конкретном деле. Затем, судья решает, достаточно ли самого факта данного нарушения для применения оговорки. И в том случае, когда самого факта нарушения или несоблюдения недостаточно, судья оценивает степень последствий такого нарушения, их влияние на российское право и правосознание. При этом особо важным является то, что все вышеуказанные действия судья совершает, руководствуясь конституционными принципами.

Подводя итог, необходимо отметить, что одним из принципиальных отличий российского публичного порядка от зарубежных является ограничение его содержания конституционными принципами и выделения среди них определенной иерархии по критерию важности и «силы».

Выводы для практики

В настоящей работе было проведено исследование случаев применения оговорки о публичном порядке и произведена попытка определения специфических черт «публичного порядка».

Обобщая сказанное в исследовании, хотелось бы добавить, что содержание отечественного «публичного порядка» в настоящий момент ограничивается конституционными принципами, что значительно суживает пределы толкования норм судьей при решении дела *ad hoc* и тем самым позволяет создать сбалансированный механизм при решении соответствующих дел, в котором сочетается описательный подход, ограничивающий судью, и само участие судьи при оценке конкретных фактов, оценивающего те или иные обстоятельства и важность при решении конкретного дела. Нельзя не заметить, что наметились тенденции к расширению содержания «публичного порядка» с помощью включения в него основ морали, главных религиозных постулатов, главных экономических и культурных традиций, сформировавшие российское гражданское общество, что на данный момент в силу уровня правовой культуры общества и уровня правосознания граждан, не вполне обоснованно и может привести к негативным последствиям. Наиболее важным, думается, является то, что при решении дела судья каждый раз должен оценивать через призму конституционных принципов как наличие самого противоречия, так и иных фактов, когда одно наличия

факта противоречия недостаточно, влияющих в определенных случаях на степень последствий такого противоречия на государстве и обществе в целом. Именно такой путь и будет являться наиболее правильным применением оговорки о «публичном порядке», ведь оговорка — это концепт, который должен иметь узкую, ограниченную ин-

терпретацию и применяться в исключительных случаях [6, с. 70].

Хотелось бы добавить, что установление пределов содержания «публичного порядка» на законодательном уровне значительно бы облегчило судебное производство и свело судебский произвол к минимуму.

Литература:

1. Ю. Г. Богатина. Оговорка о публичном порядке в международном частном праве: теоретические проблемы и современная практика. — М.: 2010.
2. М. И. Брун. Публичный порядок в международном частном праве. Пг., 1916.
3. И. Д. Шутак Правовые оговорки: практика применения. — СПб.: 1999.
4. И. Д. Шутак Правовые оговорки в доктрине международного права. — СПб.: 1999.
5. Приезжая, Н. В Оговорка о публичном порядке: применение в международном коммерческом арбитраже // Московский журнал международного права. 2000. № 4.
6. Павлова, Н. В. Оговорка о публичном порядке как судебный эксклюзив и предел вежливости конкретной нации. Комментарий к Обзору практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке // Вестник ВАС РФ. 2013. № 7.

Понятие имущества по российскому законодательству

Шаихов Тимур Ильмарович, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

В рамках настоящей статьи мы поговорим о центральном понятии в науке гражданского и предпринимательского права — понятии имущества. Понятия — это, как известно то, с чего начинается наука. Понятия важны для науки и, соответственно для науки гражданского и предпринимательского права в частности. Еще Рене Декарт говорил: «Точно определяйте значение слов и вы избавите мир от заблуждений» [13, с. 99] или в схожей трактовке «Люди избавились бы от половины неприятностей если бы сумели договориться о понятиях» [13, с. 99].

Действующее законодательство не дает окончательного варианта дефиниции «имущество», однако, коль скоро это понятие используется широко как в самом законодательстве, так и в судебной практике и доктрине, это не лишает нас возможности подойти системно к вопросу определения данного понятия. Наиболее широко интерпретации данного термина можно встретить в цивилистической науке.

Итак, при системном анализе норм ГК РФ, можно прийти к одному нехитрому выводу, что понятие имущества включает в себя вещи, в том числе деньги и ценные бумаги, имущественные права, обязанности имущественного характера, такого же мнения придерживаются и иные авторы [4, с. 239].

Отнесение имущественных прав к категории имущества неоднозначно оценивается различными учеными. Так, Е. А. Суханов считает нецелесообразным распространение цивилистического правового режима собственности на

права требования [3, с. 181]. В отличие от Е. А. Суханова, М. И. Брагинский, являясь сторонником неоклассической модели собственности, предлагает распространять цивилистический правовой режим собственности и на права требования [1, с. 233—235].

Исходя из сложившейся практики Европейского Суда по правам человека, можно сделать вывод, что в собственности лица может находиться любое имущество, как выраженное в материальной форме (вещи), так и представляющее собой права на вещи и обязательственные права требования с распространением на них проприетарного режима. Собственность лица способна формироваться и за счет нереализованных требований, если в достаточной мере установлено, что оно может быть юридически реализовано. Соответствующая позиция Европейского Суда была отображена в его Постановлении от 7 мая 2002 г. по делу российского гражданина А. Бурдова [10].

Следовательно, придется признать возможным использование традиционных способов защиты права собственности и других вещных прав для защиты и восстановления прав, носящих обязательственный характер, что с точки зрения цивилистической догмы и юридической техники вряд ли возможно.

Обратимся нормативно-правовым актам публичного характера. Федеральный закон «Об исполнительном производстве» [19], содержит собственное понимание имущества должника и, в зависимости от вида, характеризует его:

«В случае отсутствия у должника-организации денежных средств, достаточных для удовлетворения требований, содержащихся в исполнительном документе, взыскание обращается на иное имущество, принадлежащее указанной организации на праве собственности, праве хозяйственного ведения или праве оперативного управления (за исключением имущества, на которое в соответствии с законодательством Российской Федерации не может быть обращено взыскание), независимо от того, где и в чем фактическом пользовании оно находится, в следующей очередности:

1) в первую очередь — на движимое имущество, непосредственно не участвующее в производстве товаров, выполнении работ или оказании услуг, в том числе на ценные бумаги (за исключением ценных бумаг, составляющих инвестиционные резервы инвестиционного фонда), предметы дизайна офисов, готовую продукцию (товары), драгоценные металлы и драгоценные камни, изделия из них, а также лом таких изделий;

2) во вторую очередь — на имущественные права, непосредственно не используемые в производстве товаров, выполнении работ или оказании услуг;

3) в третью очередь — на недвижимое имущество, непосредственно не участвующее в производстве товаров, выполнении работ или оказании услуг;

4) в четвертую очередь — на непосредственно используемые в производстве товаров, выполнении работ или оказании услуг имущественные права и на участвующее в производстве товаров имущество: объекты недвижимого имущества производственного назначения, сырье и материалы, станки, оборудование и другие основные средства, в том числе ценные бумаги, составляющие инвестиционные резервы инвестиционного фонда».

Данные положения применяются также при обращении взыскания на имущество должника-гражданина, зарегистрированного в установленном порядке в качестве индивидуального предпринимателя, в случае исполнения требований, содержащихся в исполнительном документе, выданном судом, другим органом или должностным лицом в связи с предпринимательской деятельностью указанного гражданина.

С другой стороны, налоговое законодательство, также определяет и классифицирует имущество, уже в собственных целях:

«Взыскание налога за счет имущества налогоплательщика (налогового агента) — организации или индивидуального предпринимателя производится последовательно в отношении:

1) наличных денежных средств и денежных средств в банках, на которые не было обращено взыскание;

2) имущества, не участвующего непосредственно в производстве продукции (товаров), в частности ценных бумаг, валютных ценностей, непроизводственных помещений, легкового автотранспорта, предметов дизайна служебных помещений;

3) готовой продукции (товаров), а также иных материальных ценностей, не участвующих и (или) не предназначенных для непосредственного участия в производстве;

4) сырья и материалов, предназначенных для непосредственного участия в производстве, а также станков, оборудования, зданий, сооружений и других основных средств;

5) имущества, переданного по договору во владение, в пользование или распоряжение другим лицам без перехода к ним права собственности на это имущество, если для обеспечения исполнения обязанности по уплате налога такие договоры расторгнуты или признаны недействительными в установленном порядке;

6) другого имущества, за исключением предназначенного для повседневного личного пользования индивидуальным предпринимателем или членами его семьи, определяемого в соответствии с законодательством Российской Федерации» [9].

Если гражданское законодательство включает имущественные права в состав имущества субъекта гражданско-правовых отношений в качестве объекта гражданских прав, то налоговое законодательство в ч. 2 ст. 38 НК, напротив, определяя понятие «имущество для целей налогообложения» и принимая гражданско-правовую классификацию видов объектов гражданских прав, исключает из их числа имущественные права.

Обращает на себя внимание и проявившееся неполное соответствие понятия «имущество» в его конституционно — правовом смысле с гражданско-правовым содержанием указанного понятия, в рамках которого в состав имущества субъекта включаются вещи, а не права на вещи. В то же время понятие «имущество», используемое в законодательстве о налогах и сборах, вступает в определенный конфликт как с гражданско-правовым, так и конституционно-правовым содержанием указанного понятия, поскольку вопреки существующей на сегодняшний день цивилистической систематике исключает из его содержания даже имущественные права.

Итак, мы имеем как минимум 3 подхода к содержанию понятия «имущество», сообразно каждому из которых, в данное понятие может включаться:

- вещи и материальные ценности;
- имущественные права;
- обязанности имущественного характера.

Интересно, что и доктрине и в нормативно-правовых актах под понятием «имущества» в каждом конкретном случае подразумевается не все его виды. Например, некоторые его трактовки, не подразумевают под собой включение в его состав имущественных обязательств, а некоторые, наоборот, отталкиваются от этого. Например, в составе предприятия, как едином объекте права и едином имущественном комплексе, наряду с дебиторской задолженностью предприятия, представленной правами требования, по передаточному акту передается и кредиторская задолженность, представленная имущественными

обязательствами. Об этом же пишет А.Н. Лысенко: «На сегодняшний день, чаще всего категория «имущество» трактуется в усеченном виде, исключая из своего состава «пассив»». При этом понятие «имущество» отождествляется с термином «активы» [8, с. 57]. Такое понимание даже закреплено в правовых нормах, например в законодательстве о банкротстве, об инвестиционных фондах [17], о приватизации [18] и так далее.

По мнению Г.Ф. Шершеневича, «с юридической точки зрения под имуществом нужно понимать совокупность имущественных, а именно подлежащих денежной оценке юридических отношений, в которых находится лицо, а чисто личные отношения в него входить не должны. Следовательно, содержание имущества, с юридической точки зрения, с одной стороны выражается в совокупности вещей, принадлежащих лицу на праве собственности и в силу иных вещных прав и в совокупности прав на чужие действия (это и есть именно то имущество, которое понимается нашим законом под именем долгового и наличного...), а с другой стороны в совокупности вещей, принадлежащих другим лицам, но временно находящимся в его обладании и совокупности обязательств, лежащих на нем. Сумма отношений первой группы составляет актив имущества, а сумма отношений второй группы — пассив имущества» [20, с. 92].

Интересный подход к категории «имущество», можно встретить у некоторых иных авторов. Например В.А. Лапач полагал, что «имущество есть продукт природы или продукт деятельности, в том числе интеллектуальной, которые имеют стоимостную оценку и становятся товаром, а также имущественные права и обязанности, возникающие по поводу их» [7, с. 282].

В то же время, В.И. Серебровский, в отношении наследственного права, считал, что «имущество — это совокупность реальных ценностей, принадлежащих одному лицу» [15, с. 55]. Понятие «реальные ценности» и ограничение понятие «имущество» такой трактовкой, сегодня

уже не соответствует современному законодательству, в том числе наследственному.

Таким образом, по российскому законодательству, понятие имущества носит скорее не сколько содержательный, сколько функциональный характер. Так, каждая отрасль специализированного законодательства, будь то налоговое, гражданское, банкротное, процессуальное или какие-либо другие отрасли, в целях и контексте использования данной категории в рамках собственного предмета, наполняет его собственным содержанием и сообразно этому классифицирует его. Соответствует данной позиции мнение В.С. Белых, согласно которому, «имущество» — это собирательное понятие, а потому, сложно дать его нормативное определение, посредством определения его признаком. Наиболее оптимальным способом его нормативного закрепления, может служить простое перечисление его видов. С этой точки зрения ст. 128 ГК РФ [2], вполне удовлетворяет этим потребностям [12, с. 261].

Между тем, данная категория используется в предпринимательской деятельности, формами существования данного имущества является капиталы, резервы, фонды, что налагает на данное имущество дополнительные требования публичного законодательства, выступая тем самым объектом пересечения частных и публичных интересов, что, безусловно, накладывает отпечаток на специфику правового режима данных видов имущества.

Кроме того, имущество, используемое в предпринимательской деятельности, фигурирует в законодательстве наряду с такими понятиями как «активы хозяйствующего субъекта», «предприятие как единый имущественный комплекс», «вещь», «товар», порождая целый ряд проблемных вопросов, связанных с их соотношением. Все это сказывается на специфике его гражданского оборота, то есть гражданско-правового режима, хотя в тоже время, имеет и публично-правовые элементы правового режима. Это открывает простор для перспективы дальнейшей разработки данной тематики.

Литература:

1. Брагинский, М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. М.: Статут, 2011. 461 с.
2. Гражданский Кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51 — ФЗ (с посл. изм. и доп. от 28 марта 2017 г. № 87 — ФЗ) // Собрание законодательства РФ 1994. № 32, ст. 3301
3. Гражданское право: В 4 т. Том I. Учебник / Отв. ред. проф. Е.А. Суханов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство БЕК, 1998. 720 с.
4. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник: в 2 т. / под. ред. В.Ф. Попондопуло. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016. 608 с.
5. Курбатов, А. Соотношение понятий «имущество» и «активы» в российском праве // Хозяйство и право. 2005. № 4. с. 117–120.
6. Лапач, Л. Понятие «имущество» в российском праве и Конвенции защите прав человека и основных свобод // Российская юстиция. 2003. № 1. с. 18–20.
7. Лапач, В.А. Система объектов гражданских прав: теория и судебная практика. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002. 544 с.
8. Лысенко, А.Н. Имущество в гражданском праве России. М.: Деловой двор, 2010. 200 с.

9. Налоговый кодекс РФ (часть вторая) от 5 августа 2000 г. № 117-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 7 марта 2017 N 25-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 2000. № 32, ст. 3340.
10. Постановление Европейского Суда по правам человека от 7 мая 2002 г. по жалобе № 59498/00 // Официальный сайт Европейского Суда по правам человека [Электронный ресурс]. URL: <http://www.echr.gu> (дата обращения: 04.04.2017).
11. Правовые основы бухгалтерского учета: учебник / Е. И. Арефкина, Л. Л. Аргуманова, О. В. Болтинова и др.; отв. ред. Е. Ю. Грачева, Е. И. Арефкина. Москва: Проспект, 2013. 312 с.
12. Предпринимательское право России: учеб. / В. С. Белых; Г. Э. Берсункаев; С. И. Виниченко [и др.]; отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2009. 656 с.
13. Рене Декарт. Рассуждения о методе для верного направления разума и отыскания истины в науках. М.: Эксмо, 2016. 168 с.
14. Российское предпринимательское право: учебник / Л. В. Андреева; Т. А. Андропова; Н. Г. Апрезова [и др.]; отв. ред. И. В. Ершова; Г. Д. Отнюкова. 4-е изд. Москва: Проспект, 2014. 808 с.
15. Серебровский, В. И. Избранные труды по наследственному и страховому праву. 2-е изд. испр. М.: Статут, 2003. 560 с.
16. Федеральный закон от 6 декабря 2011 г. № 402-ФЗ «О бухгалтерском учете» (с посл. изм. и доп. о 26 мая 2016 г. № 149-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 2011. № 50, ст. 7344.
17. Федеральный закон от 29 ноября 2001 № 156-ФЗ «Об инвестиционных фондах» (с посл. изм. и доп. от 3 июля 2016 № 361-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 2001. № 49, ст. 4562.
18. Федеральный закон от 21 декабря 2001 г. № 178-ФЗ «О приватизации государственного и муниципального имущества»
19. (с посл. изм. и доп. от 23.06.2016 № 221-ФЗ) // Собрание законодательства РФ, 2002. № 4, ст. 251.
20. Федеральный закон от 02 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (с изм. и доп. от 28 декабря 2016 г. № 492-ФЗ) СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.
21. Шершеневич, Г. Ф. Учебник торгового права (по изд. 1914 г.). М.: Спарк, 1994. 335 с.

Имущество, используемое в предпринимательской деятельности: методологическая парадигма науки предпринимательского права

Шаихов Тимур Ильмарович, магистрант
Башкирский государственный университет (г. Уфа)

Контекст рассмотрения вопроса об имуществе, используемом в предпринимательской деятельности, предполагает наличие собственной методологической парадигмы науки предпринимательского права. Мы, в данном случае, не претендуем на безусловность и однозначность размышлений на эту тему, поскольку до нас в науке предпринимательского права об это никто не высказывался, и у нас нет оппонентов в области данной тематики.

Данный вопрос носит фундаментальный характер не только в контексте конкретного исследования, но и в целом для всех исследований в области предпринимательского права, поскольку этот вопрос касается философских оснований науки и касается вопроса методологической специфики предпринимательского права как отрасли юридической науки. Ведь общепринятым считается мнение, согласно которому наука, имеющая собственный предмет и специфику собственной методологии, имеет полное право претендовать на самостоятельность. Все это сказывается на ее познавательной методике и познавательном

потенциале, поскольку адекватно подобранная методология, всегда влияет на пределы познания.

Для внесения ясности и полноты картины, обозначим, что объект в науке есть факт объективной реальности. Данный объект может исследоваться с различных позиций различными науками. Соответственно, в упрощенном виде, каждая наука со своей позиции исследует объект, и видит свое собственную модель этого объекта. Такое «видение» и будет именоваться предметом науки. Если быть точнее, то под «видением» понимается теоретическая конструкция объекта, наполненная понятиями, законами и так далее.

Между тем, юридический метод обладает собственной спецификой, что можно уместить в нескольких простых тезисах:

- 1) он предназначен для получения нового знания и систематизации имеющегося знания;
- 2) это метод понятийно-правового познания, то есть понятие выступает в качестве метода;

3) если в юридической науке право и государство — это объект, то «предмет — это понятие права и, соответствующее ему правовое понятие государства. Из этого следует, что предмет — тоже понятие» [2, с. 64].

Таким образом, в специфика предмета юридической науки заключается в единстве предмета и метода. По В.С. Нерсисянцу, «единство предмета и метода юридической науки, обобщенно говоря, состоит в следующем: специфическое понятийно-юридическое знание (т. е. юрико-теоретическое, понятийно-правовое значение о праве и государстве) — это одновременно и предмет научного познания (тип, форма, результат, юридического метода познания данных объектов)» [2, с. 64].

Вообще понятие — это важнейшая эпистемологическая единица юридической науки, именно понятие создает основу для познавательного индуцирования и дедуцирования. Юриспруденция как наука зародилась с понятий. Римские юристы обобщая разрозненный эмпирический материал путем индукции выводили общие сущностные черты множества юридических явлений создавая правовые абстракции — юридические понятия и конструкции, для того, чтобы потом, на практике, можно было бы из данных абстрактных суждений и дедуцировать верное решение по конкретному делу. Так и зародилась юриспруденция — наука о праве и государстве. То есть вот он, «мост» или «путь», ведущий от объекта к предмету, «от первичных (чувственных, эмпирических) знаний до теоретического, научно-юридического (понятийно-правового) знания об этих объектах. Эта направленность юридического познания на понятие права выражает существо и отличительную особенность юридического метода» [2, с. 64].

Итак, когда мы говорим о том, что исследование должно находиться в рамках науки предпринимательского права, то мы не должны допустить подмены предмета исследования. Речь идет о тех случаях, когда исследование проводится в методологических рамках и контексте предпринимательского права, но, в то же самое время, исследователь смотрит на проблематику с чисто цивилистических позиций, то есть с позиций гражданского оборота и отталкиваясь от его потребностей. Использует цивилистические понятия, классификации, и так далее.

Между тем, мы считаем, что исследование с позиций предпринимательского права, должны отталкиваться от собственных методологических оснований и, в конечном, итоге быть направленными на поиск, обозначение и обоснование собственной специфики правового регулирования. При достижении данных целей, цивилистическая методология может и должна быть использована лишь постольку, поскольку это необходимо для достижения цели такого исследования, однако ключевой должна оставаться методологическая парадигма предпринимательского права.

Так, методологически важным является определение предпринимательской деятельности, от которого должно отталкиваться исследование. Оно, как и любое исходное понятие в юриспруденции, предопределяет как предмет

исследования, так и его метод. Иными словами, это понятие и будет методом, то есть тем самым «путем», от объекта науки (предпринимательских отношений) к предмету науки (правовому определению предпринимательского права через его сущностные признаки).

Возвращаясь обратно, к теме нашей работы, мы исходим из того, что понятие имущество многогранно и многоаспектно. Наша задача заключается в том, чтобы, оставаясь в методологических рамках науки предпринимательского права, остаться в рамках ее предмета. Мы должны взглянуть на имущество не с цивилистической точки зрения, а с точки зрения науки предпринимательского права. Иными словами, там, где цивилист видит состав и имущества через такие категории, как вещи, ценные бумаги, имущественные права, обязательства и так далее, в наш предмет должны входить иные понятия, например такие как: активы (оборотные, внеоборотные, нематериальные), капиталы, фонды, резервы, кредиторская задолженность и так далее. То есть такой подход к понятию имущества, даст нам совершенно иной результат исследования, то есть ту специфику, которую мы и ищем.

Такой же позиции придерживается В.С. Белых: «Состав имущества субъектов предпринимательской деятельности представляет собой совокупность основных и оборотных средств, нематериальных активов, а также капиталов, фондов и резервов. Наука предпринимательского права, в отличие от теории гражданского права, употребляет специальные понятия, такие как фонд, средство, резерв. Было бы некорректно говорить об имущественной основе коммерческой организации как совокупности вещей. Равным образом предусматривать в уставе юридического лица правило о том, что вещами акционерного общества являются основные фонды, оборотные средства, ценные бумаги (акции) и т. п. Слово вещь носит цивилистическую окраску и не вписывается в правовое регулирование общественных отношений в сфере предпринимательства» [3, с. 260].

Таким образом, методологической перспективой, безусловно, обладает подход к исследованию данных категорий в «предпринимательском» контексте. Так, перечисленные объекты, напрямую, не являются объектами гражданского права. Соответственно данные объекты не названы в ст. 128 ГК РФ в качестве таковых, что делает их в некотором смысле «невидимыми» в рамках традиционной методологической установки цивилистики, так изучению данных видов имущества до недавнего времени практически не уделялось существенного внимания.

Между тем, мы, стараемся не затрагивать проблему самостоятельности предпринимательского права как отрасли права и как науки, не можем отрицать явления дуализма частного права. Так, в процессе подготовки настоящего материала, нами было обнаружено, что потребности доктринального осмысления традиционных институтов предпринимательского права удовлетворяются, в том числе, собственной методологической парадигмой восприятия действительности, собственной точкой зора на

то или иное явление объективной реальности. Например, не создает ли это предпосылки для рожденья утверждения о предпринимательском праве как науке, имеющей собственную методологию и его обоснованию? Этот вопрос создает почву для философского осмысления и обоснования сущности и места предпринимательского права в системе иных юридических наук.

Для целей полной разработки вопроса, касающегося имущества, используемого в предпринимательской деятельности, считаем необходимым поднять проблему понятия «правовой режим» в теории права. Ответ на данный вопрос, задаст тон нашему исследованию, поскольку, как мы уже поняли, предмет нашего исследования — это понятия. Это то, при помощи чего мы пытаемся познать объект (кусочек объективной реальности).

Как правильно подмечается в доктрине, «осуществляя предпринимательскую деятельность, направленную на получение прибыли от пользования имуществом, предприниматель ограничен рамками, очерченными нормами действующего законодательства, которое содержит массу правовых средств, означающих в комплексном их сочетании, нормативно-правовой режим предпринимательства, распространяющий свое влияние на отношения, объектом которых выступает имущество предпринимателя либо отдельные его элементы. Указанный режим, характеризует, прежде всего, юридически обеспеченные возможности использования имущества в сфере его гражданского оборота и, в частности, коммерческого оборота» [1, с. 216].

Это, кстати говоря, открывает перед нами как минимум два методологических аспекта, применимых не только для настоящей работы, но и в рамках науки предпринимательского права в целом. Во-первых, анализ правового режима того или иного объекта, его научное осмысление,

всегда открывает простор для рассуждений в контексте соотношения частных и публичных начал предпринимательского права. Это, в свою очередь, задает свою методологическую основу, так как рассуждения на тему соотношения частных и публичных начал в правовом регулировании, это всегда новая позиция наблюдателя (исследователя), а значит новый взгляд на вещи. А чем больше таких позиций (точек зрения, парадигм мышления), тем более объективно наше исследование. А объективность — это то, что отличает научное знание, от ненаучного.

Во-вторых, при анализе понятия «правовой режим» нам, возможно, придется говорить о том, что разумнее использовать деятельностный подход, то есть говорить, не сколько о режиме имущества (как об объекте гражданских прав), сколько о регулировании деятельности по поводу использования такого имущества. Можно догадаться, почему так происходит. Ответ заключается в том, что так называемый деятельностный подход будет эффективен потому, что он изначально детерминирован исходным понятием-правовым методом, о котором мы уже говорили, то есть исходным понятием науки предпринимательского права — «предпринимательской деятельности».

Таким образом, в данной статье, мы продемонстрировали, как минимум три специфических метода науки предпринимательского права, вполне практически применимых к исследованию конкретной темы. Данные методологические аспекты, помогут выявить специфику юридических вопросов, касающихся имущества, используемого в предпринимательской деятельности, и могут быть полезны в исследовании других институтов предпринимательского права. Это позволяет без подмены предмета исследования получить конкретный оригинальный результат, демонстрирующий специфику правового регулирования предпринимательской деятельности.

Литература:

1. Коммерческое (предпринимательское) право: учебник: в 2 т. / под. ред. В. Ф. Попондопуло. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2016. 608 с.
2. Нерсесянц, В. С. Юриспруденция. Введение в курс общей теории права и государства. Для юридических вузов и факультетов. М.: Издательская группа Норма-Инфра М, 1999. 288 с.
3. Предпринимательское право России: учеб. / В. С. Белых; Г. Э. Берсункаев; С. И. Виниченко [и др.]; отв. ред. В. С. Белых. М.: Проспект, 2009. 656 с.

Место и значение подозрения в уголовном процессе

Шелягина Ольга Андреевна, студент
Тюменский Государственный Университет

Общепризнанно, то что один из терминов, определяющих положение неопределённости согласно взаимоотношению, к кому-либо, а также предположения о чём-либо, считается «подозрение», которое применя-

ется как в обществе, так и в сфере права. В русском языке имеется ряд трактовок слова «подозрение». К примеру, в толковом словаре С. И. Ожегова под подозрением понимается предположение, основанное на сомнении в пра-

вильности, законности чьих-нибудь поступков, в правдивости чьих-нибудь слов. Задержан по подозрению в краже. Быть под подозрением или на подозрении у кого-нибудь (вызвать к себе подозрение, подозрительное отношение). А также подозрение — это предположение о возможности чего-нибудь (Например, подозрение на скарлатину). [3, с. 393] На законодательном уровне термин «подозрение» впервые стал употребляться во времена правления Петра I. Так институт подозрения получил отражение в «Кратком изображении процессов и судебных тяжб» 1715 года, где и был впервые применен термин «подозрение», «подозрительная особа», «лицо, находящееся под подозрением», специальная глава была посвящена «расспросу с пристрастием» в которой говорилось что обоснованное подозрение судьи о совершении лицом преступления считалось условием применения пытки при допросе.

Кроме того, в «Кратком изображении процессов и судебных тяжб» установлено, что судьи не могут никого пытаться без достаточного подозрения. Подобная процедура в то время была и в Германии, для того чтобы пытать человека необходимо было удостовериться в уликах. В случае если несколько лиц подозревалось в совершении одного преступления, то пытке подвергалось лицо, которое было в несколько большем подозрении, чем остальные участники преступления. Это значит, что уже на начальной стадии развития подозрения наблюдается вероятность реализации последующих действий в зависимости от подтверждения предполагаемой причастности лица какими-либо уличающими его фактами. С начального этапа в уголовном процессе подозрение выполняло роль возможного вывода органа уголовного судопроизводства о причастности лица к совершению преступления. [7, с. 9].

До судебно-правовой реформы 1864 года подозрение считалось единственной формой уголовного преследования лица в совершении преступления, оно выдвигалось не только на первоначальных стадиях производства предварительного расследования, но также и судом.

По Своду законов действовало три вида приговоров: обвинительный, оправдательный, и об оставлении в подозрении. В случае если не имелось доказательств, однако были какие-то улики, то подсудимого оставляли в подозрении и при открытии новых доказательств он привлекался к суду по тому же делу, либо оставлять подсудимого под надежное поручительство, либо дело передавать воле Божьей, пока оно само собою не объяснится, что также оставляло подсудимого в подозрении.

По статистике Министерства юстиций при действии сводного законодательства обвинительных приговоров выносилось 12,5%, а остальные 87,5% приходились на приговоры об оставлении в подозрении [5, с. 35–36].

Отсюда следует, что подозрение в российском уголовно-процессуальном законодательстве того времени являлось определенной формой причастности лиц в совершении преступления, что и вовлекало их в уголов-

но-процессуальную деятельность, а также, что форма причастности являлась предположением о том, что возможно данное лицо виновно в совершении преступления [6].

Сейчас термин «подозрение» часто используется законодателем (п. п 11, 42 ст. 5, ст. 10, ст. 46, ст. 223 УПК РФ и др.) и в определенных случаях содержит основную значимость с целью раскрытия сущности процессуальных действий.

Бесспорно, как подозрение, так и обвинение в ходе предварительного расследования подлежат доказыванию. Отличием подозрения и обвинения состоит в том, что на раннем этапе досудебного производства имеются сведения, которые позволяют сделать неточный вывод о причастности лица в совершении преступления. Далее, когда будет достаточно доказательств для установления о совершении лицом преступления, подозрение перерастает в обвинение. Следовательно, можно сказать, что подозрение носит предположительный характер, а обвинение — утвердительный.

В Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации, есть статьи о причастности лица к совершению преступления. Так, в части 1 статьи 171 «Порядок привлечения в качестве обвиняемого» говорится, что постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого выносится только при наличии достаточных доказательств, которые дают основания для обвинения лица. А для того чтобы выдвинуть подозрение в статье 223.1 «Уведомление о подозрении в совершении преступления» требуется достаточно данных, которые дают основание подозревать лицо в совершении преступления. Только когда дознание производится по делу, возбужденному по факту совершения преступления, применяется уведомление. Если лицо подозреваемое в совершении нескольких преступлений, в уведомлении о подозрении должно быть указано в совершении каких деяний данное лицо подозревается, также если по одному уголовному делу несколько подозреваемых, уведомление вручается каждому из них, а копия уведомления направляется прокурору.

Согласно этим, двум статьям можно сказать что, выдвижение обвинения, которые подтверждают причастность лица в совершении преступления, обязаны обладать доказательствами, в то время как подозрение может обосновываться достаточными данными. Данное отличие объясняется, тем что в момент приобретения лицом статуса подозреваемого связано с тем что, при вынесении распоряжений органа расследования, может не оказаться доказательств. Согласно части 2 статьи 140 УПК РФ наличием достаточных данных, указывающие на признаки преступления является основание для возбуждения уголовного дела.

На стадии возбуждения уголовного дела лицо приобретает статус подозреваемого в том случае, если оно задержано по подозрению в совершении преступления. В части 1 статьи 46 УПК РФ говорится, что статусом подозреваемого является лицо, которое уведомлено о совершении преступления.

Отталкиваясь от положения п. 1 ч. 1 ст. 91 УПК РФ, лицо по подозрению в преступлении может быть задержано, когда оно застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения. Таким образом при задержании лица не может быть возбужденного уголовного дела. В ч. 1 ст. 92 УПК РФ указано «после доставления подозреваемого в орган дознания или к следователю в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания» исходя из этого можно сказать что статус подозреваемого лицо получает с момента задержания на месте преступления, то есть до возбуждения уголовного дела. В соответствии с ч. 2 ст. 46 УПК РФ «Подозреваемый, задержанный в порядке, установленном статьей 91 настоящего кодекса, должен быть допрошен не позднее 24 часов с момента его фактического задержания» Следует принимать во внимание, что обязанностью органов предварительного расследования является как проведение допроса в указанный срок, так и в чем он подозревается.

Подозреваемый вправе знать в чем он подозревается. Лицо ведущее предварительное расследование обязан поставить в известность подозреваемого о том в чем он подозревается, то есть предоставить подозреваемому копии постановления о возбуждении против него уголовного дела и получить копию постановления о возбуждении против него уголовного дела, указать в протоколе основания и мотивы задержания, указать преступление, в котором оно подозревается. Подозреваемый вправе получать копию постановления о возбуждения против него уголовного дела, либо копию протокола задержания, а также копию постановления о применении к нему меры пресечения.

Подозреваемый вправе давать объяснения и показания по поводу имеющегося в отношении его подозрения, либо отказаться от дачи объяснения и показаний. При даче показаний подозреваемый должен быть предупрежден о том, что показания могут быть использованы в качестве доказательств по данному уголовному делу, даже при его последующем отказе от этих показаний, но исключением является если эти показания были даны на досудебном производстве в отсутствии защитника и не подтверждены данным лицом в суде.

Подозреваемый не несет никакой ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Показания подозреваемый вправе говорить на родном языке или на языке, которым он владеет — п. 6 ч. 4 ст. 46 УПК РФ. Допустим, что подозреваемый хорошо владеет иностранным языком, на котором ведется производство по данному делу, он вправе выбрать для общения свой родной язык. Это правило основывается на конституционном положении, «Каждый имеет право пользоваться на родном языке, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества» [1, с. 8]. Помощь переводчика для подозреваемого предоставляется бесплатно — п. 7 ч. 4 ст. 46 УПК РФ.

Подозреваемый имеет право представлять доказательств, то есть путем дачи показаний или предоставления им

предметов и документов, которые имеют отношение к делу. Также подозреваемый вправе заявлять ходатайства и отводы, участие с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимые по его ходатайству, ходатайству его защитника или законного представителя.

Статус подозреваемого имеет возможность быть утраченным либо в связи с вынесением постановления о привлечении лица в качестве обвиняемого, либо в связи с обвинительным актом, либо прекращением уголовного дела, либо прекращением уголовного преследования в связи с решением вопроса о применении принудительных мер медицинского характера. Поэтому, оставаясь участником уголовного процесса, необходимо приобрести новый статус, например, статус свидетеля так как его причастность в совершении преступления не была доказана. После перевода из статуса подозреваемого в статус свидетеля, должностное лицо наделяет субъекта новыми правами и обязанностями. Лицо, находящееся в статусе подозреваемого как указано в статье 46 УПК РФ, может защищаться не только способами который прописаны в законе, но и иными средствами и способами, не запрещенными УПК РФ (п. 11 ч. 4 ст. 46 УПК РФ). То есть подозреваемый с целью сокрытия истины и своей причастности к совершенному деянию при проведении расследования может лгать и отказаться от дачи показаний. В то время как лицо, которое обладает статусом свидетеля согласно части 8 статьи 56 УПК РФ за дачу ложных показаний или отказ от дачи показаний несет ответственность в соответствии со статьями 307, 308 Уголовного кодекса РФ.

В законе нет оснований признания лица подозреваемым в связи с применением меры пресечения до предъявления обвинения. Согласно статье 100 УПК РФ любая мера пресечения избирается в исключительных случаях в отношении подозреваемого. Исключительность определена тем что подозрение в отличие от обвинения еще не позволяет обвинителю прямо утверждать о виновности конкретного лица. Иными словами, в период избрания меры пресечения обвинитель, еще не убежден в том, что это преступление совершено именно этим лицом. С формально-юридической стороны в отношении подозреваемого мера пресечения избирается, если еще мало доказательств для вынесения постановления о привлечении этого лица в качестве обвиняемого. Отсутствие обвинения означает то что нет точной юридической оценки, которая при возбуждении уголовного дела имеет предварительный характер. Следовательно, в отношении подозреваемого сложно контролировать выполнение абсолютно всех условий законности меры пресечения. Исключительностью являются неотложные ситуации в расследовании, например, исчезновение следов или сокрытие подозреваемого [4, с. 248].

В статье 100 УПК РФ говорится, что в исключительных случаях избрание меры пресечения в отношении подозреваемого ограничивается в 10 суток с момента применения меры пресечения, но если же подозреваемый был сна-

чала задержан, а затем заключен под стражу, то с момента задержания. Обвинение должно быть предъявлено не позднее 10 суток с момента применения меры пресечения.

Между тем, в части второй статьи 100 сказано о том, что обвинение в совершении хотя бы одного из тяжких и особо тяжких преступлений, должно быть предъявлено подозреваемому в отношении, которого избрана мера пресечения, не позднее 45 суток с момента применения меры пресечения, но, если подозреваемый был задержан, а потом заключен под стражу, то в тот же срок с момента задержания. Если же в этот срок не будет предъявлено обвинение, то мера пресечения отменяется.

Изменение меры пресечения либо ее отмена регулируется статьей 110 УПК РФ. Если у подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления тяжелое заболевание, которое препятствует его содержанию под стражу и удостоверенное медицинским заключением изменяется на более мягкую.

Отмена меры пресечения происходит в тех случаях, когда признается незаконное и необоснованное первоначальное решение об избрании меры пресечения. Обычно такое происходит при рассмотрении жалоб вышестоящей инстанции. Согласно части 3 статьи 133 УПК РФ, при отмене меры пресечения, право на возмещения причиненного вреда имеет любое лицо, подвергнутое мерам процессуального принуждения. Еще мера пресечения отменяется в том случае, когда прекращается уголовное

дело либо уголовное преследование конкретного лица — ст. 213, 293 УПК РФ, постановляется оправдательный приговор, или приговор не связанный с назначением наказания — ст. 306, 301 УПК РФ, обвинительный приговор обращается к исполнению — ч. 4 ст. 390, ст. 393 УПК РФ, приостанавливается уголовное дело. При отпадении специальных условий для применения конкретных мер пресечения: истечение 10-ти суточного срока применения меры пресечения в отношении подозреваемого, которому не было предъявлено обвинение, обвиняемый, поручители, залогодатели отказываются от своих обязательств, наступает совершеннолетие при присмотре за несовершеннолетним обвиняемым, истекает срок содержания под стражей или под домашним арестом. [5, с. 251]. Все вышеперечисленное также является основанием для отмены меры пресечения.

Мера пресечения может быть изменена на более строгую или более мягкую. При проявлении дополнительных обстоятельств, устанавливающих процессуальное нарушение, совершенное обвиняемым (подозреваемым), неспособность прежней меры пресечения обеспечить надлежащее поведение обвиняемого (подозреваемого).

Изменение меры пресечения на более мягкую возможно при наличии общих оснований, условий и мотивов его избрания, когда более строгая мера пресечения отменяется если: отменена вышестоящая инстанция, нет необходимости в применении, нет специальных условий.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 11-ФКЗ.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 01.05.2016)
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. Ок. 100000 слов, терминов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов. — М.: ООО «Мир и Образование»: ООО «Оникс». 2012. с. 1376
4. Смирнов, А. В., Калиновский К. Б Уголовный процесс: Учебник для вузов / А. В Смирнов, К. Б Калиновский. — М.: КНОРУС, 2008. с. 704
5. Смирнов, А. В., Калиновский К. Б Уголовный процесс: Учебник для вузов / А. В Смирнов, К. Б Калиновский. — М.: КНОРУС, 2008. с. 704
6. Фойницкий, И. Я. Курс уголовного судопроизводства: в 2 т. / И. Я. Фойницкий — СПб.: Альфа, 1996. с. 552
7. Церковный, Ю. В. Институт подозрения и особенности его реализации при производстве дознания: дис. канд. юрид. наук. / Ю. В Церковный. — М., 2011. с. 206.
8. Чупилкин, Ю. Б. Гарантии прав подозреваемого в российском уголовном процессе: дис. канд. юрид. наук. // Краснодар, 2001. с. 9.

Правовые основы института государственной тайны в России: эволюция и характеристика

Шигапова Карина Римовна, магистрант
Тюменского государственного университета

Чтобы понять и раскрыть сущность правового института государственной тайны понимания его в отечественной науке, необходимо, прежде всего, проанализировать отечественную историю его возникновения и развития.

Историко-правовой аспект исследуемого института государственной тайны, к сожалению, до настоящего времени не получил должного освещения. Возможно, это объясняется отсутствием необходимого количества достоверной информации о том, как на ранних этапах развития Российского государства была организована система защиты государственных секретов. Между тем, практически все исследователи прямо или косвенно, выделяют три периода развития отечественного законодательства о государственной тайне: дореволюционный (досоветский), советский и постсоветский [7; 8].

По мнению А.Ю. Харитонов, усложнение общественной жизни, появление оппозиционно настроенных к самодержцу и правительству групп в элите российского общества привело к необходимости появления политического сыска, ведения агентурной работы в среде дворянства и тем самым появления целого блока полицейских секретов [11].

Можно также с высокой степенью вероятности говорить о том, что развитие системы государственной тайны в любой стране, в т. ч. и в России, самым непосредственным образом связано с развитием разведки, совершенствованием ее форм и методов. По мере выявления устремлений разведки к определенным видам информации становится очевидным, что именно ее необходимо защищать, что указывает на необходимость придания таким сведениям статуса государственной тайны.

20 апреля 1892 года принимается закон, регламентирующий ответственность за военный шпионаж, как одну из форм государственной измены [12]. Но перечень действий, подпадающих под действия этого закона был достаточно узок. И если аналогичный французский Закон 1886 г. критиковали за слишком мягкое наказание за шпионаж, то российский наоборот — слишком узкое понятие шпионажа, и как следствие, невозможность применить его на практике.

Одной из особенностей нормативно-правовой базы того периода являлось отсутствие подробного перечня сведений, составляющих государственную тайну. Можно лишь выделить отдельные группы сведений, имеющих гриф «долженствующие сохраняться в тайне» — к ним относились планы, чертежи, рисунки или макеты российских крепостей и других фортификационных сооружений, технические данные о военных кораблях, сведения о содержании мобилизационных планов и расположении войск на случай войны.

В правление Николая II завершила работу специальная комиссия, учрежденная еще Александром III в 1882 году, под председательством криминалиста Н.С. Таганцева. Составленное ей Уголовное уложение вступило в силу 22 марта 1903 года.

В военном ведомстве Российской империи в начале XX в. действовала Инструкция для хранения секретных сведений и ведения секретной переписки, состоявшая из следующих разделов: «О секретных сведениях», «О лицах, коим доверяются секретные сведения», «О хранении секретных сведений и переписки», «О ведении и движении секретной переписки», «О сведениях, не подлежащих оглашению», «О порядке применения настоящей инструкции» [6].

В 1912 году в России был принят самый прогрессивный на тот период в Европе законодательный акт, направленный на правовое обеспечение защиты государственной тайны и противодействие иностранному шпионажу.

Закон от 5 июля 1912 года «Об изменении действующих законов о государственной измене путем шпионства в мирное время» [9] значительно расширил понятие государственной измены (путем шпионажа), изменив, с одной стороны, изложения некоторых статей Уголовного уложения, а, с другой стороны, ввел в действие ряд новых карательных постановлений, предусматривающих уголовную ответственность за некоторые виды шпионажа, ранее уголовно ненаказуемые. Согласно данному закону, шпионаж теперь рассматривался как самостоятельное преступление, охватывая не только сам процесс шпионажа и пособничество ему, но и просто разглашение секретных сведений.

В советский период ситуация с защитой государственной тайны неизбежно должна была измениться, причем самым кардинальным образом — Советская Россия изначально позиционировала себя как государство, находящееся во вражеском окружении.

В 1921 г. Декретом СНК утвержден первый общегосударственный перечень сведений, составляющих государственную тайну и не подлежащих распространению [5]. В нем сведения делились на две группы: военного и экономического характера.

Начиная с 1925 г. институт государственной тайны получил более детальное и целенаправленное урегулирование на законодательном уровне: из смысла ст. 1 и ст. 2 Постановления ЦИК СССР, СНК СССР от 14.08.1925 г. «О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению» вытекало, что государственную тайну составляют сведения, не подлежащие оглашению «по прямому запрещению закона или

по распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий» [4].

Во второй половине 30-х годов XX в. правовое регулирование характеризуется резким усилением режима секретности: в научный и правовой обиход вводится понятие «партийной тайны», которое, по сути, приравнивается к государственной, а партийные учетные документы приравнивались к государственным секретам; помимо этого, в перечень сведений, составляющих государственную тайну, зачастую включались сведения, таковыми не являющиеся по своей сути [10]. Данные тенденции сохранялись на протяжении длительного времени.

Таким образом, можно констатировать, что в период функционирования административно-командной системы в СССР происходит усиление режима секретности, однако это характерно только для института публичных тайн: государственной и партийной. Наряду с этим, наблюдается тенденция засекречивания не только самих сведений определенной категории, но и нормативных документов, регулирующих правовые основы секретности.

К 1990 г в законодательном массиве СССР имелось множество таких актов с грифами «секретно», «не подлежит опубликованию», «не для печати», «для служебного пользования» и т. п., кроме того, весьма распространена была практика присвоения грифов «секретно», «не для печати» и т. д. отдельным положениям (статьям, пунктам) нормативного акта, которые при публикации его текста не приводились.

Таким образом, перед законодателем остро стояла проблема принятия специального нормативного правового акта, на уровне закона регулирующего вопросы, свя-

занные с конфиденциальной и секретной информацией. Однако данный акт по ряду причин не был принят в предполагаемый годичный срок, и 16.05.1991 г. Верховный Совет СССР повторно обязал Кабинет Министров СССР разработать и в установленном порядке представить на рассмотрение очередной сессии Верховного Совета СССР проекты законодательных актов СССР о государственной, служебной и коммерческой тайне [3].

21 июля 1993 г. законодателем принимается важнейший нормативно-правовой акт — Закон Российской Федерации от № 5485–1 «О государственной тайне» [2]. Именно благодаря данному шагу, в отличие от большинства видов тайн, регулируемых законодательством, понятие государственной тайны имеет совершенно определенную законодательную дефиницию.

Дальнейшее развитие и закрепление на высшем — конституционном уровне, институт государственной тайны получил в действующей Конституции Российской Федерации [1], принятой уже после вступления в законную силу вышеуказанного закона.

В целом, можно констатировать тот факт, что государственная тайна на различных этапах развития нашего государства применялась в качестве определенного инструмента в рамках политических репрессий, борьбы с инакомыслием, идеологическими противниками, а также одним из способов грубого нарушения прав и свобод человека и гражданина. Однако, так или иначе, исследованный нами исторический опыт обеспечения сохранности государственных секретов при определенных обстоятельствах все же является прототипом настоящего порядка обращения с секретными документами.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.): по сост. на 21 июля 2014 г. // Российская газета. — 1993. — 25 декабря. — № 237.
2. О государственной тайне: закон РФ от 21 июля 1993 г. № 5485-I: по сост. на 08 марта 2015 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 41. — Ст. 4673.
3. О введении в действие Закона СССР «Об органах государственной безопасности в СССР: постановление Верховного Совета СССР от 16 мая 1991 г. № 2160–1 // Ведомости СНД и ВС СССР. — 1991. — № 22. — Ст. 631. (утратил силу).
4. О шпионаже, а равно о собирании и передаче экономических сведений, не подлежащих оглашению: постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 14 августа 1925 г. // Собрание законодательства СССР. — 1925. — № 52. — Ст. 390. (утратило силу).
5. Декреты Советской власти. Т. 1. — М.: Госполитиздат, 1957. — с. 24.
6. Камалова, Г.Г. Исторические особенности правовой охраны служебной информации ограниченного доступа (служебной тайны) в советский период / Г.Г. Камалова // Вестник Удмуртского университета. — Ижевск: ФГБОУ ВПО «Удмуртский гос. уг-т», 2014. — Вып. 2. — с. 147.
7. Корсун, Р.В. Этапы формирования института государственной тайны в различные периоды развития Российского государства / Р.В. Корсун // Административное право и процесс. — М.: Юрист, 2007. — № 2. — с. 12.
8. Рабкин, В.А. Исторический генезис правового регулирования защиты государственной тайны в России / В.А. Рабкин // Информационное право. — М.: Юрист, 2006. — № 4 (7). — с. 9.
9. Резанов, А.С. Закон 5 июля 1912 г. «О государственной измене путем шпионства в мирное время» / А.С. Резанов. — М., 2003. — с. 74.

10. Старков, Б. А. Некоторые уроки из истории становления защиты государственной тайны в России / Б. А. Старков // От культа секретности к информационной культуре (к 15-летию российского Закона «О государственной тайне»). Сборник материалов и документов. — С.-Пб.: СПбОНТЗ, Полиграф экспресс, 2008. — с. 21.
11. Харитонов, А. Ю. Историко-правовые аспекты защиты государственной тайны в Российской империи А. Ю. Харитонов // Юридическая мысль. — С.-Пб.: Изд-во юрид. ин-та (Санкт-Петербург), 2010. — № 5 (61). — с. 48.
12. Чертопруд, С. В. Законодательные акты по защите гостайны в Российской империи в начале XX века / С. В. Чертопруд // Вопросы защиты информации. — 1996. — № 4. — с. 24.

Нематериальные блага как объект гражданских правоотношений

Шувалова Элен Владимировна, студент

Оренбургский институт (филиал) Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина

В конце 20 века наметилась тенденция, направленная на совершенствование российского законодательства, которая была обусловлена переменами в экономической ситуации в стране.

С принятием Конституции Российской Федерации 1993 года, согласно статье 2, человек, его права и свободы являются высшей ценностью [1]. В развитие положений Конституции и на ее основе были приняты важнейшие правовые акты, направленные на обеспечение и защиту прав человека в различных сферах общественной жизни. Одним из таких законодательных актов стал Гражданский кодекс РФ.

Закон разделяет объекты гражданских правоотношений на две группы: материальные и нематериальные блага. Согласно, статье 128 Гражданского кодекса Российской Федерации, к объектам гражданских правоотношений относят нематериальные блага [2].

Гражданский кодекс РСФСР 1964 года определял, что советское гражданское законодательство регулирует имущественные отношения и личные неимущественные отношения, как предусмотренные Основами гражданского законодательства, так и не предусмотренные ими.

Нематериальные блага — это «объекты субъективного личного неимущественного права, обладающие индивидуальной и социальной духовной ценностью, не имеющие стандартных параметров, не отделимые от личности при жизни физического лица» [3].

Под понятием «нематериальные» многие ученые понимают невозможность определения в денежном эквиваленте. Фадеева Т. А. [4] считала, что многие из нематериальных благ изначально предназначены для циркулирования в гражданском обороте с целью получения прибыли. Признак нематериальности имеет условный характер, так как ущемление благ может привести к последствиям с экономическим характером.

Статья 150 ГК РФ [5] дает примерный перечень юридически защищаемых нематериальных благ и определяет основные признаки неимущественных прав, а именно: «Жизнь и здоровье, достоинство личности, личная неприкосновенность, честь и доброе имя, деловая репутация,

неприкосновенность частной жизни, личная и семейная тайна, право свободного передвижения, выбора места пребывания и жительства, право на имя, право авторства, иные личные неимущественные права и другие нематериальные блага, принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона, неотчуждаемы и непередаваемы иным способом».

У нематериальных благ существуют определенные характерные признаки. К ним относят: внеэкономическое содержание, неразрывная связь с субъектом, общая направленность на обеспечение существования субъекта. Человек в силу своего существования обладает ими.

Понятие «нематериальные блага» не дается в ГК РФ, перечислен примерный перечень нематериальных благ и способы защиты. «Нематериальные блага не осязаемы объективно, не измеримы в тех или иных единицах, не могут быть выражены в доступной и равнозначной для всех форме. Такие блага имеют внеэкономическую природу» [6].

При нарушении нематериальных прав граждан используются специфические способы их защиты: компенсация морального вреда, опровержение порочащих сведений, возмещение убытков. Согласно Постановлению Пленума ВС «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» 24 февр. 2005, право граждан на защиту чести и достоинства и деловой репутации является конституционным правом, а деловая репутация юридических лиц — одним из условий их деятельности. Статья 152 ГК РФ [7] устанавливает, что защита деловой репутации юридических лиц осуществляется теми же способами, что и граждан, за исключением компенсации морального вреда.

Нематериальные блага представляют ценность для их обладателя и существуют независимо от степени и характера их правового урегулирования. В последние годы под влиянием многочисленных факторов экономического, политического, международного и правового характера расширена правовая регламентация личных неимущественных отношений и расширен перечень нематери-

альных благ, подлежащих защите гражданско-правовыми способами.

И.А. Покровский отмечал, что с развитием общества перед правом возникает задача «помимо охраны человека в его общей, родовой сущности, в его типичных интересах, дать охрану конкретной личности во всем богатстве ее своеобразных особенностей и творческих проявлений. Первое, в чем человек нуждается, это охрана его самых элементарных благ — жизни, телесной неприкосновенности, свободы» [8].

Так, известный профессор и советский юрист Иоффе Олимпиад Соломонович считал, что нематериальные блага не могут быть объектом гражданских правоотношений. В своей работе он отмечал, что «только человеческое поведение способно к реагированию на воздействие, оказываемое субъективным правом и правовой обязанностью. Ни вещи, ни так называемые личные нематериальные блага не способны к такому реагированию, ни вещи, ни личные нематериальные блага не являются объектами прав. Поскольку одна лишь деятельность человека, человеческое поведение способны к реагированию на правовое воздействие, постольку существует единый и единственный объект правомочия и обязанности, а стало быть, и объект правоотношения — человеческое поведение, деятельность или действия людей» [9].

В советское время считали, что личность человека не может быть оценена в денежном эквиваленте. В статье 7 ГК РСФСР закреплялось, что гражданин или организация вправе требовать по суду опровержения порочащих их честь и достоинство сведений, если распространивший такие сведения не докажет, что они соответствуют действительности.

Статья 152 ГК РФ включила в один из способов защиты нематериальных благ компенсацию морального вреда. Данная статья была внесена законодателем в главу 8 «Нематериальные блага и их защита», в то время как в Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик норма о возмещении морального вреда была раскрыта в главе 19 «Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда и неосновательного обогащения».

Можно сделать вывод, что в Основы гражданского законодательства Союза ССР и республик институт компенсации морального вреда рассматривали как следствие причинения вреда и неосновательного обогащения, однако Гражданский кодекс Российской Федерации конкретизировал восприятие рассматриваемого института.

А.М. Эрделевский [10] в своей работе, посвященной компенсации морального вреда утверждал, что до начала девяностых годов понятие «моральный вред» не было легализовано в российском гражданском праве, что исключало возможность применения гражданско-правовых средств защиты нарушенных прав путем компенсации морального вреда. В юридической литературе существует мнение, что гражданское законодательство России до 90-х годов не предусматривало ни самого понятия морального вреда, ни, естественно, возможности его компенсации

из-за недопустимости компенсации морального вреда в денежной форме.

Приобретение Россией статуса правового государства связывается с введением в законодательство норм о компенсации морального вреда.

С 1 января 1995 года право на компенсацию морального вреда, причиненного источником повышенной опасности независимо от вины причинителя вреда, получили все граждане, поскольку статья 151 Гражданского Кодекса РФ не требует обязательной виновности действий причинителя вреда. Данная норма нашла свое подтверждение также в статье 1100 ГК РФ: «Компенсация морального вреда осуществляется независимо от вины причинителя вреда в случаях, когда: вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности».

Перед учеными стоит ряд проблем, связанных с нематериальными благами. Законодатель не дает в Гражданском кодексе РФ определение понятия «нематериальные блага».

В современной правовой литературе распространено мнение, что законодатель не разграничивает такие понятия как: нематериальные блага, блага, личные неимущественные права. М. Н. Малеина и В. В. Долинская поддерживают данную позицию. Они считают, что нематериальные блага являются объектом личных неимущественных прав. В современной правовой литературе справедливо отмечается, что законодатель допустил в ст. 150 ГК РФ смешение двух понятий — «нематериальные блага» и «личные неимущественные права». По мнению М.Н. Малеиной, нематериальные (духовные) блага, а также результаты интеллектуальной деятельности могут выступать объектами личных неимущественных прав, а редакцию ст. 150 ГК РФ следует уточнить, «исключив из перечня нематериальных благ неимущественные права» [11].

Красавчикова Л. О утверждает, что большинство ученых сходятся во мнении, что не имеется оснований для объединения понятий «нематериальные блага» и «личные неимущественные права» и считает, что нематериальные блага являются объектом личных неимущественных прав, а объединение в единый перечень является неверным.

По общему правилу, размещенный в социальной сети пост не является предметом судебной защиты по спорам о защите деловой репутации, поскольку представляет собой субъективное суждение лица. Но из этого правила есть исключения.

23 марта 2015 года С. разместила в социальной сети пост, в котором указала, что заявленная компанией «Р» стоимость работ занижена и является «изначально демпинговой», а также что «конкурсная документация свидетельствует либо о полной некомпетентности ее составителей, либо о наличии коррупционной составляющей в виде договоренности заказчика с потенциальными исполнителями».

По мнению компании «Р», такая информация порочит ее деловую репутацию, в связи с чем она обратилась в суд. В своем исковом заявлении организация указала, что умаление ее деловой репутации привело к отказу потен-

циальных подрядных организаций от участия в конкурсе, и в итоге он был признан несостоявшимся — из-за чего компания понесла убытки, связанные с необходимостью оплачивать услуги третьих лиц по эксплуатационно-техническому обслуживанию оборудования.

Тем не менее, суд первой инстанции в удовлетворении иска отказал. Вышестоящие суды оставили этот акт без изменения. Публикация информации в социальной сети, по мнению судей, нельзя признать порочащей деловую репутацию, поскольку она представляет собой высказанные ответчиком суждения и субъективное мнение.

В своем п. 20 Обзора судебной практики Верховный суд утв. Президиумом ВС РФ 16 февраля 2017 г. привел в качестве примера спор, при разрешении которого Суд уточнил, в каком случае пост в социальных сетях все же может стать основанием для предъявления иска о защите деловой репутации.

Особую сложность вызывает рассмотрение дел о защите чести, достоинства и деловой репутации лиц, осуществляющих публичные функции. Профессиональная сфера деятельности предполагает наличие определенных ограничений в осуществлении конституционных прав и свобод, что обусловлено исполнением особых публично-правовых обязанностей.

Так, Б., являющийся должностным лицом органа исполнительной власти, обратился в суд с иском к депутату М. о защите деловой репутации путем признания распространенных ответчиком на одном из заседаний законодательного органа сведений, порочащими деловую репутацию Б. как гражданина и должностного лица, а также признания ряда публичных высказываний не соответствующими действительности.

В обоснование иска заявитель указал, что публичное распространение высказываний подтверждается стенограммой заседания законодательного органа и видеозаписью выступления ответчика, размещенной в сети «Интернет». Истец полагал, что ответчик имел намерение опорочить его публично в присутствии широкой общественности, воспользовавшись депутатской трибуной. В свою очередь ответчик ссылался на то, что выступление преследовало цель донести мнение избирателей о сложив-

шейся ситуации в конкретном субъекте Российской Федерации и просьбу об отставке истца.

Частично удовлетворяя исковые требования, суд первой инстанции исходил из того, что распространенная ответчиком информация содержит сведения о фактах, негативно характеризует истца и порочит деловую репутацию последнего как должностного лица органа исполнительной власти перед лицом большой аудитории. При этом достоверность этой информации ответчиком не была доказана.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации, рассмотрев дело в кассационном порядке, в том числе указала следующее.

Европейский Суд, в частности в постановлении по делу «Федченко (Fedchenko) против Российской Федерации» от 11 февраля 2010 г., указал, что в отношении государственных служащих, действующих в официальном качестве, как и политиков, рамки допустимой критики шире, чем в отношении частных лиц.

Европейский Суд также отмечает, что пункт 2 статьи 10 Конвенции дает мало возможностей для ограничения политических высказываний или дебатов по вопросам, представляющим всеобщий интерес. Кроме того, хотя нельзя сказать, что слова и поступки государственных служащих и политических деятелей в равной степени заведомо открыты для наблюдения, государственные служащие, находящиеся при исполнении обязанностей, подобно политикам, подпадают под более широкие пределы допустимой критики, чем частные лица (дело «Дюндин (Dyundin) против Российской Федерации», постановление Европейского Суда от 14 октября 2008 г.).

Пределы допустимой критики шире в отношении правительства, чем простого лица или даже политика. При демократическом режиме действия и бездействие правительства должны быть помещены под внимательный контроль со стороны не только законодательной и судебной власти, но также общественного мнения.

Нематериальные блага являются особым объектом гражданских правоотношений, имеющим характерные признаки и обусловленным необходимостью в его защите. Охрана нематериальных благ — одна из задач правовой системы развитого демократического общества.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ) // «Собрание законодательства РФ», 26.01.2009, № 4, ст. 2
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 28.12.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 5. Ст. 128.
3. Малеина, М. Н. Понятие и виды нематериальных благ как объектов личных неимущественных прав // Государство и право», 2014, N 7 // СПС «КонсультантПлюс
4. Фадеева, Т. А. Гражданское право // под ред. Толстого Ю. К., Сергеева А. П. СПб 1996 С 280.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СЗ РФ 05.12.1994, N 32, ст. 150
6. Красавчикова, Л. О. Понятие и система личных неимущественных прав граждан (физических лиц) в гражданском праве Российской Федерации. Екатеринбург, 1994. с. 12

7. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ // СЗ РФ 05.12.1994, N 32, ст. 152
8. Покровский, И. А. Основные проблемы гражданского права. Изд. 3-е, стереотип. М.: «Статут», 2001. с. 121
9. Избранные труды по гражданскому праву: Из истории цивилистической мысли. Гражданское правоотношение. Критика теории «хозяйственного права». — М.: Статут, 2000. — с. 776
10. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда. — М.: БЕК, 2000. 236 с
11. Малеина, М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита. М., 2000. с. 13—14.

Понятие чести, достоинства и деловой репутации в российском гражданском праве

Шульгина Раиса Владимировна, магистрант
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Статья посвящена проблемам толкования таких категорий, как честь, достоинство и деловая репутация и их разграничения между собой. Приводятся основные точки зрения по рассматриваемому вопросу. Выражено мнение автора по определению и разграничению анализируемых категорий.

Ключевые слова: *честь, достоинство, деловая репутация, нематериальные блага, социальные блага, моральный вред*

Будущее общества немыслимо без уважения в нём прав и свобод личности, в том числе права на честь, достоинство и деловую репутацию.

Честь, достоинство и деловая репутация — это такие морально-правовые категории, которым присущи специфические свойства. Они влияют на оценку и значимость человека для общества, связаны с существованием человека в социальной среде. И любое общество должно обладать этими важнейшими социально — правовыми ценностями.

Одним из признаков общественного прогресса является защита прав человека, где приоритет отдается общечеловеческим ценностям. Обеспечение этих ценностей — необходимая характеристика любого демократического государства. Но будучи наделенным сознанием, умеющим чувствовать и проявлять свою волю, сам человек представляет собой эту ценность. И ничто не может служить причиной для умаления его достоинства и чести.

Субъекты права не только должны быть уверены в том, что их поступки и образ действий не будут ущемлены распространением в отношении их ложных порочащих сведений, но, и иметь возможность требовать, чтобы общественная оценка их поведения соответствовала тому, как они поистине выполняют требования закона, морали и правил поведения.

Честь, достоинство и деловая репутация — это защищаемые законом, социальные блага, нарушение которых наносит серьезный моральный вред свободе действий и общественному положению посредством создания неблагоприятного впечатления.

Однако до настоящего времени законодательно и доктринально не разрешены ключевые и базовые проблемы

реализации права на защиту чести, достоинства и деловой репутации.

В частности, отсутствует законодательное определение понятий правовых категорий: «честь», «достоинство» и «деловая репутация», вследствие чего продолжает оставаться неопределённым четко круг субъектов права на защиту. При этом современное российское гражданское право всё ещё находится на этапе своего формирования. И проблемы защиты чести, достоинства и деловой репутации в нынешних условиях приобретают особое значение.

Рассматривая содержание понятий честь, достоинство и деловая репутация представляется необходимым отметить, что как фундаментальные и базовые категории института нематериальных благ они характеризуются с точки зрения содержания значительной долей абстракции и субъективными критериями.

Это обстоятельство повлекло то, что ни гражданское право, ни иные отрасли права не содержат законодательного определения чести, достоинства и деловой репутации. По этим же причинам и в доктрине гражданского права и отраслевых научных течениях нет обобщенных, и неоспариваемых определений этих юридических и социальных категорий.

Такие понятия как честь, достоинство и деловая репутация в современной научной литературе толкуется разнообразно и неоднозначно.

Можно разделить все точки зрения относительно понятий честь, достоинство и деловая репутация на три вида: первый, в соответствии с которым честь, достоинство и деловая репутация, абсолютно разные категории; вторая концепция, когда эти нематериальные блага рассматрива-

ются как смежные категории, обладающие взаимной согласованностью, и третья — отсутствует какое-либо разграничение понятий.

Второго варианта придерживается большинство авторов. Многие рассматривают категорию чести опосредованно через призму смежных, но не идентичных категорий достоинства и репутации.

Так, в частности, Ю. В. Молочков считает, что честь необходимо понимать как определенное внешнее отношение к человеку, как «грань его положительной репутации» [1, с. 8].

Дается соприкасающееся с деловой репутацией определение, согласно которому, честь рассматривается как элемент (и только положительный элемент) репутации. При этом репутация трактуется в широком смысле, не ограничиваясь понятием деловая репутация.

М. Н. Малеина полагает, что честь — это общественная оценка личности, мера духовных, социальных качеств гражданина [2, с. 58]. В этом случае честь трактуется как субъективное восприятие личностью своих положительных свойств с точки зрения мнения общества. Представляется, что, по мнению М. Н. Малеиной, понятие чести существует отдельно от других категорий.

В свою очередь, к третьему виду можно отнести мнение А. М. Эрделевского. Он проводит разграничение между понятием честь и правом на честь, оперируя термином «право чести».

Честь, по его мнению, субъективное право человека на положительную оценку своей личности, как в своих собственных глазах, так и в глазах окружающих.

Поэтому у права чести есть два аспекта: субъективный и объективный. Субъективный аспект чести — это достоинство, право человека, не зависящее от его действий и мыслей и охраняемое государством безотносительно к правовому статусу любого человека, даже если это преступник. Объективный, или точнее интерессубъективный аспект чести — это доброе имя и репутация человека, с юридической точки зрения — это субъективное право человека своим поведением формировать представление о себе у окружающих» [3, с. 11].

Таким образом, по мнению этого автора, субъективный аспект чести есть достоинство. Как видится, налицо полное отсутствие разграничения понятий чести и достоинства.

Представляется необходимым выделить мнение А. А. Власова, который, условно говоря, объединил перечисленные суждения и пришел к выводу что честь — это и общественная оценка личности и одновременно осознание и собственная интерпретация самой личностью такой оценки, то есть самооценка. Следовательно, и само понятие чести складывается из двух компонентов (объективного и субъективного) и имеет как бы два аспекта — внешний или, как его иначе называют, объективный и внутренний или субъективный.

В этом тезисе и во многих других фигурирует понятие «самооценка», через которое многие авторы, в зависимости от какой стороне самооценки идет речь, определяют

честь и достоинство. Соответственно можно выделить природу самооценки как признак, по которому можно определить честь и достоинство.

Еще более сложно, разнообразно, неоднозначно и неопределенно исследователями трактуется вопрос о понятиях «достоинство», «репутация», «деловая репутация» в соотношении с понятиями «честь» и «достоинство».

В частности, С. В. Нарижный понимает «под достоинством — общественную оценку человека», «под честью — его личную самооценку». В чем заключается разграничение этих понятий, автор не указывает» [4, с. 100].

Л. О. Красавчикова под достоинством подразумевает «известную самооценку личностью своих моральных, деловых и иных социальных качеств» [5, с. 24].

По мнению А. М. Эрделевского, достоинством является «сопровождающееся собственной положительной оценкой отражение качеств лица в его сознании» [6, с. 16].

Н. К. Рудый считает, что достоинство — это «самооценка личности, осознание ею своих личных качеств, способностей, мировоззрения, выполненного долга и своего общественного значения. Самооценка должна основываться на социально значимых критериях оценки моральных и иных качеств личности. Достоинство определяет субъективную оценку личности» [7, с. 13].

Таким образом, ключевое значение имеет природа самооценки, субъективная она или объективная от этого зависит, какую категорию она характеризует.

Для легального определения чести и достоинства необходимо указать на первоначальный субъект оценки качеств и способностей конкретной личности. Так, честь представляет собой социальную оценку конкретной личности (непосредственную оценку обществом). В свою очередь достоинство, можно было бы закрепить, через такую категорию как самооценка, внутренняя самооценка личностью своих качеств. При этом оценка обществом этих качеств учитывается индивидом, но не играет первоначальную роль для восприятия.

В части понятия деловая репутация вопрос не столь спорный как с определением понятий честь и достоинство. Термин «репутация» русским языком заимствовано от французского *reputation* и латинского *reputatio* (размышление, рассуждение) и подразумевает: добрая или худая слава о человеке; общественное мнение о человеке, об учреждении. В Словаре русского языка С. И. Ожегова под репутацией понимается приобретаемая кем-нибудь или чем-нибудь общественная оценка, общее мнение о качествах, достоинствах и недостатках кого-нибудь или чего-нибудь [8, с. 325]. В Толковом словаре живого великорусского языка Владимира Даля — слава человека, добрая и дурная, как и чем кто слышит, общее мнение о ком-либо [9, с. 581]. Таким образом, репутация может быть как хорошей, так и плохой и представляет общее мнение о ком-либо.

К понятию «репутация» в различных источниках проявляется более или менее единообразный подход, однако с

понятиями «деловая репутация», «репутация» вопрос обстоит иначе.

Т.В. Черкасова, исследуя вопрос о содержании объема понятия репутация, пришла к выводу о том, что «репутация гражданина выступает в качестве родового понятия, в ее основе лежит достоинство личности, а наиболее высоким проявлением положительной репутации является честь» [10, с. 8]. Здесь снова видится способ определения понятия через другие смежные категории.

А.Л. Анисимов считает, что деловая репутация гражданина определяется уровнем его квалификации и характеристикой профессиональной деятельности [11, с. 8].

А.М. Эрделевский определяет деловую репутацию как сопровождающееся оценкой общества отражение деловых качеств лица в общественном сознании. При этом, отграничивая деловые качества от «неделовых», поясняет, что деловые качества — это качества, которые обеспечивают осуществление этим гражданином деятельности, направленной на удовлетворение общественных потребностей, или его эффективное участие в такой деятельности. Такая деятельность вызывает определенную оценку в общественном мнении, т. е. у гражданина складывается деловая репутация [12, с. 136].

В связи с этим, сторонники позиций делятся на тех, кто связывает деловую репутацию только с предпринимательской деятельностью и тех, кто имеет противоположное мнение и не ограничивается только критерием предпринимательской деятельности.

Анализируя изложенные точки зрения, представляется необходимым в качестве вывода отметить, что ни законодательно, ни доктринально понятия честь, достоинство и деловая репутация в настоящее время не определены, не разграничены.

Даже Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» от 24.02.2005 № 3 не дает какого-либо определения таким морально-правовым категориям, как честь, достоинство, деловая репутация. Лишь ограничиваясь тем, что право граждан на защиту чести, достоинства и деловой репутации является их конституционным

правом, а деловая репутация юридических лиц — одним из условий их успешной деятельности.

Это напрямую связано с тем, что моральное пространство гораздо шире правового. Следовательно, разъяснения, содержащиеся в этом постановлении Пленума ВС РФ, имеют конституционную основу, но даже они не разграничивают категории честь и достоинство, выделяя лишь отдельно деловую репутацию юридических лиц.

В свою очередь, понятие честь необходимо рассматривать как морально-юридическую категорию объективного характера, которая определяет общественную оценку личности.

Честь как нематериальное благо неразрывна от положительной оценки качеств личности, прежде всего в общественном сознании. И, в свою очередь, является смежной категорией понятия достоинство.

Каждому при рождении честь презюмируется, что означает, что отсутствие установленных отрицательных, негативных оценок свидетельствует о наличии чести. Это говорит как раз об объективности категории «честь». Таким образом, понятие обладает следующими признаками:

- объективный характер;
- имеет равный объем понятия абсолютно для всех;
- наличие чести презюмируется.

В свою очередь, достоинство, как правовая категория есть категория субъективная, и выражается во внутренней самооценке личности посредством осознания ею своих личных качеств, выполненного долга и своего общественного значения. Достоинство определяет субъективную оценку личности. И важно отметить такой признак, как природа самооценки. Определив, о внутренней или внешней самооценке идет речь, можно разграничивать честь и достоинство.

В части понятия деловая репутация спорных вопросов меньше. Однако связывать понятие деловая репутация только с осуществлением коммерческой деятельности, представляется неправильным, поскольку деловая репутация представляет собой оценку профессиональных качеств гражданина и юридического лица независимо от рода и вида деятельности.

Литература:

1. Молочков, Ю.В. Защита чести и достоинства в гражданском процессе. Автореферат дисс. канд. юр. наук. — Екатеринбург. 1993. — 19 с.
2. Малеина, М.Н. Защита личных неимущественных прав граждан. — М., Статут. 2005. — 438 с.
3. Эрделевский, А.М. Диффамация. — М., Норма. 2002. — 32 с.
4. Власов, А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации. М., 2000. — 385 с.
5. Красавчикова, Л.О. Компенсация морального вреда субъектам экономической деятельности в случаях причинения вреда их деловой репутации // Юридический мир. — 2008. — № 8. — 12 с.
6. Эрделевский, А.М. Компенсация морального вреда. — М., Норма. 2006. — 236 с.
7. Рудый, Н.К. Правовая характеристика чести, достоинства и репутации Н.К. Рудый // Юрист. — 2008. — № 3. — 13 с.
8. Ожегов, С.И. Словарь русского языка. — М., 1989. — 676 с.
9. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. — М.: Рус. яз., 1998. — Т. 3. П. — 899 с.

10. Черкасова, Т. В. Гражданско-правовая защиты чести, достоинства и деловой репутации как форма социально правовой защищенности граждан. М. 2001. — 28 с.
11. Анисимов, А. Л. Гражданско-правовая защита чести, достоинства и деловой репутации по законодательству Российской Федерации. М.: Изд-во «ВЛАДОС-ПРЕСС», 2001. — с. 90.
12. Эрделевский, А. М. Компенсация морального вреда: анализ и комментарий законодательства и судебной практики. М.: БЕК, 2000. — 236 с.

Возмещение нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам

Шульгина Раиса Владимировна, магистрант
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

Статья посвящена такому способу защиты деловой репутации юридического лица, как возмещение нематериального (репутационного) вреда. Приводятся проблемы компенсации нематериального (репутационного) вреда юридическим лицам.

Ключевые слова: вред, защита деловой репутации, компенсация нематериального (репутационного) вреда, юридические лица

Гражданско-правовая защита деловой репутации юридических лиц предусмотрена статьей 152 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ). В силу данного положения гражданин, в отношении которого распространены сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, вправе наряду с опровержением таких сведений требовать возмещения убытков и морального вреда, причиненных их распространением; а на основании пункта 11 статьи 152 ГК РФ правила указанной статьи о защите деловой репутации гражданина соответственно применяются к защите деловой репутации юридического лица, за исключением правил о компенсации морального вреда.

Таким образом, ныне действующая редакция статьи 152 ГК РФ не позволяет применять положения о компенсации морального вреда к защите деловой репутации юридического лица. При ранее действовавшей редакции, к защите деловой репутации применялись и правила о компенсации морального вреда. Что не представлялось обременительным и вызывало много споров.

Проблемным остается вопрос о способах защиты деловой репутации юридических лиц, а именно возможность компенсации нематериального вреда юридическим лицам при защите их деловой репутации.

Конституционный Суд Российской Федерации (далее — Конституционный Суд РФ) предложил, юридическим лицам предъявлять требования о компенсации нематериального вреда, имеющего своё собственное содержание. В Определении от 4 декабря 2003 года № 508-О Конституционный Суд РФ указал на то, что «...отсутствие прямого указания в законе на способ защиты деловой репутации юридических лиц не лишает их права предъявлять требования о компенсации убытков, в том числе нематериальных, причиненных умалением деловой репутации, или нематериального вреда, имеющего своё

собственное содержание (отличное от содержания морального вреда, причиненного гражданину), которое вытекает из существа нарушенного нематериального права и характера последствий этого нарушения (пункт 2 статьи 150 ГК РФ)». Такой вывод Конституционный Суд РФ сформулировал на основе статьи 45 (часть 2) Конституции РФ, которая утверждает, что каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Казалось, что исключение из статьи 152 ГК РФ нормы о возможности взыскания морального вреда в пользу юридических лиц должно было привести к тому, что иски, содержащие такие требования оставались бы без удовлетворения. Однако, приведенная выше правовая позиция Конституционного Суда РФ, согласно которой отсутствие в законодательстве прямого способа защиты нематериальных благ юридического лица, не лишает указанных субъектов права на предъявление требований о возмещении нематериального вреда (нематериальных убытков), порождает определенные сомнения в безнадежности таких исковых требований. Если признать верным тезис Конституционного Суда РФ о том, что юридические лица вправе требовать возмещение нематериальных убытков и при отсутствии такого способа защиты в законодательстве, то следует признать, суд вправе удовлетворить иск, содержащий требование о компенсации морального вреда юридическому лицу [1, с. 1].

Таким образом, согласно позиции Конституционного Суда РФ, юридическое лицо может защитить свою деловую репутацию, предъявив требование о компенсации нематериального вреда, причем такой вред Конституционный суд понимает через убытки, пусть даже не материальные.

Если исходить из лингвистического толкования понятия «компенсация», понимая его как «уравновеши-

вание», «вознаграждение», то соотносимо оно только с моральным вредом. Понятие «ущерб» как равноценное понятию «имущественный вред», наиболее правильно соотносится с понятием «возмещение» — замена чего-нибудь недостающего или утраченного. Физические и нравственные страдания человека невосполнимы, следовательно, их нельзя «купить за деньги», возместить.

Более правильно говорить не о возмещении, а о компенсации морального вреда, призванной сгладить отрицательные эмоции человека. Представляется, что такая формулировка никак не может касаться юридических лиц, в свою очередь они не могут нематериальный вред компенсировать, но могут его возместить, как убытки.

Таким образом, юридическое лицо, чье право на деловую репутацию нарушено действиями по распространению сведений, порочащих такую репутацию, вправе требовать **возмещения** нематериального вреда.

Как следует из Постановления Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — Президиум ВАС РФ) от 17.07.2012 № 17528/11 предъявить такое требование оно может при доказанности общих условий деликтной ответственности, таких как наличие противоправного деяния со стороны ответчика, неблагоприятных последствий этих действий для истца, причинно-следственной связи между действиями ответчика и возникновением неблагоприятных последствий на стороне истца. Исключения составляют условия о вине ответчика.

В свою очередь противоправное поведение лица выражается в распространении не соответствующих действительности сведений.

Президиум ВАС РФ в постановлении от 17.07.2012 № 17528/11 указал, что для подтверждения наступления неблагоприятных последствий в виде нематериального вреда деловой репутации истца необходимо установить факт сформированной деловой репутации истца, а также факт утраты доверия к его репутации, следствием чего может быть сокращение числа клиентов и утрата конкурентоспособности (отказ контрагента от заключения договора).

Таким образом, доказывание наличия вреда деловой репутации юридического лица непосредственно связано с выявлением у такого юридического лица убытков, вызванных распространением порочащих сведений в публичных источниках. Тем не менее доказать такие убытки, как утрата конкурентоспособности, положительной оценки в глазах клиента или инвесторов, крайне сложно. Получается, что на истце в таких делах лежит двойное бремя доказывания наличия репутации, так как именно сложившаяся репутация юридического лица является отправной точкой, и умаления репутации в результате действий ответчика [2, с. 14].

В случае заявления юридическим лицом требования именно о компенсации морального вреда, причиненного умалением его деловой репутации, на практике остается проблема, заключаемая в том, что суды в силу того, что организации не способны испытывать физические и (или) нравственные страдания, и того, что в действующем рос-

сийском законодательстве отсутствует прямое указание на возможность компенсации морального вреда юридическим лицам, отказывают в возмещении такого вреда.

Учитывая тесную, но не абсолютную связь компенсации морального вреда (данная компенсация запрещена для организаций) и компенсации нематериального вреда (для юридических лиц напрямую не запрещена), в научной литературе предлагается осуществление судом переквалификации требования о компенсации морального вреда юридическому лицу, деловая репутация которого нарушена диффамацией, на компенсацию ему нематериального вреда, имеющего свое собственное содержание, отличающееся от содержания морального вреда, причиненного гражданину [3, с. 11].

Следует отметить, что число споров о защите нематериальных благ и деловой репутации неуклонно растет. Деловая репутация организаций является одним из условий их успешной деятельности. С момента создания организации как юридического лица (даты государственной регистрации) все, что относится к деятельности организации, влияет на формирование ее репутации. Сведения об организации, определяющие репутацию, могут быть достоянием различных лиц, в зависимости от того, насколько информация носила публичный характер. Репутационный капитал ценится не меньше материальных активов. В определенных условиях он учитывается наравне с интеллектуальной собственностью [4, с. 2].

В качестве довода о нематериальной природе анализируемого вреда можно отнести и тот факт, что невозможно рассчитать точную сумму убытков при умалении деловой репутации организации. Кроме того, крайне затруднительно доказать причинно-следственную связь между действиями ответчика и наступившими последствиями. Действующее гражданское законодательство не содержит понятия «репутационный вред», однако арбитражные суды чаще всего используют такое понятие как «репутационный вред». Вместе с тем в судебной практике отсутствует характеристика указанного понятия. Признавая за юридическими лицами право на компенсацию репутационного вреда, арбитражные суды зачастую отказывают в требовании о его взыскании. Мотивом для отказа является непредставление истцом достаточных доказательств причинения вреда его деловой репутации действиями ответчика. И действительно, для истца затруднительно доказать факт наступления неблагоприятных последствий в результате распространения порочащих сведений [6, с. 304].

Однако любые рассуждения о возможности причинения каких-то «неимущественных» («нематериальных», «репутационных») убытков (вреда) по отношению к юридическому лицу являются лишь словесными изысками, и не находят своего подтверждения на законодательном уровне [5, с. 5].

Таким образом, следует признать, что в настоящее время в законодательстве и правоприменительной практике существуют пробел в нормативном закреплении ин-

ститута возмещения нематериального вреда юридическим лицам при защите деловой репутации.

В заключение стоит отметить, что в сложившейся ситуации существует необходимость установления на законодательном уровне правил о компенсации нематериального вреда, причиненного юридическому лицу умалением его деловой репутации, которое содержало бы критерии пра-

вовой природы и определения размера такой компенсации. Вместе с тем следует отметить, что из-за специфики такого вреда невозможно определить четкие границы размера компенсации при рассмотрении данной категории дел. Поэтому в каждой конкретной ситуации необходима индивидуальная оценка степени и характера наступивших неблагоприятных последствий.

Литература:

1. Хлюстов, П. И. Компенсация морального вреда юридическому лицу — возможно ли это в России? // «Ваш партнер-консультант» № 01 (9617). 2016. с. 1.
2. Двенадцатова, Т. И. Защита деловой репутации набирает обороты // ЭЖ-Юрист. 2017. № 12. с. 14.
3. Гаврилов, Е. В. Компенсация и переквалификация // ЭЖ-Юрист. 2017. № 3. с. 11.
4. Иванов, А. П. Защита деловой репутации // Международный бухгалтерский учет. 2007. 11.
5. Козлова, Н. Проблема компенсации «нематериального» вреда, причиненного юридическому лицу // Корпоративный юрист // 2006 — № 2. — с. 1.
6. Игнатьева, Е. В. Вестник Бурятского государственного университета // № 2—2 // 2015. — с. 304.

ИСТОРИЯ

Трансформация идентичности жителей Астаны (на примере одной семьи)

Ваакс Александр Николаевич, магистрант

Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева (г. Астана)

В статье на примере нескольких поколений одной семьи рассматривается трансформация идентичности: этнической, религиозной, городской. Наряду с процессами трансляции общих семейных черт можно наблюдать и процессы трансформации, тесно связанные с изменением социокультурной среды и историческим контекстом.

Ключевые слова: идентичность, Астана, Казахстан, этничность, религия, повседневность, город, трансформация

История столицы республики Казахстан, города Астаны, начинается в 30-е годы XIX века [1]. За это время облик города непрерывно менялся, росло население, увеличивалась территория, развивалась инфраструктура. Из группы слобод при крепости Акмолинск превратился сначала в уездный город, затем в районный, краевой и областной центр. В числе наиболее значимых событий в истории города последних лет следует назвать перенос сюда столицы страны в 1997 г. [2]. Данный фактор способствовал дальнейшим значительным изменениям инфраструктуры города, численности его населения, этнического и культурного наполнения. С 1989 по 2016 г. население Астаны увеличилось более чем в три раза, с 281,2 до 880 тыс. человек [3]. Ключевую роль в этом сыграли миграционные потоки, внутренние и внешние.

На фоне изменений количественных показателей актуализируется вопрос трансформации идентичности старожилов города. Качественным характеристикам такой трансформации и посвящена данная работа.

В качестве объекта исследования была выбрана конкретная семья (далее «семья К»). Автор осознает, что результаты изучения довольно малой группы не могут дать полной картины, однако и такого рода срез позволяет сделать определенные выводы.

В тексте мы, так или иначе, упоминаем пять поколений семьи, промаркированные следующим образом:

- Поколение 0 (конец XIX в. — 60-е — 70-е гг. XX в.) — переселенцы из Украины;
- Поколение 1 (20-е гг. — настоящее время) — казахстанцы в первом поколении, прибыли в город в детстве;
- Поколение 2 (50-е гг. — настоящее время);
- Поколение 3 (70-е гг. — настоящее время);
- Поколение 4 (2010-е гг. — настоящее время).

Представители поколения 0, украинские крестьяне, прибыли в Казахстан с территории Украины (Полтавская область) приблизительно в 1915 г. Какое-то время проживали в сельской местности (Карагандинская область), в 30-е гг. XX в. переехали в г. Акмолинск. Представители семьи К. осознают свои украинские корни, однако себя считают русскими, ассоциируя себя в культурном плане больше с Россией, чем с Украиной. Казахским языком не владеют, украинским языком владеют лишь старшие члены семьи (казахстанцы в первом поколении), однако в быту им не пользуются. Имеют родственников в России (переехавших из Казахстана), связи с Украиной практически потеряны.

Родственники в Астане имеются, уровень коммуникации с ними различен. У старшего поколения он сравнительно высок. У младшего варьируется от сравнительно низкого до практически нулевого.

Уровень образования в разных поколениях отличается. Представители поколения 0 — украинские крестьяне, неграмотные. В первом поколении горожан — неполное среднее (80–90 лет, образование получено в 30-е — 40-е гг.). Во втором поколении (50–60 лет, образование получено в 60–70-е гг.) — среднее специальное, неоконченное высшее техническое. В третьем поколении (30–40 лет, образование получено в 90-е — 2000-е гг.) у всех членов семьи высшее гуманитарное и техническое, при этом у всех есть и среднее специальное. Представители четвертого поколения — дети, высшего или среднего специального образования не имеют по возрасту.

Миграционные настроения у разных членов семьи варьируются. Представители старшего поколения миграционных настроений не имеют. У среднего и младшего —

можно охарактеризовать как отложенную миграцию разной степени.

Представители второго поколения пережили трансформацию от высокого уровня миграционных настроений в 90-е гг. до отложенной миграции низкой степени в настоящее время. Факторы в пользу миграции в 90-е гг. — неуверенность в завтрашнем дне, экономический кризис, сомнения в национальной государственной политике, пример многочисленных знакомых, соседей и пр. Факторы против миграции в настоящее время — стабилизация экономической обстановки, столичный статус города Астаны, неуверенность в востребованности в других странах, в первую очередь, в России. Рассматривается потенциальный переезд в другие страны кроме России — Беларусь, Болгария. Однако намерения относительно переезда серьезными не считают.

Представители младшего поколения в 90-е гг. о миграции не задумывались в силу возраста, в настоящее время настроения можно охарактеризовать как низкий и средний уровень отложенной миграции. Факторы в пользу миграции — низкий уровень образования в Казахстане (со слов респондента), языковая политика, неуверенность в сохранении status quo после смены власти. Миграция в дальнее зарубежье всерьез не рассматривается.

В быту представителей семьи К. также можно также дифференцировать по возрастным категориям.

Представители старшего поколения во многом сохранили культурные импульсы крестьян. В частности, обязательным считается огород, если есть возможность его содержать. Скот, когда имелось юридическое право содержать его в городе, не держали (кроме птицы), но огород был и остается обязательной частью быта. Большое значение придавалось собирательству, рыбалке. Также представители старшего поколения сохранили некоторые элементы народных поверий и праздников. Православные, отмечают Пасху и Рождество. Считают своим долгом поддерживать отношения с большей частью родственников. Большое значение имеет общественное мнение.

Представители среднего поколения — уже сформировавшиеся горожане. Огород для них имеет значение, но он на втором плане. Тем не менее, отмечается, что в 90-е гг. и ранее дача и огород имели большое значение как источник продуктов. В настоящее время, когда есть возможность покупать продукты, огород воспринимается больше как хобби, чем как обязанность. Общение с ближайшими родственниками поддерживается. Не религиозны, народные традиции во многом потеряны.

Члены семьи — горожане в третьем поколении, также считают, что огород — необязательный элемент быта, однако допускают, что в будущем могли бы заниматься им в качестве хобби. Продукты предпочитают покупать. В быту более модернизированы, однако в целом схожи с предыдущим поколением. Культурные импульсы предков сохранили в меньшей степени. Отношения с родственниками поддерживают либо выборочно либо почти не поддерживают, общаются редко.

В рацион всех трех поколений входят блюда украинской кухни (борщи, каши), однако в целом кухню можно назвать усредненной советской с влиянием сибирской, казахской и среднеазиатской кухонь. В частности, популярностью пользуются такие блюда, как пельмени, манты. На праздники могут приготовить бешбармак.

В отношении религии можно сказать, что все старшее и среднее поколение не религиозно. Среди представителей младшего поколения есть как нерелигиозные, так и воцерковленные. Все члены семьи крещенные, однако младшие крещены в довольно позднем возрасте, на религиозной волне 80-х годов. Представители старшего поколения не религиозны, но традиционны, знают многие главные церковные праздники. В целом вся семья празднует Пасху и Рождество. Большая часть семьи постов не держит, в церковь не ходит.

В качестве основного источника информации для старшего поколения выступают местные газеты и телевидение, для среднего — телевидение, для младшего — интернет и в меньшей степени телевидение. Представители среднего поколения предпочитают смотреть российские новостные каналы. Младшее поколение также смотрит российские каналы, однако о качестве информации отзываться скептически, с относительно низкой степенью доверия.

Досуг практически всеми членами семьи проводится в основном дома. В кинотеатры представители старшего и среднего поколений не ходят вообще. Младшего ходят крайне редко.

Мы можем наблюдать трансформацию идентичности в нескольких аспектах. Во-первых, можно зафиксировать смену этнической идентичности. Представители поколения 0 были украинскими крестьянами, разговаривали на украинском языке и в целом сохраняли традиции этой социальной группы. Однако идентичность представителей уже поколения 1, попавших с детства в городскую среду с преимущественно русским языком общения, была довольно размыта. Можно сказать, что именно поколение 1, знающее украинский язык, но не пользующееся им, сохраняющее некоторые традиции, представляется нам в этом плане наиболее маргинальным. Представители поколения 2 считают себя русскими, несмотря на указанную в документах национальность, украинским языком не владеют. Завершается же трансформация у представителей поколения 3, которые являются русскими уже и по документам.

Следующий аспект идентичности, подвергшийся трансформации — отношение к религии. У представителей поколения 1 отношение к религии строго формализованное. Они не являются религиозными, детство их пришлось на 30-е — 40-е годы, идеологическая атмосфера которых, очевидно, сыграла свою роль. Однако при этом большое значение имеет народная традиция, согласно которой отмечаются наиболее важные церковные праздники, такие как Рождество и Пасха. Поколение 2 также нельзя назвать религиозным, но при этом оно в значительной мере потеряло и народные традиции. Об этом говорит и тот факт,

что представители поколения 3 были крещены не в младенчестве, как полагается по традиции, а гораздо позже, уже в конце 1980-х годов. Среди представителей поколения 3 есть и воцерковленные и не религиозные, однако в целом они придают религии несколько большее значение, чем предыдущее поколение. Это, очевидно связано с актуализацией этнокультурной идентичности в условиях меняющегося казахстанского общества.

Третий аспект трансформации идентичности — идентичность горожанина. В данном вопросе большое значение на наш взгляд имеет статус города, уровень развития его инфраструктуры, количество населения. Так, на момент переезда представителей поколения 1, Акмолинск был районным центром с населением около 40 тыс. человек (на 1936 г.) [4]. Высших учебных заведений в городе не было. Детство же представителей поколения 2 пришлось на время освоения целинных и залежных земель, когда город стал краевым центром, а его население достигло 99 тыс. человек (на 1959 г.) [4], а затем быстро превысило эту цифру. Приблизительно в тот же период город становится образовательным центром. За короткое время открываются Акмолинский (с 1961 г. — Целиноградский) сельскохозяйственный институт (1957), Целиноградский педагогический институт (1962), Целиноградский инженерно-строительный институт (1964) и Целиноградский государственный медицинский институт (1964) [5, 6, 7]. Растет число промышленных предприятий. Если представители поколения 1 росли в условиях относительно небольшого аграрного городка, что отчасти способствовало сохранению крестьянских традиций и некоторых особенностей быта, то среда развития поколения 1 — город с преимущественно промышленным сектором. Поколение 3росло в условиях позднего Цели-

нограда, постсоветского кризиса и в переходный период переноса столицы. Население города в позднесоветский период достигло 281,2 тыс. человек (1989), пережило кратковременное падение, связанное с эмиграцией населения, затем, после переноса столицы, вступило в фазу стремительного роста, достигнув уже к 1999 году 326,9 тыс. человек, а к 2016 880 тыс. человек [3]. Необходимо отметить, что важный период социализации представителей поколения 3 (студенческие годы) пришелся на время, когда город уже получил столичный статус, переживал стадию бурного роста, не только количественного, но и качественного, так сказать, «примерял на себя» роль столицы. В это время не только растет население — в город переезжают представители научной и творческой интеллигенции, развиваются культурные учреждения, культурный и экономический «центр тяжести» страны постепенно смещается в сторону Астаны. Кроме того, в экономической структуре города на протяжении 1990-х годов происходит ломка сложившейся экономической структуры, закрываются или значительно сокращаются промышленные предприятия, развивается сфера услуг. Все это не могло не отразиться в процессе социализации представителей поколения 3. Если бы существовала градация «столичного менталитета», то представители поколения 3 были бы на гипотетической шкале ближе к статусу «столичный житель», нежели представители поколения 2 и гораздо ближе, чем поколение 1.

Таким образом, идентичность представителей разных поколений даже в рамках одной семьи представляется нам различной. Наряду с процессами трансляции общих семейных черт можно наблюдать и процессы трансформации, тесно связанные с изменением социокультурной среды и историческим контекстом.

Литература:

1. Дубицкий, А. Ф. Пройдемся по улицам Целинограда. Целиноград. — 1990. — 111 с.
2. Указ Президента Республики Казахстан от 20 октября 1997 г. № 3700 «Об объявлении города Акмолы столицей Республики Казахстан». Электронный источник: https://tengrinews.kz/zakon/prezident_respubliki_kazahstan/konstitutsionnyiy_stroy_i_osnovyi_gosudarstvennogo_upravleniya/id-U970003700/ (дата обращения: 27.04.2017)
3. С начала года численность жителей Астаны увеличилось на 7,5 тысячи. Электронный источник: <https://kapital.kz/gosudarstvo/51480/s-nachala-goda-chislennost-zhitelej-astany-uvlechilos-na-7-5-tysyachi.html> (Дата обращения: 06.04.2017)
4. Алпысбаева, Г.А. Акмола, Целиноград, Астана: исторический путь становления и развития. Автореф. дисс. на соиск. уч. ст. д. и. н. Караганда. — 2009. — 51 с.
5. История КазАТУ. Электронный источник: <http://kazatu.kz/ru/ob-universitete/istoriya-universiteta/> (Дата обращения: 27.04.2017)
6. Евразийский национальный университет празднует свое 20-летие. Электронный источник: <http://astanazan.kz/nauka/item/11048-evrazijskij-natsionalnyj-universitet-prazdnuet-svoe-20-letie.html> (Дата обращения: 27.04.2017)
7. История МУА. Электронный источник: http://www.amu.kz/about_the_university/history_of_the_university.php (Дата обращения: 27.04.2017)

Административное и военное управление Хивинского ханства

Матьякубова Муборак Мадримовна, кандидат исторических наук, доцент;

Абдуллаева Хафиза Батировна, магистрант

Ургенцкий государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

В начале XVIII века в Средней Азии существовало три ханства, одним из которых было Хивинское. Хивинское ханство просуществовало с 1511 по 1920 годы. За четыреста лет существования ханством управляли две династии: Шибаниды и Кунградская династия. В архивах сохранились документы, содержащие информацию по хронологии и системе управления Хивинским ханством. Подобная информация не только позволяет пролить свет на историю управления ханством, но и в целом актуализирует изучение государственного развития Хивы. Обращая внимание на политический строй государства, отметим, что военное сословие занимало наиболее привилегированное положение. Хан и сам был высшим военным полководцем. В большинстве случаев хан сам возглавлял отряд, иногда походы в другие регионы возглавляли другие полководцы [1. с, 398].

В первой половине XIX века в Хивинском ханстве много улучшилось состояние регулярной армии. В ханстве было создано двухтысячное войско. «Хан навкарлари» в мирное время охраняли семью хана. Со стороны хана им был предоставлен ряд привилегий. Так, они владели землей и кроме того получали жалованье от хана [2. с, 59]. Такие же привилегии имели и военные чины. Во время военных действий собиралось и народное ополчение, халк лашкар, состоящее из «отлик аскар» (конница) и «пиёда» (пехота). Также важным считалось обеспечение войскового здоровья. Во время ханских походов раненым солдатам выделяли определенную сумму денег из ханской казны. Например, по данным 1866–1867 гг. раненному солдату Ибадулле было выдано 5 золотых, Болтанияз Бахадиру также 5 золотых монет, еще тридцать четыре раненых солдата получили по 3 золотых монеты [3. с, 116]. Обычно солдаты с этими монетами обращались к лекарю. При потере коня его стоимость также компенсировалась золотыми монетами [4. с, 142].

Распространенное в ханстве оружие можно условно разделить на холодное и огнестрельное. К первому виду можно отнести кинжалы, луки, мечи и др. С течением времени холодное оружие теряет свой статус. Огнестрельное оружие (мушкеты) изготавливали в Хазараспе местные мастера. Во второй половине XIX века на территории страны появилось русское и английское оружие [5. с, 58].

В Хивинском ханстве особую роль играли военные крепости. Обычно они принадлежали хакимам, назначаемым ханом, и выполняли военно-административную функцию. Так, можно назвать следующие военные крепости: Анбар Манок, Гурлан, Газавот, Илонли, Кипчок, Килич Ниязбай, Кунгирот, Ургенч, Киёт, Мангит, Янги Ургенч, Питнак, Рахмонбердибий, Тошховуз, Хазорасп, Хужайли, Хонка,

Чимбой, Шаббаз, Шовот, Шурахан. Во всех крепостях был свой представитель кутвол [2. с, 59].

Хивинский историк XIX века Баёний пишет про военные походы Мухаммад Рахимхана: «Впереди войска шли Пахлавон ота, Элтузархон, Мухаммад Рахимхан и другие, держа в руках 5 государственных знамен. Также за ними шли 25 кунградских племен, каракалпаки, ёвмуты, човдуры, мангиты, кипчаки и другие, держа в руке знамени» [5. с, 46].

Хан и ханские придворные также имели личные отряды. Баёний описывает это явление в период правления Мухаммад Аминхана и до него.

В период завоеваний царской России в середине XIX века в Хивинском ханстве была регулярная армия. В составе армии были пушечники (артиллерия), конница (навкары), личный навкар хана (личная гвардия) и пехота (сарбазы). Навкары, конная армия, в основном состояла из выходцев из туркменских племен. Это часть считалась наиболее боеспособной. Конные войска вооружались мечами и кинжалами [6. с, 90]. Пешие сарбазы комплектовались из числа узбеков, каракалпаков и туркмен.

Ханские навкары, то есть личная гвардия, охраняли хана и распределялись по городу Хива. Их обеспечивали водой и землей, заработной платой, они освобождались от налоговых обязательств. Семья погибшего навкара обеспечивалась пенсией, при необходимости вместо денег давали раба [7. с, 282].

Остановимся подробнее на военных чинах ханства. Самый высшим чином считался Амир ул-умаро [1. с, 398]. Амир ул-умаро доводил до войска ханские указы [4. с, 116]. После него стояли ясовулбоши. В ханстве их было двое. Один из них командовал туркменами ёвмутом, второй командовал туркменами човдирам. На ханских приемах и в ходе церемоний ясовулбоши не имели постоянного места. Но они участвовали в узких заседаниях вместе с мехтар, кушбеги, диванбеги. Ясовулбоши подчинялись ясовулы, миршабы, шотиры, эшикока [1. с, 398]. Получив ханский указ, ясовулбоши отправлялся на войну и сам шёл впереди войска. Кроме того, полиция, тюрьма, безопасность хана также входили в его обязанности ясовулбоши. Совершенно секретные указы держались в его руках. Он командовал отрядом из кочевого племени. Хан пользовался этим отрядом при подавлении восстаний и междоусобных войн [2. с, 59].

Войска в ханстве делились на сотни и десятки. По архивным данным XIX века их возглавляли юзбоши и унбоши. Во главе стоял мингбоши (тысячник), который, в свою очередь, подчинялся ясовулбоши. Самое большое жалованье получал ясовулбоши (500 золотых). Накибы

получали по 100 золотых. Мингбоши возглавляли тысячу воинов. Во время походов на них возлагалась большая ответственность. Они собирали воинов в определённом месте, контролировали их подготовку, во время войны руководили определённой частью войска. За сотниками (юзбоши) шли панжохбоши-элликбоши (пятидесятники), потом дахбоши (десятники). Катавул был ответственным за порядком в военной крепости, следил за строительством крепостных стен, руководил пограничными вой-

сками, обеспечивал оружием. Накибы во время военных действий отвечали за наступление задних, передних, центральных отделов войск. Также они отвечали за засады, командуя ими лично.

В Хивинском ханстве военное дело, подготовка, развитие вооружений, военные чины и их ответственность перед государством развивались из года в год. Это в свое время обеспечивало внутреннюю и внешнюю безопасность государства.

Литература:

1. Эшов, Б. Узбекистонда давлат ва махаллий бошқарув тарихи. Тошкент, Янги аср авлоди, 2012. — Б. 398.
2. Вохидов, Ш. Холикова Р. Марказий Осиёдаги давлат бошқаруви тарихидан. Тошкент, Янги аср авлоди, 2006. — Б. 59.
3. XIX аср Хива давлат хужжатлари. II том. 8-дафтар. — Тошкент, 1960. Б. 116.
4. Узбекистонда харбий иш тарихидан. Тошкент, Шарк, 2012. — Б. 142.
5. Мухаммад Юсуф Баёний. Шажаъи Хоразмшохий. — Тошкент, 1994. — Б. 58.
6. Саид Хомид Тура Камёб. Таворих ул-хавонин. Тошкент, Академия, 2002. — Б. 90.
7. Йулдошев, М. Хива хонлигида феодал ер эгаллиги ва давлат тузилиши. Тошкент, 1959. — Б. 282.

Каллиграфия и эпиграфические памятники. Место каллиграфии и эпиграфики в истории Хивинского ханства

Матъякубова Муборак Мадримовна, кандидат исторических наук, доцент;
Худжаева Гулора, магистрант
Ургенчский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

При изучении исторических процессов и исторической реальности опираемся на письменные источники. Обращаясь к ним, встречаем тексты на арабском, персидском и староузбекском языке. После завоевания Средней Азии Арабским халифатом арабский язык стал официальным языком науки, государственного делопроизводства.

В арабской письменности принято выделять несколько каллиграфических почерков. С VII века место первоначального почерка «Хатти маъкали» стал занимать «куфи». Впоследствии на основе этих двух почерков возникли семь стили почерков арабского письма [1. С. 50].

Стили куфи и сульс в связи со своей сложностью, применялись редко, в основном в различных эпитафиях, архитектурных порталных колоннах, монетах [2. С. 5].

Путем соединения почерков «наسخ» и «талики» возник «насталик», который отличается от других своей красотой, изяществом и удобностью при чтении. Поэтому в Средней Азии и на Кавказе он был принят в качестве официального почерка [2. С. 5]. Каждая из этих почерков специфична для определенного стиля. В частности, мухаккак — для касыд (ода), стихотворений, сульс — для научных текстов, заголовков, насх — для повестей и заметок, тавки — для приказов и постановлений, рика — для писем [3. С. 4].

Народный мастер резьбы по дереву Маткарим ибн Мухаммад (1768—1859 гг.) родился в селении Гандимиян Хивинского ханства в семье резчика по дереву. Его сын Абдурахман (1832—1928 гг.) также стал прославленным резчиком в Хорезме. Багибек Абдурахман оглы (1873—1954 гг.), продолжая отцовское ремесло, в 16 лет стал известным мастером. Он вместе с Ата Палвановым, Абдуллою Балтаевым участвовал в строительстве и украшении приемной Асфандиярхана, зданий почты, телеграфа, больницы, медресе и минарета Исламходжи. Следующим продолжателем их дела стал Сафа Багибек (1904—1978 гг.), уроженец хивинского селения Сангар. Он с 1920 года стал самостоятельно изготавливать двери, колонны. Сафа Багибек обучался у таких известных мастеров, как Ата Палванов, Абдулла Балтаев, с которыми принял участие в украшении зала «Хива» театра имени Алишера Навои в Ташкенте яркими образцами гравировки. Мавзолей Пахлавана Махмуда украшен образцами резных украшений XIV—XX века. Особой красочностью украшений и изобилием надписей отличается многостворчатая дверь, установленная напротив медресе Шергазихана. Створки двери украшены такими растениеподобными узорами, как мадохил, таджигул. На двери выдолблены надписи на персидском и арабском языках в стиле насх.

С давних времен своим изяществом посетителей восхищают рельефные рисунки голубоватого-синего цвета, украшающие архитектурный памятник XIV века — мавзолей Саид Алаутдина. История запечатлела имена таких известных мастеров-творцов рельефных изображений, как братья Артык и Абиджан Якубовы, Юсуф Таджи Палван, Юсуф кулал, Балта Ваис оглы, Ишмухаммад Худайберды оглы, т. к. в большинстве своих созданий они указывали свое имя [1. С. 49].

Почерки куфи и шикаста применялись в основном в архитектуре: на порталах зданий, при создании надгробных текстов. Это также контролировалось соответствующими специалистами [4. С. 67–68].

При переписывании книг хивинские каллиграфы в основном старались писать почерком насталик, т. к. он удобен при написании текста в любой форме. Обычными формами текстов были форма рыбы, змеи, солнца или в кумгана (кувшин с ручкой и носиком), чашки, чилима (род кальяна). Иногда внедрялись и другие формы. Подобные украшения можно встретить в народной книге «Захрижон достони» (эпос «Захрияджан») [5. С. 92].

Если взглянуть на историю переплетения книг, то можно установить, что дошедшие до нас первые переплетенные книги относятся к концу III — началу IV века нашей эры. В качестве украшений титульной обложки первых переплетенных книг служили простые геометрические фигуры. С течением времени они стали сочетаться с формами, подобными растениям, также стали применяться позолоченные прописные буквы, а листы украшались ажурными вырезками из кожи. Позже из арабских книг такой стиль широко распространился в мире и применялся до XV века [6. С. 51].

При изучении книжного и каллиграфического искусства Хивинского ханства на примере сохранившихся книг в ханской библиотеке, можно убедиться в том, что рукописные книги в основном писались почерком насталик. Встречаются тексты, написанные почерком насх, добавление элементов, свойственных почерку шикаста [7. С. 41]. Необходимо отметить, что представители хивинской школы каллиграфов и литературной среды умело пользовались разными почерками при написании книг. Здесь следует упомянуть имена таких известных каллиграфов, как Камиль Хорезми и его сын Мухаммадрасул Мирза. Они являются одними из создателей хорезмского типа почерка насталик. Этот тип отличался от основного почерка крупностью шрифтов, что оказало влияние и на объем книг: книги, переписанные хивинскими каллиграфами были более объемными, чем оригинал. В качестве образцов произведений, написанных хорезмским типом почерка насталик, можно привести «Фирдавс ул-икбал», «Рияз уд-давла», «Зубдат ут-таварих», «Джаме ул-вакеати султани», «Шажараи Хорезмшахи», «Тарихи Хорезм», «Равзат ус-сафо», «Тарихи джахангушаи Надыри» и другие. В создании копии вышеуказанных произведений

проявили самоотверженность такие хорезмские каллиграфы, как: Инаятулла диван ибн Мухаммадсафа [8. С. 212–213], Мулла Худайберган ибн Мухаммадназар [8. С. 213], Мулла Джуманияз [8. С. 206–207], Ишмухаммад ибн Атанияз [8. С. 289], Мулла Ходжа Нияз ибн Эшбаба Суфи Хорезми [8. С. 198], Ахунд Рахманкули кары [8. С. 198], Бабаджан Таррах [8. С. 71], Мухаммад Сыддык Хашмат [8. С. 168–176], Мухаммад Якуб Бешарыки [8. С. 424–429], Мухаммад Юсуф Чокар ибн Мухаммад Якуб [8. С. 276], Балтанияз ибн Уста Курбаннияз Харрат [8. С. 276]. При правлении хана Феруза каллиграфы пользовались особым уважением при дворе, поэтому в этот период за счет их плодотворного труда ханская библиотека обогатилась в несколько раз.

Основной целью российской экспансии в среднеазиатских ханствах, в частности, в Хивинском ханстве, явилось овладение природными, материальными и культурными богатствами государства. В захваченном трофее, отправленном в 1883 году в Эрмитаж были 25 штук ханских штампов, свыше 200 старинных золотых, серебряных и бронзовых монет [9. С. 1991].

Как указывает А. Кун в своем произведении «Поход в Хивинское ханство», после захвата ханства в Россию были увезены 200 ханских штапмов, ханский трон, 172 монеты Джучи, 3 монеты правителей кунградской династии, большое количество золотых и серебряных украшений [10. С. 31]. Кроме этого, в Санкт-Петербург были увезены редкие произведения из ханской библиотеки, большое количество ценных исторических, художественных, научных трудов, передававшихся из поколения в поколение. Отбор таких произведений был осуществлен советником-востоковедом при Туркестанском генерал-губернаторстве Александром Куном. Список расхищенных произведений и имуществ приведен в его произведении «Поход в Хивинское ханство» [11. С. 1991]. Он в 1873 году лично сдал в императорский фонд 300 книг, среди которых 129 исторических произведений, состоящих из 140 томов, оригиналы произведений Низами, рукописные варианты «Тарихи Васифи», «Искандер-наме», «Маснавийи маънави» Джалаладдина Руми, «Хамса» Алишера Навои, «Қиссас ул-анбия» Рабгузи, «Тафсири Коран», «Равзат ус-сафо», «Дастани Қасым», «Гороглы», «Шаджараи турк» Абулгзихана, а также 50 томов 40 произведений, посвященных богословию, 18 экземпляров Корана, 90 учебников на арабском, персидском и узбекском языках [12. Фонд 33].

Из-за разграбления вышеуказанных произведений, возникают некоторые трудности при изучении исторической реальности и приводит к искаженной трактовке происходивших событий и процессов. Исходя из этого, одной из основных задач, стоящих перед источникововедами, является пристальное изучение упомянутых трудов и представление ко вниманию историков, читателей посредством периодических изданий.

Литература:

1. Худайбергенов, К. Хива хонлари тарихидан. — Ургенч, 2008. — с. 50.
2. Джуманиязов, Р. Эски ўзбек ёзуви. — Ташкент: Ўқитувчи, 1989. — с. 5.
3. Батыров, О. Мунис «Саводи таълимига сўзбоши». — Ургенч, 1997. — с. 4.
4. Эрнazarов, Ф. XIX асрнинг охири XX аср бошларида Хива хонлиги... Диссерт. на соиск. уч. степ. к. и. н. — с. 67–68.
5. Хива минг гумбаз шахри. — Ташкент: Шарк, 1997. — с. 92.
6. Раҳмонқулова, М. Ўрта Осиёда қўлёзма китоб муқоваларининг алоҳида хусусиятлари // Тарихий манбашунослик муоммолари. / Республика илмий амалий анжуман материаллари. — Ташкент, 2008. — с. 51.
7. Эркинов, А. С. Матншуносликка кириш. — Ташкент, 1997. — с. 41.
8. СВР (каталог) АН Ўз ССР. Т. XI. — № 7279. — с. 212–213.
9. Фан ва турмуш. 1991. — № 9.
10. Садыкова, Н. Музейное дело в Узбекистане. — с. 31.
11. Садыкова, Н. Талон-торож қилинган мулк // Ўзбекистон адабиёти ва санъати, 19 июля 1991 г.
12. Н. Садыковой, список, составленный А. Куном хранится в архиве Санкт-Петербургского отделения Археологического института АН России (33-фонд, 1 список, 179-работа, 1 лист).

Значение Хорезма в исторических отношениях народов Средней Азии в эпоху бронзы

Таджиева Феруза Джумабаевна, преподаватель;

Юлдошова Гулчебра, студент

Ургенский государственный университет имени Аль-Хорезми (Узбекистан)

Хорезм — одна из самых древних историко-культурных областей Средней Азии. Источники эпохи арабского завоевания называют Хорезм — Страной тысячи крепостей. И в самом деле, сегодня на территории Хорезмской области археологами обнаружено множество древних городищ, некогда бывших мощными крепостями и царскими дворцами. Даже сегодня грандиозность и масштабы руин поражают своим великолепием и мощью. Тысячи крепостей раскинулись на огромных просторах безводных степей и как исполинские истуканы они хранят тайны Древнего Хорезма.

Одна из самых интересных загадок истории древнего Хорезма — это вопрос об идентичности понятий «страна ариев» и Большой Хорезм. Вопрос о происхождении арийцев и их исконном месте обитания до сих пор остаётся одним из самых загадочных в истории человечества. Многие народы Азии и Европы пытались доказать свою принадлежность к арийским племенам, но только территория Большого Хорезма совпадает по географическим и природным условиям, указанным в Авесте как «Ариана Вайчох» — место обитания ариев.

Хорезм, который был расположен относительно севернее других областей Средней Азии с точки зрения взаимоотношений и контактов между кочевыми и оседлыми народами, то есть который граничил с кочевой территорией, играл особенно важную роль. Это мы можем наблюдать ещё с периода неолита на примере отношений культуры Неолит Южной Средней Азии и культуры Кальтаминор. По

мнению Виноградова А. В. найденные покрашенные и узорчатые керамические изделия есть влияние юга. [1. с. 160]

Памятники эпохи бронзы в Средней Азии хорошо изучены на территории Хорезма и в Южной Туркмении. Наиболее ранними в Хорезме являются стоянки и могильники Тазабагъябской культуры. Их насчитывается более ста. В основном это поселения, расположенные на берегах небольших протоков, в дельте Аму-Дарьи. Тазабагъябская культура принципиально отличается от культуры раннего земледелия (Анау). Она связана с приходом в плодородные долины Средней Азии в начале II тысячелетия до н. э. индоевропейского или индоиранского населения. Этот тип людей хорошо изучен по материалам могильника Кокча-3. В могильных ямах находились парные или одиночные скорченные погребения. Установлено, что ямы в большинстве случаев вырывали на двух человек. Сначала хоронили одного члена семьи, а потом могильную яму разрывали, останки ранее погребенного подвигали в сторону и хоронили другого члена семьи. Вероятно, такой обычай был связан с прочным существованием парной семьи. У головы погребенного ставили один или два сосуда с жидкой пищей. В могильниках оказалось большое количество керамики. Глиняная посуда разнообразна по форме. Большинство сосудов покрыто орнаментом, состоящим из заштрихованных треугольников, различных сочетаний ломаных линий и зигзагов. Орнамент наносили гребенчатым штампом или нарезали.

Бронзовых предметов очень мало. В основном это украшения: бронзовые выпуклые браслеты, височные под-

вески в виде удлиненной спирали. В мужских погребениях обнаружены бронзовые четырехгранные в сечении шилья, вставленные в костяные рукоятки. Люди жили в прямоугольных землянках размером 10х12 м. Стены сооружались из деревянных столбов, переплетенных камышом и обмазанных глиной. В центре дома находился очаг для обогрева помещения, а вдоль стен имелось еще несколько небольших очагов, служивших для приготовления пищи. Вокруг этих очагов сосредоточена основная масса археологических материалов. Очевидно эти очаги были семейными. Вокруг них жили отдельные парные семьи, которые объединялись в один род, занимавший целое помещение. Черепа людей свидетельствуют о том, что население не было единым. Здесь отчетливо различаются два антропологических типа людей. Первый тип людей — большоголовый, высокого роста; второй — с небольшой головой, среднего роста. Первый тип сближается с европеоидным населением срубной и андроновской культур, а второй — близок древнейшему населению Индии. В середине II тысячелетия до н. э. в Хорезме появляется население иной культуры — суярганской, известной по стоянке Джанбас-6, Кокча-2, Базар-2 и др. Распространение суярганской культуры было вызвано появлением в Хорезме нового населения, исторически связанного с югом, скорее всего с территорией Иранского нагорья. К концу II тысячелетия до н. э. суярганская культура в значительной степени ассимилирует тазабагьябское население, приобретает новый облик, становится господствующей. Суярганские поселения занимают большие площади. На них особенно много керамики из плоскодонных сосудов без орнамента. Сосуды хорошо обожжены, залощены. Некоторые сосуды покрыты красноватой краской. Из бронзовых предметов этой культуры встречаются однолезвийные ножи и бронзовые серпы. Население суярганской культуры занималось земледелием и скотоводством.

Памятники бронзового века Хорезма связаны с возникновением первобытного ирригационного земледелия. С течением времени ирригационное орошение совершенствовалось. Оросительная сеть в эпоху бронзы возникла первоначально на узкие боковых протоках дельты, около которых были расположены квадратные огородные участки древних земледельцев. Вдали от воды, в остальных районах Средней Азии, основным занятием населения было скотоводство.

Такие примеры взаимоотношений можно проследить и в антропологических источниках. Яблонский Л. Т. писал о

том, что население неолитического поселения Тумек-Кичиджик (Сев. Туркменистан) переселилось из Поволжья через Хорезм, попытался хронологически обосновать эти факты. Мандельштам Л. М. исследовал процесс распространения Срубной культуры на Восточное Приаралье. [3. с. 102] Эти источники доказывают существование контактов между народами юга и севера.

Также непосредственно на основе археологических источников можем наблюдать культурные взаимоотношения между земледельческим югом и кочевым севером. Первоначально будем говорить об образцах материальной культуры юга, найденные на территории Хорезма.

Исследования, проведенные в поселении Сумбар дополняют вышесказанные факты и теории. Поскольку, то что в составе бронзовых посуды Сумбарской культуры встречается больше свинца относит эту культуру к северу, в отличие от южных культур с преобладанием мышьяка в составе посуды.

Керамика Андроновской культуры встречается почти во всех областях Средней Азии. Существует множество исследований по вопросам влияния Андроновской культуры к гончарству других земледельческих культур, влияние земледельческих культур к скотоводческим.

В науке археология заслуживают внимания исследования в области культурных отношений между кочевыми и оседлыми культурами на территории Хорезма и Зарафшана. Проведенные исследования на территории памятников Зарча Халифа, Дашти Кази, Токайли, Джом, Тумек-Кичиджик, Кукча-3, 15, 15а доказывают, что оазисы Хорезм и Зарафшан были центром-областью пересечения экономических и культурных отношений кочевых и оседлых народов.

В последние годы стали поднимать вопрос о периодизации взаимоотношений кочевых и скотоводческих культур. Особенно заслуживает внимание исследование Массона В. М. по его мнению самой древнейшей культурой считается Зарча Халифа. Традиции погребения дано поселения близки к южным. Отмечается, что вместе с умершим захоронили барана и 32 предмета [4. с. 265—266]. Одна часть найденных предметов (керамика, украшения для волос) относятся к земледельческим, а другая часть (предметы всадников) — северо-кочевым культурам. Массон считает это погребение (могилу) как древнейший артефакт взаимо-контактов 2 культур. Он также относит к вышесказанному такие культуры, как Шортогай, Бешкент (Бактрия) и Тазабагяп (нижняя Амударья).

Литература:

1. Виноградов, А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья // ТХЭ. Т. XIII, — М.: 1981.
2. Яблонский, Л. Т. Саки южного Приаралья (археология и антропология могильников). — М., 1996.
3. Мандельштам, А. М. Кочевники на пути в Индию. — МИА, 1966, № 136. с. 102.
4. Массон, В. М. Древние цивилизации востока и степные племена. Санкт-Петербург. 1999.

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

Международный научный журнал

Выходит еженедельно

№ 18 (152) / 2017

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Ахметов И. Г.

Члены редакционной коллегии:

Ахметова М. Н.
Иванова Ю. В.
Каленский А. В.
Куташов В. А.
Лактионов К. С.
Сараева Н. М.
Абдрасилов Т. К.
Авдеюк О. А.
Айдаров О. Т.
Алиева Т. И.
Ахметова В. В.
Брезгин В. С.
Данилов О. Е.
Дёмин А. В.
Дядюн К. В.
Желнова К. В.
Жуйкова Т. П.
Жураев Х. О.
Игнатова М. А.
Калдыбай К. К.
Кенесов А. А.
Коварда В. В.
Комогорцев М. Г.
Котляров А. В.
Кузьмина В. М.
Курпаянниди К. И.
Кучерявенко С. А.
Лескова Е. В.
Макеева И. А.
Матвиенко Е. В.
Матроскина Т. В.
Матусевич М. С.
Мусаева У. А.
Насимов М. О.
Паридинова Б. Ж.
Прончев Г. Б.
Семахин А. М.
Сенцов А. Э.
Сенюшкин Н. С.
Титова Е. И.
Ткаченко И. Г.
Фозилов С. Ф.

Яхина А. С.

Ячинова С. Н.

Международный редакционный совет:

Айрян З. Г. (Армения)
Арошидзе П. Л. (Грузия)
Атаев З. В. (Россия)
Ахмеденов К. М. (Казахстан)
Бидова Б. Б. (Россия)
Борисов В. В. (Украина)
Велковска Г. Ц. (Болгария)
Гайич Т. (Сербия)
Данатаров А. (Туркменистан)
Данилов А. М. (Россия)
Демидов А. А. (Россия)
Досманбетова З. Р. (Казахстан)
Ешнев А. М. (Кыргызстан)
Жолдошев С. Т. (Кыргызстан)
Игисинев Н. С. (Казахстан)
Кадыров К. Б. (Узбекистан)
Кайгородов И. Б. (Бразилия)
Каленский А. В. (Россия)
Козырева О. А. (Россия)
Колпак Е. П. (Россия)
Курпаянниди К. И. (Узбекистан)
Куташов В. А. (Россия)
Лю Цзюань (Китай)
Малес Л. В. (Украина)
Нагервадзе М. А. (Грузия)
Прокопьев Н. Я. (Россия)
Прокофьева М. А. (Казахстан)
Рахматуллин Р. Ю. (Россия)
Ребезов М. Б. (Россия)
Сорока Ю. Г. (Украина)
Узаков Г. Н. (Узбекистан)
Хоналиев Н. Х. (Таджикистан)
Хоссейни А. (Иран)
Шарипов А. К. (Казахстан)
Шуклина З. Н. (Россия)

Руководитель редакционного отдела: Кайнова Г. А.

Ответственные редакторы: Осянина Е. И., Вейса Л. Н.

Художник: Шишков Е. А.

Верстка: Бурьянов П. Я., Голубцов М. В., Майер О. В.

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

почтовый: 420126, г. Казань, ул. Амирхана, 10а, а/я 231;

фактический: 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25.

E-mail: info@moluch.ru; <http://www.moluch.ru/>

Учредитель и издатель:

ООО «Издательство Молодой ученый»

ISSN 2072-0297

Подписано в печать 17.05.2017. Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, 25